ИСПЫТАНИЕ
Воспоминания настоятеля и прихожан
Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге
о Великой Отечественной войне
и блокаде Ленинграда

ИСПЫТАНИЕ

Воспоминания настоятеля и прихожан
Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге
о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов

Санкт-Петербург
Князь-Владимирский собор
2010

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3.(2)622.78
И88

По благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира

Ответственный редактор
Профессор, протоиерей Владимир Сорокин

И88 **Испытание** : Воспоминания прихожан Князь-Владимирского собора о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов /Ответственный редактор проф., прот. Владимир Сорокин; сост. В. Синицына, И. Шкваря. . — СПб. : Князь-Владимирский собор, 2010. — ……. с.
ISBN 978-5-94813-015-6

Книга содержит свидетельства настоятеля и прихожан Князь-Владимирского собора, очевидцев и участников Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3.(2)622.78

ISBN 978-5-94813-015-6 © Издательство Князь-Владимирского собора, 2010

Предисловие

Великая Отечественная война 1941–1945 годов и 900-дневная блокада Ленинграда для России была испытанием.

XX век в истории человечества отмечен многими попытками людей изменить мир вокруг себя. Менялись политические системы, менялись экономические модели, менялись культурные приоритеты, менялись духовные ориентиры… XX век называют плавильным котлом цивилизации.

Сейчас XX век занял свое место в ряду столетий. Им теперь занимаются историки, исследователи, ученые…

Мы, свидетели XX века, люди верующие, православные тоже пытаемся осмыслить, понять и извлечь урок, проникнув в духовный смысл этого столетия.

В год 65-летия со Дня снятия блокады Ленинграда в Князь-Владимирском соборе, одном из немногих храмов, действовавших во время блокады, состоялась встреча ветеранов войны и блокадников. в ней приняли участие прихожане, члены общины собора и медработники НИИ Гематологии и трансфузиологии. Среди участников встречи были очень разные люди: блокадники и труженики тыла; мальчик, пытавшийся бежать из эвакуации на фронт и радистка полка пикирующих бомбардировщиков. Некоторые приходили в Князь-Владимирский собор ещё в годы войны и молились перед находящимися здесь иконами Божией Матери Казанской и «Скоропослушницы». Другие пришли к Богу и в Церковь совсем недавно. Всех собравшихся объединила вера, молитва и общее стремление сохранить эту трудную и такую необходимую память о Великой Отечественной войне. Рассказы, прозвучавшие на встрече, были настолько интересными, живыми и полезными, что стало очевидно: их обязательно надо сохранить. Так началась работа над книгой. в неё вошли воспоминания, письма, фотографии и документы из семейных архивов участников войны, жителей блокадного Ленинграда и тех, кто трудился в тылу.

Тяжелейшие испытания в XX веке Россия выдержала: Родина сохранилась, вера в Бога утвердилась, атеизм потерпел поражение… Однако испытания продолжаются. Всем нам важно полученные уроки не только запечатлеть в исторической памяти, но и претворить в жизнь. Необходимо помочь новым поколениям людей приобщиться к этому великому благородному чувству – быть наследниками наших предшественников – Киевской и Московской Руси и чадами Русской Православной Церкви.

«Ты испытал нас Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро» (Пс.65, 10)

Настоятель Князь-Владимирского собора

Профессор, протоиерей Владимир Сорокин

Введение

Встреча, с которой началась эта книга, произошла в 2009 году, в год 65-летия со дня снятия блокады Ленинграда. Ветераны, блокадники, дети войны, ставшие прихожанами одного храма, собрались вместе, чтобы вспомнить дни испытаний. Встреча началась с панихиды, её отслужил настоятель храма протоиерей Владимир Сорокин. Война коснулась и его семьи, пережившей фашистскую оккупацию. Потом, за трапезой, зазвучали воспоминания. Алексей Фёдорович Локтев, научный сотрудник института гематологии, рассказал несколько удивительно светлых историй из жизни верующих в блокадном городе, Инна Тимофеевна Балашова говорила о своём старшем брате, умершем в эвакуации — маленьком, но очень мужественном мальчике. Антонина Дмитриевна Владмирова рассказала, что за время войны была и партизанкой, и разведчицей, и радисткой в авиационном полке. «О вашей жизни можно снимать кино» — сказал ей один из ветеранов.

Настоятель собора рассказывает ветеранам о Всероссийском помяннике.
Слева направо: протоиерей Владимир Сорокин, Елена Аркадьевна Белова , Лариса Васильевна Барканова, Галина Казимировна Василевская, Антонина Дмитриевна Владимирова, Феликс Сергеевич Махов.

Отец Владимир показал гостям Всероссийский помянник, в котором собираются сведения о наших соотечественниках, способствовавших умножению славы и поддержанию чести России. Встреча завершилась молебном о здравии перед особо почитаемой Казанской иконой Божией Матери — списком с иконы, хранившейся здесь во время блокады.

Так много осталось невысказанным, и так важна для следующих поколений память о войне, что ветераны поддержали предложение настоятеля собрать их рассказы под одной обложкой. И вот, спустя год, в дни празднования снятия блокады, когда работа над книгой

подходила к концу, встреча ветеранов — теперь уже не только прихожан одного храма, но и соавторов, состоялась вновь.

Слева направо: Елена Львовна Веселова, Ирина Владимировна Алексеева, Лидия Яковлевна Дога, Лариса Васильевна Барканова.

Перед ними выступил детский хор собора «Горчичное зёрнышко» под руководством Елены Макаровой (кстати, родившейся 9 мая в семье офицера и по отчеству — Георгиевны).

Детский хор Князь-Владимирского собора «Горчичное зёрнышко» под руководством Е. Г. Макаровой

Регент и её воспитанники исполнили незабываемые песни войны и знаменитую, ещё довоенную «Пуговку», которую, как выяснилось, с удовольствием подпевавшие ветераны знают наизусть.

Елена Львовна Веселова, Феликс Сергеевич Махов

«Наверное, этот кусочек весит 125 граммов, о которых я хочу рассказать, — с этими словами, взяв со стола хлеб, обратилась к ребятам блокадница Елена Веселова. — 25 ноября 1941 года мне исполнилось 6 лет. Пайка для детей и иждивенцев уже была минимальной, и это был совсем не тот хлеб, что сейчас, — со жмыхом и опилками. в тот день мама отдала мне и свою пайку. Я об этом не знала и очень обрадовалась... Ребята, помните о блокаде, помните, как это было ужасно!».

«Он пришёл — наш Невский День Победы чудом уцелевших храмов и людей» —поэтические строчки из своего сборника «Янтарная память» прочитал Феликс Махов и пожелал, чтобы память новых поколений была, как янтарь — «тёплый» камень, вечно хранящий проникшие в него когда-то лучи света.

Феликс Сергеевич Махов

Мария Николаевна Фетинг рассказала о работе в детском саду в блокадном городе.

Слева направо: Инна Тимофеевна Балашова, Николай Владимирович Михалевич, Елена Аркадьевна Белова, Нина Викторовна Ушакова, Лиза Цветкова

Для юных и пожилых прихожан такие минуты дружеского общения бесценны. Именно они зримо являют то, что называют преемственностью памяти, связью поколений.

1-й ряд: слева направо. Инна Тимофеевна Балашова, Мария Николаевна Фетинг (впереди), Антонина Дмитриевна Владимирова, Елена Михайловна Шумилова, Лариса Васильевна Барканова, (?).
2-й ряд: Варвара Синицына, Галина Шаргунова, Елена Аркадьевна Белова, Нина Викторовна Ушакова, Гриша Васильев, перед ним - Александра Ивановна Узикова, за ней Серафима Тимченко, Лиза Кузнецова, Лиза Цветкова, Елена Львовна Веселова, Кристина Савинец.
3-й ряд: Татьяна Рубцова, Елена Пенькова, Екатерина Карловская, Анна Скрябина, перед ней Лена Щаблыкина, Катя Черепанова, Сталина Николаевна Юманова, настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Владимир Сорокин, перед ним Ирина Владимировна Алексеева, Ксения Макарова, Елена Макарова (руководитель хора), Лидия Николаевна Дога, Аглая Лазарева, (?), (?), Нина Кравченко, Ирина Шкваря, Альбина Щербина, Иван Беленикин.
4-й ряд: Ирина Смирнова, Татьяна Алёшина, Анастасий Кравченко, Феликс Сергеевич Махов, Николай Михалевич, Ксенитя Макарова, Владимир Олещенко.
5-й ряд: Настя Киселева, Маша Шабаева, Алексей Григорьев, Ростислав Королев.
6-й ряд: Василиса Щаблыкина, Александра Горошилова, Катя Цветкова, Дарья Мисник, Александра Васильева.

Князь-Владимирский собор в 1939 году

В день, когда началась Великая Отечественная война, митрополит Ленинградский Алексий Симанский служил литургию в Князь-Владимирском соборе: 22 июня 1941 года отмечался праздник Всех святых, в земле Российской просиявших. Все 900 дней блокады собор с хранившейся в нём с сентября 1940 года чудотворной Казанской иконой Божией Матери составлял одну из главных духовных твердынь города-фронта. Благодаря неиссякаемому блокадному паломничеству к святыням храма его посещаемость даже в первую блокадную зиму, вопреки опасениям, нисколько не упала, а возросла. По свидетельству очевидцев «стали трамваи, прекратилась подача электрического света, керосина не было. в предутренней тьме, озаряемой вспышками орудийных выстрелов, чрез глубокие сугробы неубранного снега спешили священники, певчие, служащие и прихожане собора со всех концов города… Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, в валенках, а мужчины даже в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане». Голодная смерть косила людей повсюду — на улице, дома, на работе. 14 марта 1942 года список жертв блокады пополнил бессменный с 1933 года председатель двадцатки (староста) Князь-Владимирского собора Иван Моисеевич Куракин… Но утренние и вечерние богослужения в храме не прерывались ни на один день: было много причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды. По благословению церковного священноначалия

за каждой литургией читалась особая молитва о помощи Божией и даровании победы. с каждым военным днём к Богу обращалось всё больше и больше людей, которые годами боялись переступить порог церковный.

«Наш град находится в особенно трудных условиях, но мы твёрдо верим, что его хранит и сохранит покров Матери Божией и небесное предстательство его покровителя св. Александра Невского», — писал митрополит Ленинградский Алексий в своём Пасхальном послании 1942 года, прочитанном в храмах в Вербное воскресенье. Пасхальные богослужения в Ленинграде и в 1942, и в 1943, и даже в 1944 годах были перенесены на раннее утро. к первой блокадной Пасхе, в ночь с 4 на 5 апреля 1942 года, враг приурочил массированный налёт на осаждённый город. в ту ночь Князь-Владимирский собор получил многочисленные повреждения осколками снарядов, на его южном фасаде были выбиты почти все окна. Протоиерей Николай Ломакин, с февраля по июль 1942 года служивший настоятелем собора, доложил о последствиях бомбёжки митрополиту Алексию и услышал в ответ: «И это в пасхальную ночь!.. Ничего: будет и по-другому. Христос воскресе!.. Не падайте духом. Бодрите других. Наш долг быть твёрдыми: мы — русские, мы — православные христиане». Впоследствии протоиерей Николай Ломакин, единственный представитель Русской Православной церкви, выступавший на Нюрнбергском процессе, свидетельствовал на суде о разрушениях, причинённых храмам Ленинграда фашистскими агрессорами.

В период войны и блокады клир и церковный совет Князь-Владимирского собора приняли самое широкое участие в церковно-патриотической работе. Пожертвования его прихожан и духовенства на военные нужды за 1941–1945 годы превысили 3,5 миллиона руб., что составило 21,5 % взносов от всех восьми действовавших храмов Ленинграда или порядка 1 % общецерковных сборов. При этом в пользу Красного Креста собор направил средств больше, чем какой-либо другой ленинградский храм.

В октябре 1943 года представители духовенства впервые в советской истории были удостоены государственной награды — медали «За оборону Ленинграда», в число награждённых вошли все три священнослужителя Князь-Владимирского собора: настоятель протоиерей Павел Тарасов, протоиерей Филофей Поляков и архимандрит Владимир (Кобец).

Священнослужители Ленинграда. октябрь 1943 г. Сидят (слева направо) прот. М. Славнитский; прот. П. Тарасов; архиеп. Григорий (Чуков); митр. Алексий (Симанский); прот. В. Румянцев; прот. Н. Ломакин; прот. Ф. Поляков. Стоят: прот. И. Горемыкин; свящ. П. Артемьев; протодиак. С. Дмитриев; свящ. С. Рождественский; прот. В. Верюжский; Л. Парийский; свящ. С. Румянцев; диак. И. Пискунов; протодиак. П. Маслов; прот. В. Дубровицкий; свящ. Л. Егоровский; прот. М. Смирнов; архим. Владимир (Кобец); прот. П. Фруктовский.

14 января 1944 года на Ленинградском фронте началось мощное наступление Красной Армии, и уже в Неделю по Просвещении, 23 (10) января, в соборе, как и в других храмах города-героя, был совершён благодарственный молебен по случаю разгрома врага. «Верующее сердце русского человека чувствует в этой победе силу правды Божией, за которую ополчился русский народ, и Божию милость, которая дарована нам по молитвам Церкви», — писал в послании к своей пастве митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий.

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
ОН
25 VII-41
Ленинградский ОК и ГК ВКП(б)
Особый сектор

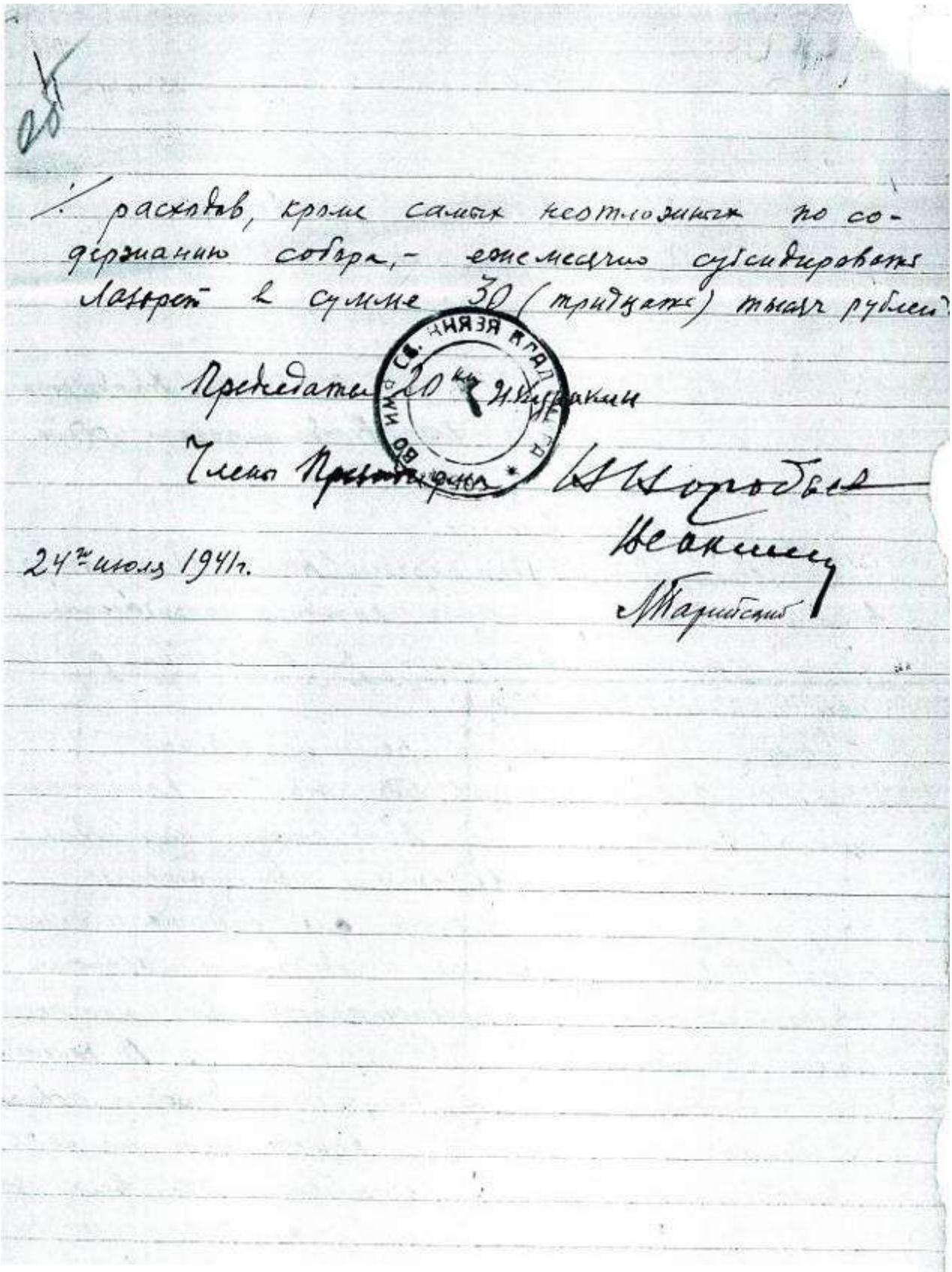
Председателю Ленсовета
чрез Адм. Отдел Ленсовета

Президиум Двадцатки
Клуб-Владимирского собора,
ул. Блохина, № 16

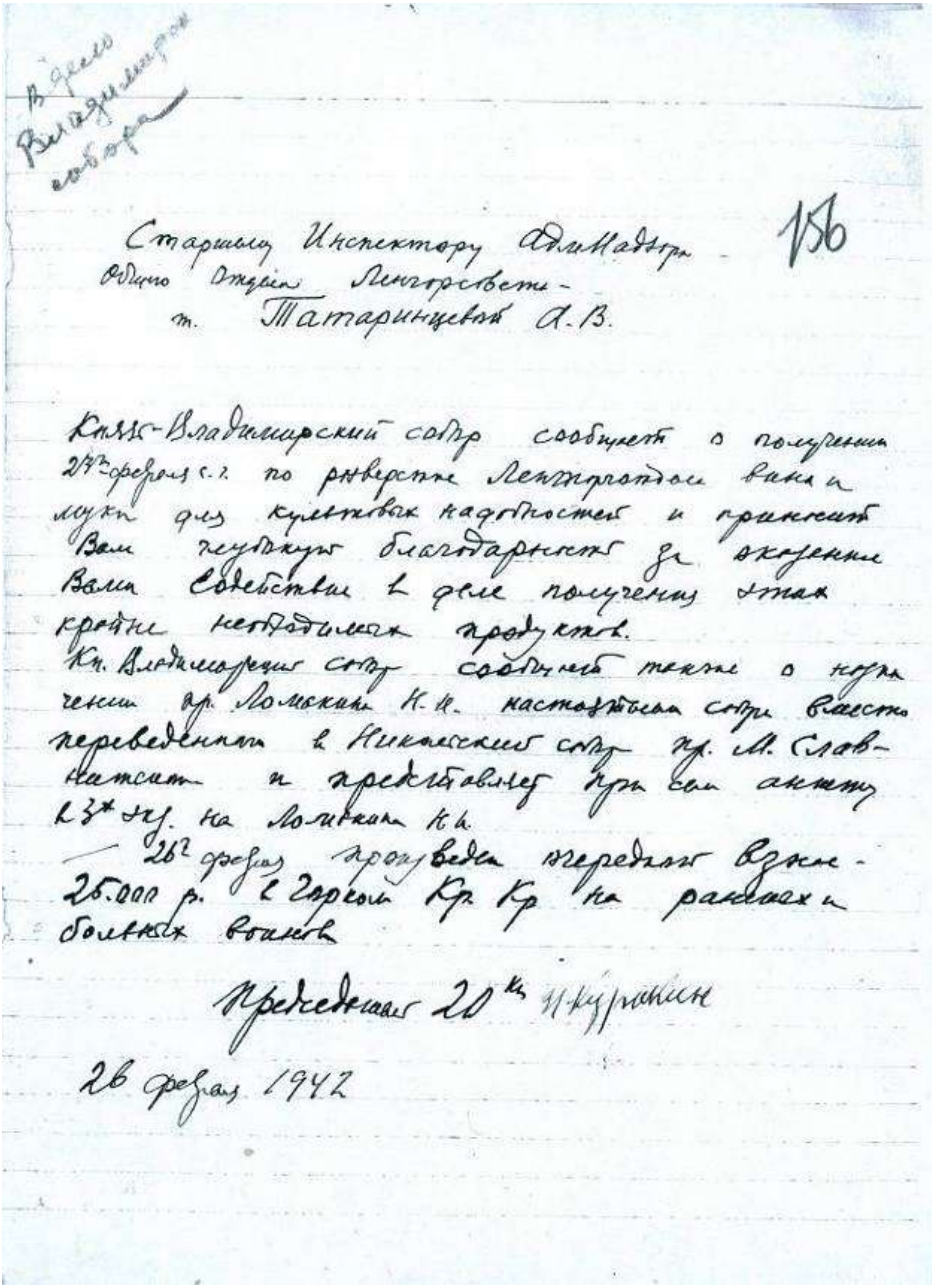
Заявление.

В минуты трудно-переживаемых обстоятельств военного времени долг каждого гражданина идти навстречу отечеству к облегчению разных родов затруднений.

Этому учит нас и религия наша. Исполняя завет Христов о любви к ближнему, представители верующих - Двадцатка Клуб-Владимирского собора - выражает свое желание открыть в тылу лазарет для раненых и больных воинов. На оборудование и содержание Лазарета Двадцатка могла бы предоставить все имеющиеся у нас средства - свыше 700 тысяч рублей. В дальнейшем, если материальных условий дальности собора не изменятся, Двадцатка принимает на себя решение, отказавшись решительно от всех у



Заявление от 27 июля 1941 г. председателю Ленсовета от Президиума Двадцатки Князь-Владимирского собора о желании открыть в тылу)лазарет для раненых и больных воинов. «На оборудование и содержание лазарета Двадцатка могла бы предоставить все имеющиеся у нас средства — свыше 700 тысяч рублей. в дальнейшем …двадцатка принимает на себя решение, отказавшись решительно от всех % расходов, кроме самых неотложных по содержанию собора, — ежемесячно субсидировать лазарет в сумме 30 (тридцать) тысяч рублей.» (ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 79, л.1-/ об)


В дело Владимирского собора

156

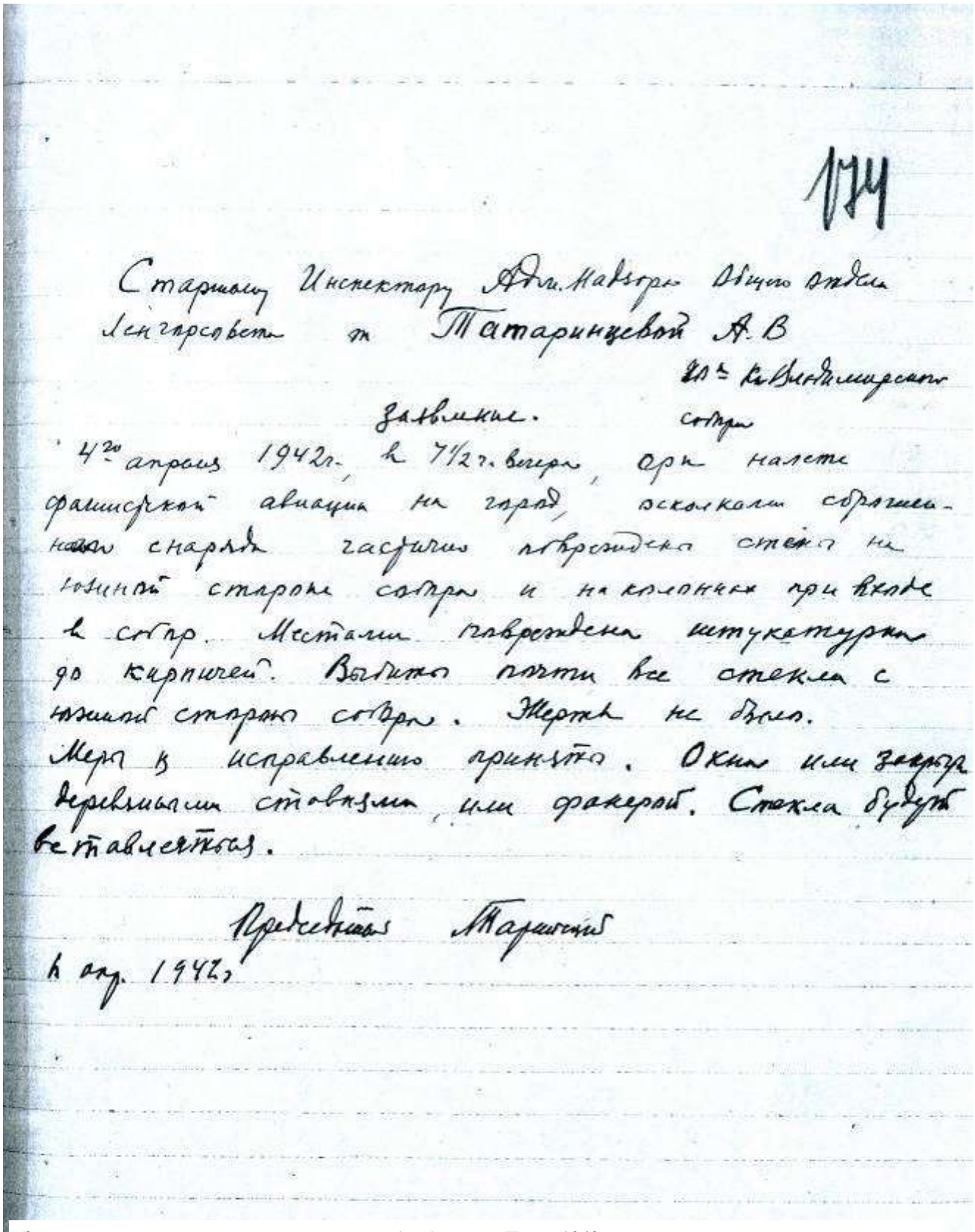
Старшему Инспектору АдмНадзора
Общего Отдела Ленгорсовета -
т. Татаринцеву А.В.

Князь-Владимирский собор сообщает о получении 23го февраля с.г. по разверстке Ленпромторга вина и муки для культовых надобностей и приносит Вам глубокую благодарность за оказание Вами содействия в деле получения этих крайне необходимых продуктов.
Кн. Владимирский собор сообщает также о назначении гр. Ломакина Н.И. настоятелем собора вместо переведенного в Никольский собор гр. М. Славнитского и представляет при сем анкету в 3х экз. на Ломакина Н.И.
— 26го февраля произведен очередной взнос 25.000 р. в Городской Кр. Кр. на раненых и больных воинов

Председатель 20ки Н.Куракин

26 февраля 1942

«Князь-Владимриский собор сообщает о получении 23 февраля с. г. …вина и муки для культовых надобностей и приносит …глубокую благодарность за оказание …содействия в деле получения этих крайне необходимых продуктов…» 26 февраля 1942 года. (ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 156)



174

Старшому Инспектору Адм. Надзора Общего отдела Ленгорсовета т. Татаринцевой А. В.

Ю. к. Владимирского собора

Заявление.

4-го апреля 1942 г., в 7½ ч. вечера, при налете фашистской авиации на город, осколками сброшенного снаряда частично повреждены стены на южной стороне собора и на колоннах при входе в собор. Местами повреждена штукатурка до кирпичей. Выбиты почти все стекла с южной стороны собора. Жертв не было. Меры к исправлению приняты. Окна или закрыты деревянными ставнями, или фанерой. Стекла будут вставляться.

Председатель Л. Парийский

6 апр. 1942 г.

Заявление о разрушительных последствиях бомбёжки на Пасху 1942 года.
«4-го апреля 1942 г. в 7 ½ ч. вечера при налете фашистской авиации на город осколками сброшенного снаряда частично повреждены стены на южной стороне собора и на колоннах при входе в собор. Местами повреждена штукатурка до кирпичей. Выбиты почти все стёкла с южной стороны собора. Жертв не было. Меры к исправлению приняты. Окна или закрыты деревянными ставнями, или фанерой. Стёкла будут вставляться. Председатель Л. Парийский». 6 апреля 1942 (ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 174)

Приложение
к Годовому отчету Князь-Владимирского собора
за 1943 г

259

Процентное отношение взноса на Строительство танковой колонны им. Димитрия Донского к доходу и расходу собора за 1943 г

Взнос на Танки 725 045 р.-
Общий расход 221 518 р.
Чистая прибыль 694 080 р.-

Показатели:

а) в отношении к расходу

1. Взнос на Танки составляет 76 % всех израсходованных средств собора за 1943 г. (221 518 р. + 725 045 р.)
2. Взнос на Танки превышает сумму расходов на 33 %.

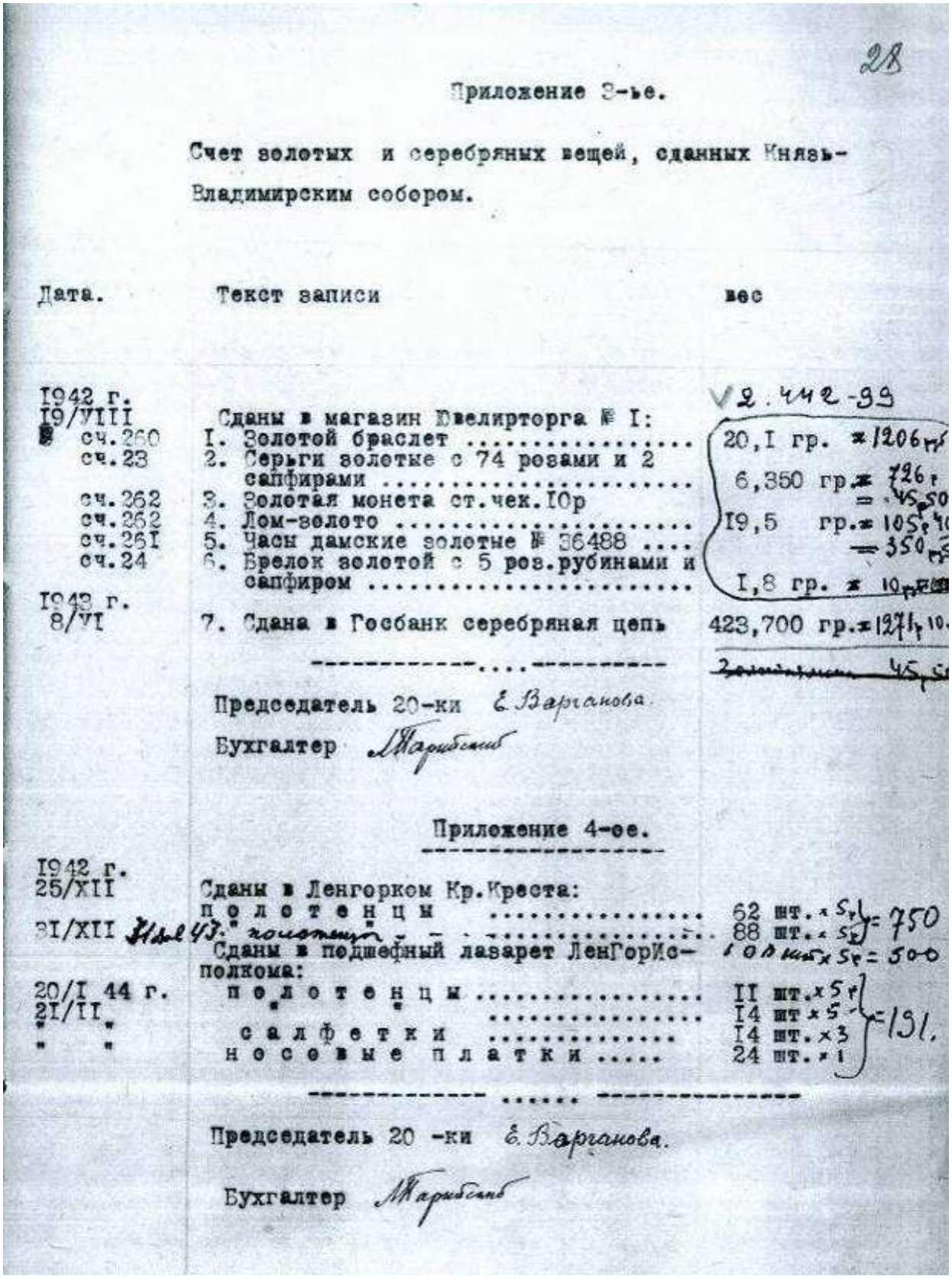
б) в отношении к доходу.

3. На взнос на Строительство Танков употреблена вся чистая прибыль собора за 1943 г. 694 080 р.
и из остатка денежных средств на 1 янв. 1943 г. 32.000 р.-

Бухгалтер М. Тарнавский

27 января 1944 г

Приложение к Годовому отчёту Князь-Владимирского собора за 1943 год. Процентное отношение взноса на строительство танковой колонны им. Димитрия Донского к доходу и расходу собора за 1943 год. 27 января 1944 года. (ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 259)



28

Приложение 3-ье.

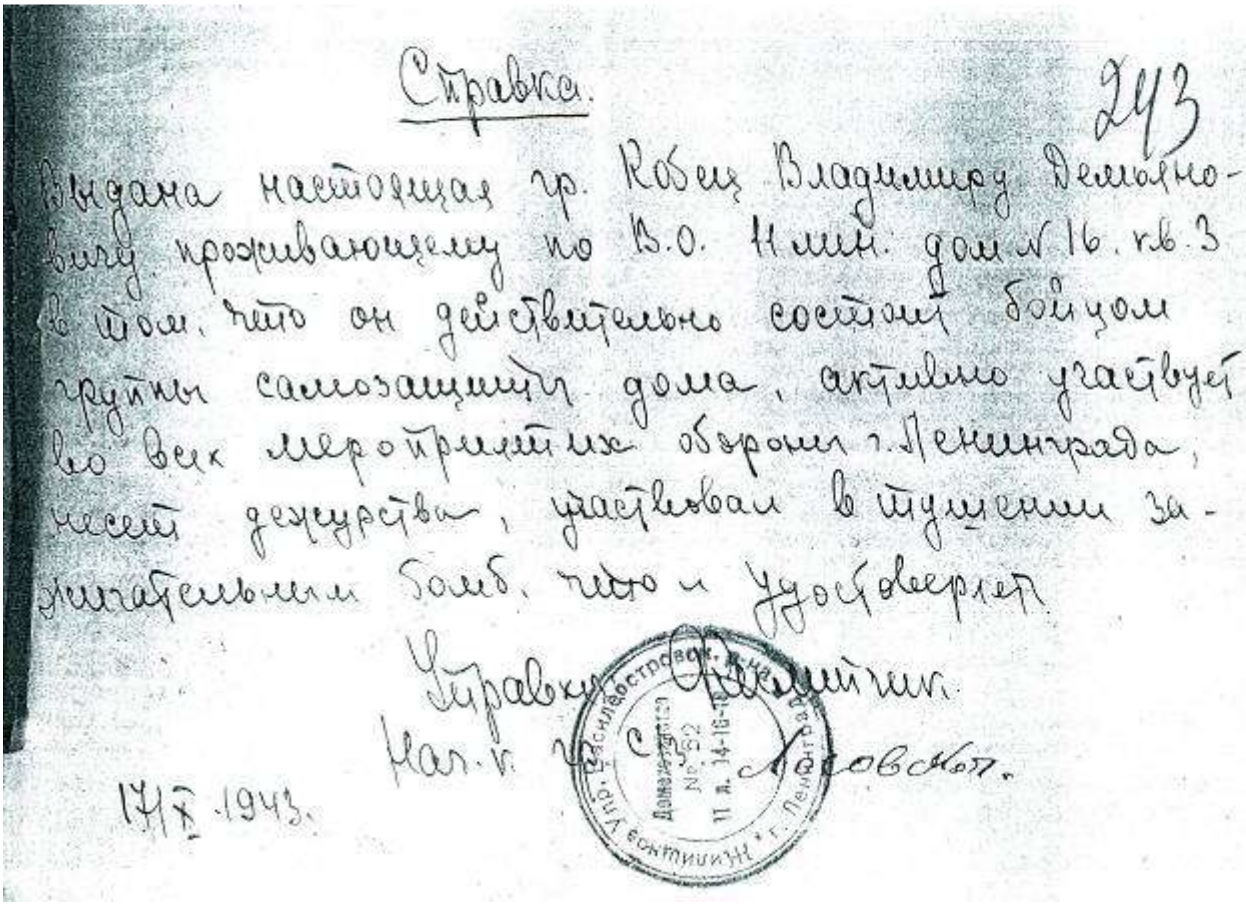
Счет золотых и серебряных вещей, сданных Князь-Владимирским собором.

Дата.	Текст записи	вес
1942 г.		
19/VIII	Сданы в магазин Ювелирторга № I:	
сч.260	1. Золотой браслет	20,1 гр.
сч.23	2. Серьги золотые с 74 розами и 2 сапфирами	6,350 гр.
сч.262	3. Золотая монета ст.чек.10р	
сч.262	4. Лом-золото	19,5 гр.
сч.261	5. Часы дамские золотые № 36488	
сч.24	6. Брелок золотой с 5 роз.рубинами и сапфиром	1,8 гр.
1943 г.		
8/VI	7. Сдана в Госбанк серебряная цепь	423,700 гр.
	----------...----------	
	Председатель 20-ки Е. Варганова	
	Бухгалтер	

Приложение 4-ое.

1942 г.		
25/XII	Сданы в Ленгорком Кр.Креста:	
	полотенцы	62 шт.
31/XII	" "	88 шт.
	Сданы в подшефный лазарет ЛенГорИсполкома:	
20/I 44 г.	полотенцы	11 шт.
21/II	"	14 шт.
" "	салфетки	14 шт.
" "	носовые платки	24 шт.
	---------- ..... ----------	
	Председатель 20-ки Е. Варганова.	
	Бухгалтер	

Счёт золотых и серебряных вещей, сданных Князь-Владимирским собором; перечень предметов гигиены, переданных в Ленгорком Красного Креста. (ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 4, л. 25, 27, 28)



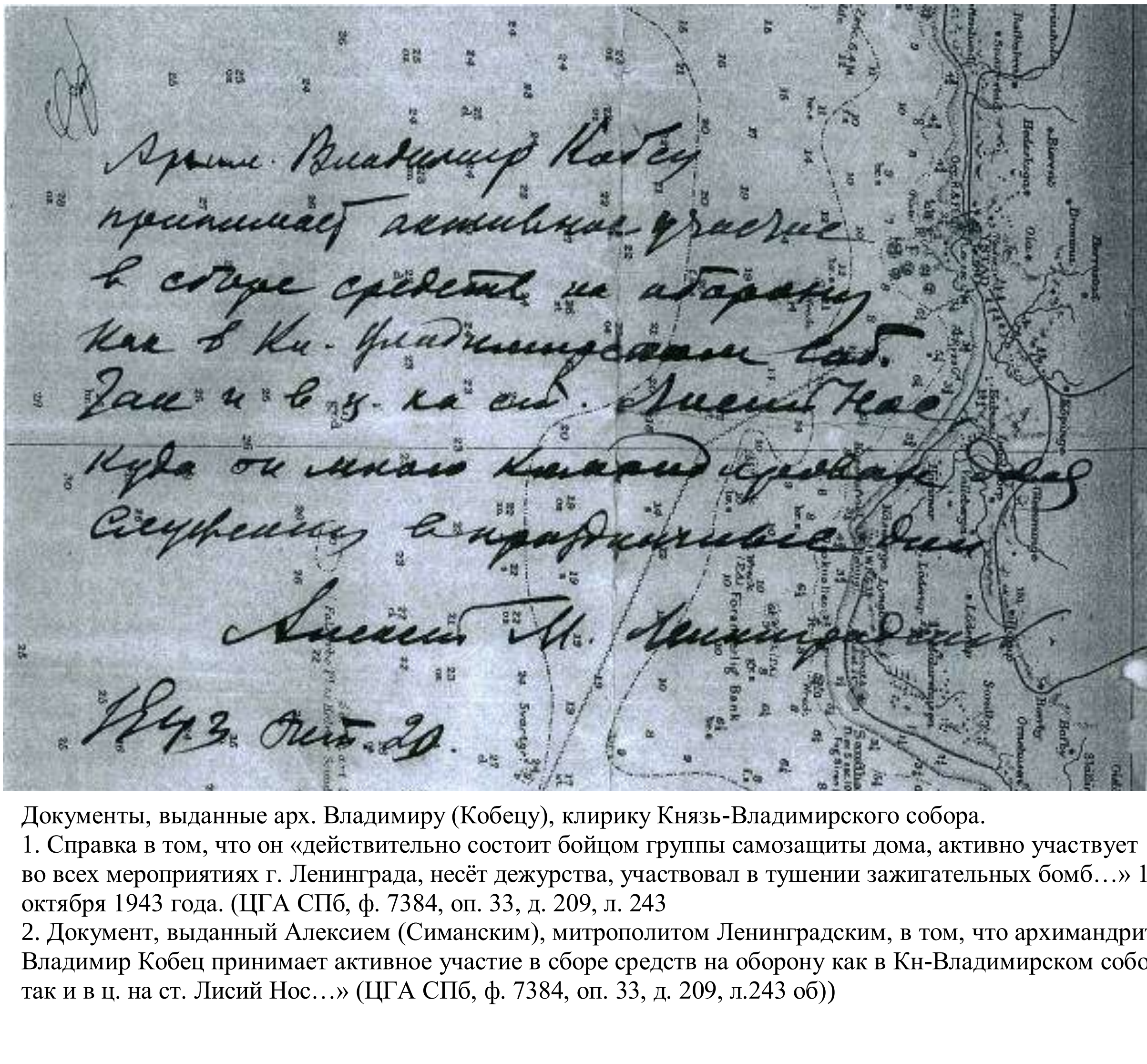
Справка. 243

Выдана настоящая гр. Кобец Владимиру Демьяновичу проживающему по В.О. 11 лин. дом № 16. кв. 3 в том, что он действительно состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны г. Ленинграда, несет дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб. что и удостоверяет.

Управдом [illegible]

Нач. [illegible] Лосовский.

17/X-1943.



Архим. Владимир Кобец принимает активное участие в сборе средств на оборону как в Кн-Владимирском соб. так и в ц. на ст. Лисий Нос куда он много командировался для служения в праздничные дни.

Алексий М. Ленинградский

1943. Окт. 20.

Документы, выданные арх. Владимиру (Кобецу), клирику Князь-Владимирского собора.

1. Справка в том, что он «действительно состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях г. Ленинграда, несёт дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб…» 17 октября 1943 года. (ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л. 243

2. Документ, выданный Алексием (Симанским), митрополитом Ленинградским, в том, что архимандрит Владимир Кобец принимает активное участие в сборе средств на оборону как в Кн-Владимирском соборе, так и в ц. на ст. Лисий Нос…» (ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 33, д. 209, л.243 об))

В страхе и трепете

Настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Владимир Сорокин

Сорокина Александра Максимовна 28.03.1914 г.р.
Сорокин Иустин Парфеньевич 14.06.1909 г.р.

Когда в августе 1941 года мое родное село Злынка на Кировоградчине в Украине было оккупировано немцами, мне было два с половиной года. Родился 5 марта 1939 года. Конечно, я не помню, как начиналась оккупация. Зато я хорошо помню отдельные эпизоды более позднего времени. Оккупанты в нашем селе были до 15 марта 1944 г.

Одно из впечатлений — о почтальоне.

В Злынке в то время не было ни радио, ни телевизора, ни электричества. Главным носителем информации был почтальон. Если в мирное время почтальона ждут с радостью, то в военное — совсем по-другому. Я это очень хорошо помню. Почтальона ждали все со страхом и трепетом. Люди очень внимательно следили, к кому и с каким конвертом зайдёт почтальон. Если письмо треугольное, значит, весть от живого, если открытка с чёрной полосой, значит, весть о смерти. Сразу слышны плач и рыдания там, где прошёл почтальон. Такие открытки получали дважды и наши родственники. Два моих дяди, Гавриил и Иаков, погибли на поле брани.

Мой отец, Иустин Парфеньевич, был на фронте всю войну. До этого он участвовал в финской войне.

Хорошо помню, с какой встревоженностью наша семья — трое детей, Николай (1936 г.), я (1939 г.) и сестра Надежда (1941 г.); мама, Александра Максимовна (1914 г.); бабушка Евдокия (1861 г.) — ждали почтальона.

Когда он проходил мимо нашего двора было грустно от того, что от папы нет письма, но и радостно, что не пришла открытка с чёрной полоской.

Еще помню разговоры женщин между собой о том, как на базарной площади устраивались показательные порки тех, кто чем-либо провинился. Раздевали человека догола и секли плетьми. Причем пороли полицаи, т. е. те из местного населения, кто согласился сотрудничать с оккупантами. Немцы только командовали. Слышать об этом было страшно.

При немцах в нашем селе открыли православный храм Покрова Пресвятой Богородицы, старинные два храма были разрушены большевиками.

Немцы разрешили совершать богослужения в простой хате. Я помню священника, который иногда заходил к нам. Видимо, он знал, что дядя моей мамы, Прокопченко Ефим Иванович,

был священником. Его расстреляли 19 января 1938 года в Ярославской области, куда он убежал, надеясь избежать репрессий.

Запомнился мне большой немецкий танк у нас на дворе и четыре немца, которые жили в нашей хате. Мы, дети, обычно находились на печи. У нас была большая русская печь. С нами бабушка, а мама — на лежанке. Немцы в большой комнате. Их надо было кормить, обстирывать, создавать благоприятные условия.

Немцы были разные. Двое относились к нам, детям, хорошо, иногда давали конфеты. В то время это было что-то особенное. Двое других были довольно буйные. Особенно когда напьются, обязательно дрались, ругались. В это время мы сидели на печке, прижавшись к бабушке, дрожали от страха. Мы только слышали, как летели тарелки, ложки и всё, что попадало под руку.

Немцев, конечно, боялись и не любили. Но самый большой страх и ужас вызывали полицаи, власовцы, изменники… В памяти народной они запечатлелись очень жестокими и злыми карателями.

Особенно мне запомнился момент, когда вдруг по всему селу понеслась новость: «Война кончилась!» Слова «Победа» я не слышал, но радость, ликование, торжество охватили всех очень быстро. Это был яркий солнечный день. Это незабываемо.

Ликование прошло, и снова начались будни. Ожидали с фронта тех, кто остался жив. Бедность у всех была ужасающая. Немцы всё изымали, увозили, при отступлении взорвали железнодорожную станцию, зернохранилище, разрушали школы, разворотили железнодорожное полотно, взорвали мосты. Разграбили всё. Хозяйства были разрушены до основания. Население спасалось кто как мог. И всё-таки сразу же после освобождения села, не знаю уж каким образом, но маме с бабушкой удалось обзавестись козой. И это нам очень помогло. Коза была белая с серыми пятнами. Мама её называла «наша спасительница». Коза давала молоко, а наша забота была наготовить ей корм. Так я с детства получил хороший урок трудолюбия.

Не сразу после победы, а спустя довольно продолжительное время, папа однажды ночью постучал в окно. Вернулся… Не помню, были ли подарки, но вот ложку, с которой он прошёл всю войну, мы до сих пор храним, как драгоценную реликвию.

Возвращались из Германии те молодые девушки и парни, кто был вывезен во время оккупации. Сколько было радости!

Но в то же время проходили суды над изменниками Родины. Снова подозрения, снова страх и трепет…

Жизнь потихоньку стала налаживаться. Вместо козы — папа не любил, как она «бэкала»— приобрели одну корову на два двора. Одну неделю у нас, другую у моих крестных, Колодеевых — Игната и Марии.

Странным и тяжёлым вспоминается мне 1947 год, когда я пошёл в первый класс. Дождей всю весну и лето не было совсем. Земля пересохла, урожая никакого нигде. Голод…

XX век такие слова как война, оккупация, геноцид, плен наполнил зловещим содержанием.

Дай Бог, чтобы люди на все времена извлекли добрый урок из XX века и жили в мире и согласии, прославляя Бога и любя свою Родину.

«Я помню…»

Елена (Элеонора) Львовна Веселова (Матвеева) о блокадном Ленинграде

Теперь от этих страшных дней
И от всего того, что было,
От мёртвых и живых людей
Освободиться мы не в силах
Ю. Софиев

Слово «война» — страшное слово. Ребёнок ещё не может осознать сути этого события, но уже чего-то боится и проникается страхом взрослых.

Мы жили на 9-й линии Васильевского острова. Мой отец, Матвеев Л. И., служил в авиации на Кольском полуострове. 22 июня 1941 года он был на службе в п. Грязная Губа (теперь это п. Сафоново). Я, мама и моя годовалая сестренка находились в это время в Ленинграде, где жили с бабушкой, дедом и маминой младшей сестрой.

Свои детские воспоминания о войне я могу сравнить с чёрно-белыми фотографиями того страшного времени, которые оживают в моей душе, наполняя её страхом и болью.

Помню, как строгий голос из репродуктора сообщил о начале войны. Было много людей вокруг, кто-то плакал… Всё сразу изменилось. Я уже не ездила на двухколёсном велосипеде, который мне только что купили. Какие-то люди ходили по квартирам и изымали велосипеды, санки, фонарики, приёмники и ещё какие-то вещи для фронта.

В наш двор привезли песок, и все жители дома собирались вместе для работы: набивали старые чулки песком, завязывали их с двух сторон — получались мешки, которые потом относили на чердак, чтобы забрасывать ими зажигательные бомбы. Бомбёжки уже начались.

«Зажигательные бомбы — это маленькие, злые и шипящие, фыркающие бомбы, которые сыпались на дома пачками, брызжущие огнём во все стороны… их засыпали песком и заливали водой, чтобы ни одна зажигалка не дала начала пожару» (В. П. Комлев, «Блокада»).

В нашем доме не было специального бомбоубежища, и все жильцы спускались во время «воздушной тревоги» на первый этаж. Потом уже никто не ходил прятаться туда. и однажды, сидя в убежище, я вспомнила, что у сестрёнки есть попугай-погремушка из целлулоида, а в хвосте у него был горох (это было сделано для безопасности, на случай если ребёнок разгрызёт игрушку и проглотит наполнитель). После «отбоя» я быстрее всех побежала домой и, перерыв все игрушки в корзине, нашла попугая… но кончик хвоста был отгрызен, и горох давно вывалился. Велико было моё горе. Я бы его съела…

С 8 сентября 1941 года началась блокада города Ленинграда.

Блокада — это изоляция города, войск, государства путём нарушения его внешних связей на суше, в воздухе, на море и принуждение его к капитуляции.

8 сентября немцы взяли Шлиссельбург — «ключ» города, станции Мга, Стрельна, Красное Село, Пулково, Лигово — кольцо замкнулось.

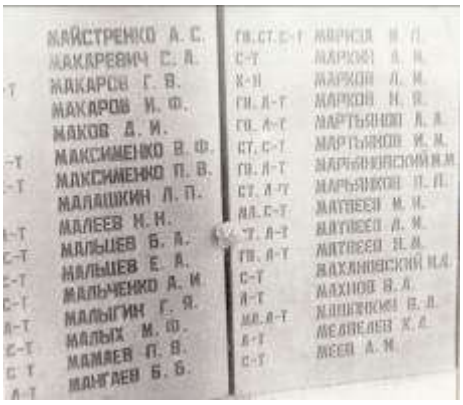
Каждый день Ленинград подвергался обстрелам и бомбёжкам.

С сентября по декабрь 1941 года по городу было выпущено немцами 30 154 снаряда. в один из дней блокады, а именно 17 сентября, беспрерывный обстрел продолжался 18 часов 32 минуты.

В городе начались пожары. Самый большой пожар я помню: огонь был до неба, как мне казалось… да так оно и было. Горели Бадаевские склады, где хранили запасы муки, сахара, масла и других продуктов. Налёт был массированным, и «зажигалок» было сброшено много. Чья-то беспечность привела к такой катастрофе, так как можно было хранить продукты не в одном месте. Люди плакали, но погасить пламя не могли. не было ни воды, ни пожарных машин. Вспыхнули, как факел, «американские горы» у народного дома на Петроградской стороне (у бывшего кинотеатра «Великан»).

Обстрелу подвергался зоосад, где была смертельно ранена слониха Бетси, любимая всеми ленинградскими детьми. Она очень тяжело умирала, всё время трубила от боли. Мне об этом рассказала мама, я очень плакала от горя.

Я долгое время не знала, что наши враги тоже люди, даже похожи на людей. на страницах газеты «Правда» печатали рисунки художников «Кукрыниксов». (Потом я узнала, что под этим именем работали три художника: Куприянов, Крылов и Николай Соколов). Они изображали на своих рисунках немцев в виде волков с кривыми зубами, змеев горынычей и всяческих страшилищ. Потому я и не спрашивала: «Люди ли они?».



Кенотаф (от греч. Kenotaphion, «пустая могила»), то есть могила, не содержащая погребения, с фамилией старшего лейтенанта Льва Матвеева, разбившегося над морем.

С середины ноября начался голод. у жителей ведь не было никаких запасов. Хлеб выдавали по карточкам: рабочим — 250 г, иждивенцам и детям — 125 г.

16 ноября — день моего рождения. Мама подарила мне маленький игрушечный чемоданчик, а в нём лежал кусочек хлеба. Я тогда не знала, что мама подарила мне свои 125 г. Такого драгоценного подарка у меня больше не было.

Первое горе обрушилось на нас 2 октября 1941 года. Погиб мой отец — лётчик в Баренцевом море у мыса Нордкин в Норвегии.

Накануне гибели он писал маме, что очень бы хотел защищать город и нас от фашистов.

В октябре стало холодно, выпал первый снег. в домах не было тепла и воды. Люди гибли от бомб, снарядов. Любая болезнь вела к гибели. не было лекарств.

Пока Ладога не замёрзла, удавалось на баржах доставлять продовольствие голодающему городу и армии. Немцы постоянно бомбили баржи. за это время погибло 6 небольших пароходов и 24 баржи. Даже баржи с детьми фашисты бомбили, невзирая на белые флаги. После войны на дне Ладоги было найдено много детских игрушек.

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землёй не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок…
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне веточку клёна
Или просто травинок зелёных,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студёной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

(А. А. Ахматова, 1942 год)

Одноклассница после войны рассказывала мне, что мама будила её легким прикосновением палки. Мама уже не могла встать с кровати. Девочка должна была идти в детсад, ведь там давали еду.

Запасы продовольствия катастрофически заканчивались в городе. с 13 ноября хлеб содержал уже 25 % пригодной к пище целлюлозы. Люди боролись с голодом и цингой. Было мобилизовано 300 человек для сбора «съедобной сосновой и еловой коры». Каждый район должен был заготовить 2–2,5 тонны съедобных опилок.

Один немецкий историк после войны изучал вопрос о выживании в осаждённом Ленинграде. Его поразил один случай на мукомольном комбинате. Работникам комбината пришла в голову мысль использовать мучную пыль, которая оседала везде годами. Сметок этой пыли хватило для выпечки хлеба на 2 дня. Может быть, и мало, но люди боролись с голодом, искали, и находили выход.

Надо было спасать город, людей. Были приняты чрезвычайные меры. с нетерпением ждали, когда замёрзнет Ладога, чтобы, проложив путь, отправлять в тыл оставшихся людей, а обратным рейсом привозить продовольствие. Эту дорогу назвали «Дорогой жизни».

Когда лёд на Ладоге будет толщиной в 10 см, пройдёт лошадь без поклажи,ñ17,5 см — лошадь с грузом 1 тонна; 20 см — грузовик с грузом 1 тонна.

19 декабря дорогу открыли. 22 января 1942 года был отдан официальный приказ об эвакуации. Его исполнение возложили на будущего премьер-министра Алексея Николаевича Косыгина. с этим поручением и с другими, нужными городу, Косыгин справился отлично.

Мы с мамой и сестрой тоже в конце февраля — начале марта отправились через Ладогу на грузовике. Грузовые 3-тонки были крыты коробками из фанеры, доски-сиденья были поперёк кузова.

Приехали мы ночью на берег Ладоги в деревню Кобону. Помню, что нас, замёрзших, повели греться в большой дом с куполом, а на полу был разложен костёр. Мама мне сказала, что это — церковь. Потом посадили нас в теплушки, доставили в Вологду, а из Вологды мы отправились в г. Архангельск: там был филиал аэродрома, где служил мой отец до гибели. Пока мы ждали поезда, на вокзале к нам подошла женщина с девочкой. у нас с сестрой в руках были маленькие куколки. Женщина попросила продать куклу для своей девочки, а цена за неё была — буханка хлеба. Мама стала уговаривать меня отдать куклу. Я прижала к себе любимую игрушку, расставаться с ней не хотелось. Слёзы градом лились из глаз. Меня уговорили, хлеб мы получили. Но больше никогда у меня не было кукол и игрушек.

Мы вернулись в г. Ленинград сразу после снятия блокады в 1944 г. Бабушка прислала нам вызов. Я поступила во 2-й класс 27 школы Василеостровского района, окончила её в 1953 году.

Во время войны все мужчины из нашей семьи погибли.

В 1941 году 2 октября — погиб мой отец, военный летчик Матвеев Лев Иванович.

В 1942 году 2 апреля — умер мой дедушка, Веселов Фёдор Никитич, в г. Ленинграде от дизентерии и дистрофии.

В 1944 году 26 января — при снятии блокады погиб дядя, Васильев Иван Иванович.

В Ленинграде погибло около 3,5 миллионов человек от голода и в битве за город. Это была общечеловеческая трагедия невиданного масштаба.

Война — это не только героические подвиги и выдающиеся поступки людей, но утомительный каждодневный труд, труд тяжёлый, кровавый, но жизненно необходимый — от всего этого зависела наша Победа.

Памяти павших

Будьте достойны,

Детям своим расскажите о них,

Чтобы запомнили…

Но и тех, кто уже не придёт никогда —

Заклинаю —

Помните.

(Р. Рождественский «Реквием»)

ПИСЬМА ЛЬВА ИВАНОВИЧА МАТВЕЕВА с ФРОНТА[1]

Письмо первое

Здравствуй, моя милая Люся!

Записку твою и табак, посланную тобой с Жувыкиным, получил. Благодарю. с каким наслаждением курю этот прекрасный табак. Люся, ты еще закупи такого табака. Может быть, с табаком ты пошлешь, что наша мама один раз прислала, помнишь? Жду от тебя письма сегодня или завтра <…>

Я тебе, Люся, писал, чтобы ты мне чаще письма писала, а ты только отвечаешь на мои. Ведь тебе легче найти время, чем мне. Ты знаешь, как я бываю рад, когда получаю от тебя письма.

Сегодня, моя милая, ты мне приснилась во сне. Как я тебя целовал, моя родная. в свободную минуту я только думаю о тебе и о наших дочках. Да, Люся, после войны мы с тобой постараемся произвести на свет сына — защитника родины в будущих боях. Верно ведь? а сейчас мы постараемся обеспечить спокойную и счастливую жизнь наших детей.

Все боевые задания выполняю отлично. Получил подарок от трудящихся. Знаешь, посылают на фронт со словами «Славному воину, защитнику Страны Советов». Дорого само внимание к нам, бойцам КА и ВМФ со стороны трудящихся.

На днях от моего огня едва ли добрались до своей территории… *(далее неразборчиво)* …фашистов. Так будет и всегда. Рука никогда не дрогнет, а насчет этого ты меня прекрасно знаешь, что я не из трусливых. а эти стервятники, как почувствуют серьезный отпор, так и у[лепё(?)]тывают, надеются только на внезапный и безнаказанный подход.

Здоровье мое хорошее, настроение тоже, только очень скучаю о тебе, моя родная.

Пиши, как себя чувствуешь. Как Алла *(так называли Елену — примеч. сост.) и* Маринка. Ходит ли Мариночка. Люся, береги наших дочурок. Никуда от себя не пускай, сама за ними следи. Пиши всё, даже самую мелочь. Для меня это очень интересно. Как прошел день. Чем озабочена и т. д.

Постарайся приобрести себе пальто, а то скоро зима, а тебе не в чем ходить. об этом напишешь.

[1] Все письма приводятся с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала.

Надеюсь, что мы с тобой встретимся, вот только отгоним врагов подальше, тогда и тебе будет легче приехать. не правда ли?

Ну пока, моя родная. Крепко целую всю тебя. Твой Лев. Целую наших дочек, Аллочку и Мариночку.

PS Привет Поле(?), маме и папе, а также Зинаиде.

28.07.41.

Мой адрес:

Северный флот

Военно-морская почтовая станция № 1141 118 Авиационный полк.

Милая моя, целую бесконечно тебя.

Памятник летчикам, штурманам, стрелкам-радистам, борттехникам военно-воздушных сил Северного флота, погибшим в море. 1941-1945.

Письмо второе

Здравствуй моя милая, родная Люся!!! на все телеграммы получил ответ и последнее письмо от 25.08.41 г.

Вчера послал тебе письмо через Архангельск, а сегодня посылаю через Мурманск. Люся! Если можешь выехать, то выезжай ко мне или в Архангельск, или же к отцу. Тогда дай телеграмму. <…> Если приедешь ко мне, то я сам доставлю тебя в Арх-ск. Ладно?

Милая моя! Как я по тебе стосковался, ты и представить не можешь. Было время, я от тебя не получал долгое время известий, так я ходил сам не свой, пока не получил от тебя ответа по телеграмме.

Родная! Когда-то я тебя обниму и всю расцелую, моя маленькая Нелли! Вот только мне очень грустно стало, когда ты написала, что дети стали меня забывать, ведь Аллочка уже большая. Ну, что ж, когда увидимся, сумею сам как-нибудь привить свою любовь к своим дочкам.

Живем пока ничего. Ты вот спрашиваешь с не понижением ли я перешел из 2-й? Да что ты, Люся! Наоборот, для пользы службы. на меня послали на следующее очередное военное звание. <…> Ты не беспокойся, твой муж всегда выполнит любое задание, выполняет

и конечно будет отличен командованием. Я на это дело смотрю здраво. Как бы мне хотелось с тобой поговорить и как много есть о чём поговорить.

Вот ты только меня не послушалась, а разве в письмах можно выговориться? а теперь сама беспокоишься, конечно, тебе очень трудно с детьми, но ты, Люся, береги наших крошек, всегда помни, что всегда, где бы я не находился, думаю о вас, моих родных, самых близких моему сердцу.

Я твердо уверен, что фашистская мразь не ступит своей поганой ногой в город Ленина. Как бы я хотел быть у вас и защищать подступы к Л[енингра]ду.

Ну, Люся, и мы здесь этих мерзавцев бьем крепко. <…>

Как было бы хорошо, если я тебя увидел сейчас, буду конечно надеяться, *а* как я завидовал Машину и Петенкову, когда они их встретили, вот думаю и я бы также. Когда я был у них, у нас только и был разговор о тебе <…> Ну пока, моя родная, маленькая Нелли. Крепко целую тебя. Твой Лев.

Целую своих крошек. Привет папе, маме и Поле(?).

(на полях 16.09.41 Грязная)

ФОТОГРАФИИ: (папка «Веселова»)

01_Kenotaf. Кенотаф (от греч. Kenotaphion, «пустая могила»), то есть могила, не содержащая погребения, с фамилией старшего лейтенанта Льва Матвеева, разбившегося над морем.

02_pamiatnik – Памятник летчикам, штурманам, стрелкам-радистам, борттехникам военно-воздушных сил Северного флота, погибшим в море. 1941-1945.

Воспоминания о блокаде Ленинграда
Александры Ивановны Узиковой (Костиной)

2 Открою уста мои в притче и произнесу гадания из древности.
3 Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали нам,
4 не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу
Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил.
(Пс. 77: 2–4)

Александра Костина во время блокады

В 1941 году мне было пятнадцать лет. 22 июня года я и соседка Рая с двумя сыновьями — Лёшей четырёх лет и Геной двух лет, моим крестником, поехали на пляж Петропавловской крепости. в 12 часов дня по репродуктору передали чрезвычайное сообщение о нападении на нас Германии. Выступал В. М. Молотов. Все слушали затаив дыхание. Через мгновение пляж опустел.

Война!

Озабоченные мужчины шли в военкомат, женщины были расстроены. По ночам мимо нашего дома на Литейном проспекте шли бесконечные войска. в магазинах опустели полки. Скупали всё: соль, спички, стеариновые свечи, керосин. в наш двор заехал грузовик с зеленью сельдерея — в миг всё раскупили, брали по несколько килограммов. Запасов еды в городе не было, всё было привозное. Подвоз продовольствия прекратился. От бомбёжек горели Бадаевские склады, где хранились запасы продуктов. Люди собирали землю, на которой плавился сахар.

В июле были введены продовольственные карточки на хлеб, в сентябре дважды снижали норму выдачи хлеба.

Категория / дата	Июль	2 сентября	12 сентября
Рабочим	800 г	600 г	500 г
Служащим	600 г	400 г	300 г
Иждивенцам	400 г	300 г	250 г
Детям	400 г	300 г	300 г

в августе я и наши соседи, Рина и Вова Быстровы, красили суперфосфатом деревянные перекрытия на чердаке нашего дома, чтобы огонь от зажигательных бомб не проникал дальше.

6 сентября школьников отвезли на субботник рыть противотанковые рвы. Учителя руководили работой. в обед нас на поле накормили гречневой кашей с мясными консервами. После обеда продолжали работу. Вдруг гул самолётов: тревога! Все по команде бросились к грузовикам. Нас довезли до Московского проспекта, а дальше домой пешком.

8 сентября сомкнулось кольцо блокады. 14-го у нас украли хлебные карточки. Мы питались гущей ячменного кофе. Все выжили.

От бесконечных воздушных тревог занятия в школе прерывались, все шли в бомбоубежище. в классе из двадцати человек осталось шестнадцать, потом семь-восемь человек. Многие эвакуировались. Я очень ослабла, перестала ходить в школу, но много читала. Ко мне приходил Вадим Неверов, сын художника, сосед по лестнице, звал меня в школу. Потом он от голода съел масляные краски и умер.

Учителя ходили по квартирам, звали в школу тех, кто не уехал. Ко мне приходила учительница Клавдия Константиновна Рашкевич, сказала, что ученикам дают соевый суп для поддержания сил.

Я рассказала ей, что утром с санками иду за водой на Неву, потом пилю скамейку, раскалываю щепки, чтобы к вечеру, к приходу родителей, самовар был готов. Мы пили горячий кипяток, отогревались, спасаясь от переохлаждения и простуды. Никто из нас не болел ни кашлем, ни гриппом.

В сентябре 1941 года от взрыва бомбы замедленного действия дом подпрыгнул, рухнула стена и парадная лестница. Убило дворника — дядю Васю, который дежурил, предупреждал, чтобы люди не проходили там, где упала бомба.

Мама, Ольга Фёдоровна Костина, во время блокады.

Мы переехали в ванную комнату без окна. Поместились кровать, стол, табуретка. Коптилка на столе. на стену повесили икону Казанской Божией Матери (этой иконой бабушка благословила маму на взрослую жизнь ещё до 1915 года). Спали не раздеваясь. Сначала по тревоге все с 5-го этажа бежали в бомбоубежище. на 3-м этаже ждала Нина Александровна Абраменко (бывшая балерина, она ослабла, ноги опухли, в конце 41-го года она умерла), она передавала мне на руки маленькую дочку Свету, и мы шли в бомбоубежище. Но постепенно чувство страха притупилось, ослабло, и все перестали по тревоге выходить из квартир.

Соседи — кто умер, кто эвакуировался, некоторых переселили в другие квартиры из-за рухнувшей лестницы. Папа хлопотал о предоставлении нам другого жилья. Днём ко мне пришла депутат по поводу переселения. Я читала «Анну Каренину» Л. Толстого. Она поинтересовалась, что я читаю, потом поделилась со мной своим горем: её дочь пошла на улицу и пропала.

Появились случаи пропажи людей. на улицах находили трупы с обрезанными частями тела. Управхоз Зинаида Ивановна Иванова рассказала, что из 14-й квартиры (под нами) увезли учительницу географии. Она съела свою мать и обезумела. Из соседнего дома увезли мать двоих детей. Соседи заметили неладное, при обыске нашли две кастрюли засоленного мяса. Когда я ездила за водой на Неву, у проруби видела отрубленную кисть руки.

В октябре утром пошла за хлебом. Нужно было пройти через парадную. Там лежало более десятка трупов: свезли всех, кто умер на улице, ногу негде было поставить.

Через день утром иду из булочной. Светает. Слышу, за мной скрип шагов по снегу. Я пошла быстрее — и он быстрее, я замедляю шаги — и он. Только я вошла на чёрную лестницу, как человек набросился, толкнул меня, я упала. Он выхватил хлеб из руки и побежал к проходу в соседний дом. Пальто коричневое, шапка-ушанка. Я пошла домой без хлеба, но карточки остались у меня в руках, их он не выхватил.

После войны на кухню вышел сосед, держа в руках шапку и коричневое пальто: «Вот так я ходил в блокаду. Сейчас еду в деревню продавать шмотки». Я сразу узнала в нём того человека, укравшего у меня хлеб. Получилось, что после войны нас поселили в одну коммунальную квартиру. Мне кажется, он тоже меня узнал, но я никогда с ним об этом не говорила.

В сентябре умерла соседка тётя Катя – Екатерина Константиновна Шутова, библиотекарь ЛГУ. Сосед дядя Гриша — Григорий Ефимович Тихонов — съел кота Пупку и умер. (Григорий Ефимович, дедушка Лёши и моего крестника Гены, состоял в общине трезвенников братца Иоанна Чурикова, до войны члены общины собирались в нашей квартире.)

Ко мне пришла огромная крыса. Я испугалась, стучала черенком ножа по столу. и она, тяжело дыша, — видно было, что сыта, — лениво спрыгнула на пол. Приходила она не раз, в одно и то же время, смотрела в глаза, проверяла, жива ли я. Мы с мамой нашли дыру в углу, накололи мелкого стекла и забили дыру тряпками. Больше крыса не приходила.

Папа, Иван Костин (фотография блокадного

Я ездила за водой на Неву. Спуск к Неве высокий, обледенелый. Из проруби я не могла зачерпнуть воду и вытащить ведро. Просила помочь тех, кто был рядом. Поднять ведро с Невы наверх, довезти по сугробам до дома, поднять на пятый этаж было трудно. Наконец, в соседнем доме появился кран с водой. Это была радость: не надо ехать на Неву! Потом папа купил буржуйку — не надо кипятить самовар!

Как мы питались? Варили студень из столярного клея. на маминой работе выдали козеин (сухое вещество). Испекли лепёшки. Голодно.

Тётя Маня, соседка, пришла погреться у буржуйки. Сняла с головы платок — её косы были острижены, и на буржуйку посыпались вши, они лопались от жара. Вся её голова была в струпьях. у неё была оплавная вошь, которая живёт под кожей в голове человека (такое же было в голод в Гражданскую войну). Вскоре она умерла. Племянница Вера отвезла её на Охтинское кладбище.

Папу перевели на казарменное положение на Барочную улицу на Петроградской стороне. Папа ходил в Князь-Владимирский собор, молился, верил в Бога. Надеялся, переживём это страшное время — Бог нас не оставит. Мы молились. Папа умел вселить уверенность, его психологический настрой помогал выжить, перенести трудности.

Рая перед отъездом в эвакуацию позвала проститься. Лёша стоял одетый, а Гена — мой крестник, лежал на кровати, не поднимаясь. Я наклонилась к нему, он открыл глаза, узнал меня, улыбнулся одними губами и снова закрыл глаза. Он был очень слаб. Умер в пути.

Соседка Вера переехала в Невский район, по месту работы. Соседка тётя Нина с тремя детьми ещё в августе ушла жить к маме на Васильевский остров. Её муж Казимир Викентьевич Залесский, инженер Ижорского завода, с первых дней войны был на казарменном положении. в сентябре он пришёл домой совсем больной, лежал, стонал, просил пить. Папа напоил его водой. Казимир попросил меня привести Бориса, его старшего сына от первого брака (1927 г. р.). Я привела. Потом Борис отправился за тётей Ниной на Васильевский остров. Вдвоём тётя Нина и Борис повели Казимира в больницу. Идти он не мог. Оставили его в аптеке на ул. Пестеля. Из аптеки его отвезли в больницу Софьи Перовской. Там он умер.

Тётя Нина с тремя детьми, Брониславом четырёх лет, Владиславом трёх лет и маленькой Станиславой эвакуировались.

Борис — он тогда учился в 7-м классе — пришёл ко мне в шлеме лётчика: «Уезжаю в Саратов. Я тебе напишу».

Его бабушка, Нина Александровна Побуковская, вдова царского адмирала, сказала, что ему изменят фамилию, имя и отчество — усыновят родственники.

Вскоре я встретила его бабушку. Она была очень расстроена, почернела лицом, даже камни в её серёжках почернели. Я спросила: «Что-то случилось?» — «Нина сегодня умерла». Нина — мама Бориса. Письма от него я так и не получила. Бабушка умерла.

До войны на чердаке Дома офицеров жили голуби — с хохолком, в «штанишках», породистые и простые. у Бориса и у меня были ручные голуби. Вскоре после его отъезда ко мне прилетел чёрный исхудалый голодный голубь. к его ноге чёрной ниткой была привязана белая записка. Он заглядывал в глаза, стучал клювом, просил впустить. Я не имела ни воды, ни корочки хлеба, никакой еды. Просила его улетать, показывала руками. Боялась, вдруг он служебный, с каким-то донесением. а теперь, спустя много лет, думаю, может быть, это была весточка от Бориса, о судьбе которого я так ничего и не знаю.

Ко мне пришёл сосед из 12 квартиры — писатель Илья Абраменко. Его жена к этому времени уже умерла, дочери Майя и Света эвакуировались. Он спросил, нет ли у папы табаку. Я сказала, что папа на казарменном, приходит редко. Сосед сказал: «Сегодня я сыт. Три дня охотился за крысой, наконец, убил её кочергой». Сосед понимал весь ужас того, что с ним произошло, хотел табаком перебить ощущение, старался себя успокоить.

С 1 октября 1941 года снизили норму хлеба.

	1 октября	13 ноября	21 ноября
Рабочим	400	300	250

Служащим	200	150	125
Иждивенцам	200	150	125
Детям	200	150	125

Это был предел испытаний. Человек не может жить без еды. на улицах не было прохожих. Народ вымирал. Руководству города трудно было обеспечить население едой

Продукты доставляли по льду Ладожского озера — «Дороге жизни» грузовиками, самолётами, на лошадях — гужевым транспортом. Лёд давал трещины, и машины с грузом уходили под лёд. Ладога — это титанический труд на морозе.

По мере поступления продуктов с Ладоги повышали норму выдачи хлеба:

	25 декабря	24 января	11 февраля
Рабочим	350	400	500
Служащим	200	300	400
Иждивенцам	200	250	300
Детям	200	250	300

Истинное положение со снабжением скрывали от населения, чтобы не было паники, и только через 42 года после блокады, в ноябре 1986 года были опубликованы секретные сведения о нормах хлеба и количестве погибших от голода — 641 803 человека по сведениям о выдаче продовольственных карточек и отчётам горздрава.

По другим данным из разных источников за время блокады Ленинграда погибло от 400 тысяч человек до 1,5 млн.

Наступил 1942 год. в январе были жестокие морозы. От голода, бомбёжек, пожаров из-за буржуек и зажигательных снарядов повысилась смертность.

В январе всем группам населения на месяц выдали по 100 г мяса или мясопродуктов, крупы по 200 г или муки в счёт крупы.

Чтобы сохранить жизнь, этого было недостаточно. Ежедневно умирали тысячи людей. не успевали хоронить умерших. Было создано «Похоронное бюро». Срочно рыли траншеи. Трупы из квартир, улиц и дворов грузили на машины, везли к вырытым траншеям и бросали. Это были братские захоронения на Пискарёвском, Охтинском и всех других кладбищах.

Таких испытаний история человечества не знала. Ленинградцев поддерживала вера в Бога, вера в Победу. Вокруг города на самолёте облетела икона Казанской Божьей Матери. Все молились, надеялись на Божью помощь.

В городе была суровая дисциплина. не работали водопровод и канализация, не было электричества, не было транспорта, не работали бани, не было мыла. на работу ходили пешком,

опаздывать было нельзя – судили. Поэтому многие были на казарменном положении и жили там, где работали.

Наступала весна 1942 года. в марте на улицах и во дворах стояли огромные кучи чёрного обледенелого снега высотой 30–40 см. Я получила повестку явиться для выполнения работ по очистке города. с 27 марта по 8 апреля с 9 до 17 часов ломиком кололи глыбы снега и льда, грузили на машины.

Гражданину(ке) Кисилина А. И.

ПОВЕСТКА

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» Вы считаетесь мобилизованным с 27 марта по 8 апреля 1942 года для выполнения в порядке трудовой повинности работ по очистке города.

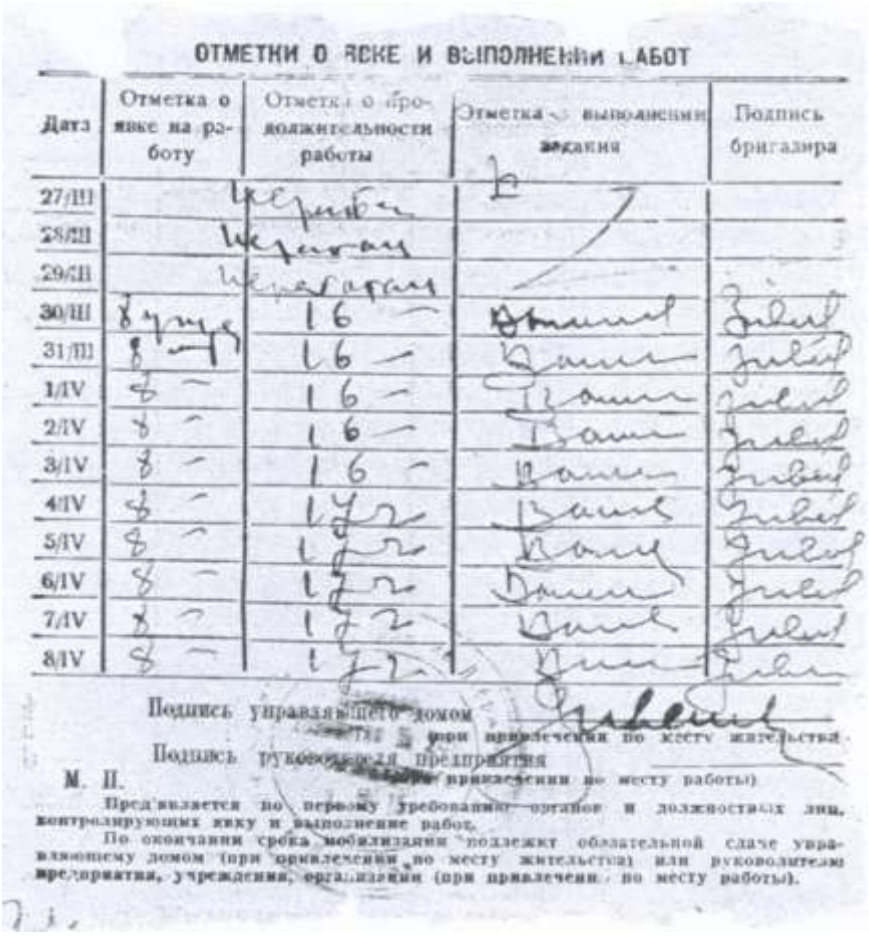
Немедленно по получении настоящей повестки Вы обязаны явиться в контору домоуправления для получения направления на работу.

Рабочие и служащие действующих предприятий, а также учреждений обязаны по получении повестки явиться в места по указанию руководителя предприятия (учреждения).

В процессе выполнения работ по очистке Вы обязаны беспрекословно подчиняться распоряжениям бригадира, безоговорочно следовать его указаниям и выполнять ежедневные задания.

За неявку или уклонение от выполнения работ по очистке Вы будете привлечены к ответственности по законам военного времени.

ИСПОЛКОМ ЛЕНГОРСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ



ОТМЕТКИ О ЯВКЕ И ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ

Дата	Отметка о явке на работу	Отметка о продолжительности работы	Отметка о выполнении задания	Подпись бригадира
27/III	Неработ			
28/III	Неработ			
29/III	Неработ			
30/III	8 утра	16 —	[illegible]	[illegible]
31/III	8 —	16 —	[illegible]	[illegible]
1/IV	8 —	16 —	[illegible]	[illegible]
2/IV	8 —	16 —	[illegible]	[illegible]
3/IV	8 —	16 —	[illegible]	[illegible]
4/IV	8 —	17 —	[illegible]	[illegible]
5/IV	8 —	17 —	[illegible]	[illegible]
6/IV	8 —	17 —	[illegible]	[illegible]
7/IV	8 —	17 —	[illegible]	[illegible]
8/IV	8 —	17 —	[illegible]	[illegible]

Подпись управляющего домом [illegible]
(при привлечении по месту жительства)

Подпись руководителя предприятия
(при привлечении по месту работы)

М. П.

Пред'является по первому требованию органов и должностных лиц, контролирующих явку и выполнение работ.

По окончании срока мобилизации подлежит обязательной сдаче управляющему домом (при привлечении по месту жительства) или руководителю предприятия, учреждения, организации (при привлечении по месту работы).

Не было паники, не было отчаяния. Все добросовестно трудились, понимая необходимость очистки от грязи во избежание болезней и эпидемий.

В мае 1942 года Исполком вызвал подростков, которые не учились в школе, для определения на работу. Прошла медкомиссию. Возраст 16,5 лет, рост 156 см, вес 39 кг, зрение – 5 диоптрий.

Дали направление на машинно-счётную станцию треста хлебопечения. Основателем и начальником этой машинно-счётной станции, одной из первых в Ленинграде, был Антон Францевич Пупковский. Очень образованный человек, окончил Кембриджский университет. Светлая ему память.

С 23 мая 1942 года я — ученица-оператор МСС. Ознакомили с документами, с шифрами, научили работать на счётных машинах КСМ, ДСМ, Берроуз. Взяли расписку о неразглашении. на МСС поступали документы со всех предприятий и учреждений города и воинских частей. Если воинская часть берёт хлеб — значит, она пока находится в городе, если муку для полевой пекарни — значит, войска пошли в наступление, берут сухари – пошли в бой.

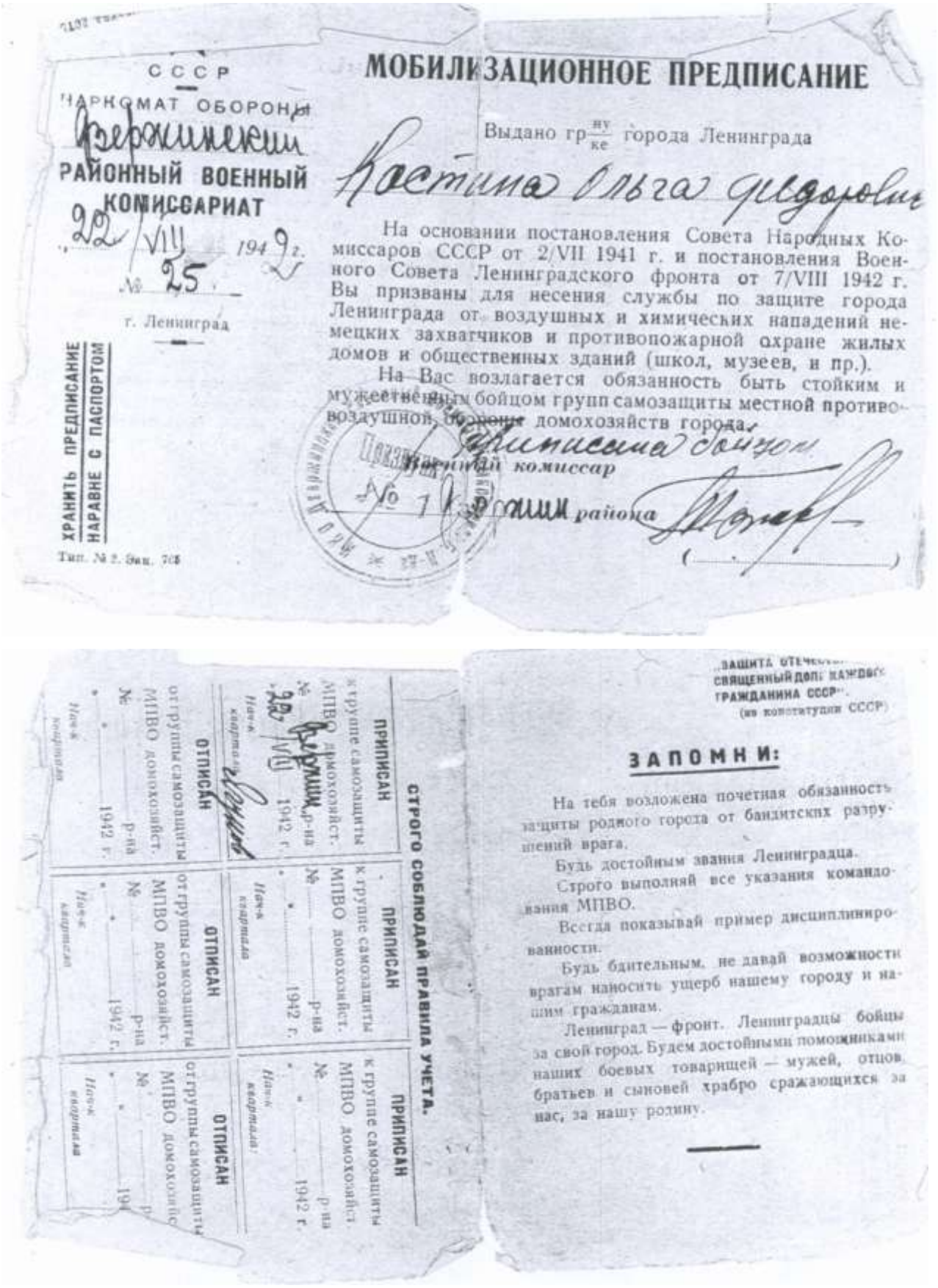
Однажды Антон Францевич отправил меня за документами на Дворцовую площадь. Я пришла туда, прошла по длинному тёмному коридору, получила документы, но дойти обратно уже не было сил. Передохнула на Марсовом поле и из последних сил добралась до дома на Литейном. на МСС пришла только на следующий день. Антон Францевич не ругал меня, ничего не сказал, но видно было, как он волновался — может быть, даже не спал всю ночь.

В 1942 году в городе были созданы рабочие батальоны из рабочих и служащих предприятий каждого района. в июне 1942 года меня определили в рабочий батальон Дзержинского района. Жила в казарме, одежда гражданская, питание по карточкам, по норме служащих. Без отрыва от работы (!) проходила военную подготовку. Командиром подразделения был Лыков Иван Иванович. Сначала я была в химическом звене: нужно было определить вид газа: иприт, хлор-иприт. Противогаз всегда при себе. Обучили стрелять из ружья, пистолета, пулемёта (на случай уличных боёв гнездо пулемёта было на 3-м этаже — просмотр улицы Петра Лаврова и Чернышевского), метать гранаты (вывозили на полигон), ползать по-пластунски.

По ночам охраняла склад с оружием. Я близорукая, не попадала в цели при стрельбе, за что получала наряды вне очереди: мыть ледяной водой учебные классы, коридор, туалеты.

Из МСС девочек направляли на курсы связисток и на фронт. на руки мне было выдано удостоверение: ВМС КБФ в/ч 2345 Матрос Костина Александра. на обороте было указано: «по сигналу тревоги немедленно явиться в своё подразделение».

До войны мама работала в Смольнинском районе, в марте 1942 года ослабла, перешла на работу поближе к дому. 6 мая многих, в том числе маму и папу, отправили рыть окопы до сентября, но 22 августа 1942 года её мобилизовали в МПВО при жакте.



СССР
НАРКОМАТ ОБОРОНЫ
Дзержинский
РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
22/VIII 1942 г.
№ 25
г. Ленинград

ХРАНИТЬ ПРЕДПИСАНИЕ НАРАВНЕ С ПАСПОРТОМ

Тип. № 2. Зак. 705

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Выдано гр-ну/ке города Ленинграда

Костина Ольга Федоровна

На основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 2/VII 1941 г. и постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 7/VIII 1942 г. Вы призваны для несения службы по защите города Ленинграда от воздушных и химических нападений немецких захватчиков и противопожарной охране жилых домов и общественных зданий (школ, музеев, и пр.).

На Вас возлагается обязанность быть стойким и мужественным бойцом групп самозащиты местной противовоздушной обороны домохозяйств города.

Приписана бойцом

Военный комиссар

№ 1 Дзержин района

СТРОГО СОБЛЮДАЙ ПРАВИЛА УЧЕТА.

ПРИПИСАН к группе самозащиты МПВО домохозяйст. № Дзержин р-на 22/VIII 1942 г. Нач-к квартала

ОТПИСАН от группы самозащиты МПВО домохозяйст. № ..... р-на ..... 1942 г. Нач-к квартала

ПРИПИСАН к группе самозащиты МПВО домохозяйст. № ..... р-на ..... 1942 г. Нач-к квартала

ОТПИСАН от группы самозащиты МПВО домохозяйст. № ..... р-на ..... 1942 г. Нач-к квартала

ПРИПИСАН к группе самозащиты МПВО домохозяйст. № ..... р-на ..... 1942 г. Нач-к квартала

ОТПИСАН от группы самозащиты МПВО домохозяйст. № ..... р-на ..... 1942 г. Нач-к квартала

„ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА — СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА СССР".
(из конституции СССР)

ЗАПОМНИ:

На тебя возложена почетная обязанность защиты родного города от бандитских разрушений врага.

Будь достойным звания Ленинградца.

Строго выполняй все указания командования МПВО.

Всегда показывай пример дисциплинированности.

Будь бдительным, не давай возможности врагам наносить ущерб нашему городу и нашим гражданам.

Ленинград — фронт. Ленинградцы бойцы за свой город. Будем достойными помощниками наших боевых товарищей — мужей, отцов, братьев и сыновей храбро сражающихся за нас, за нашу родину.

В августе 1943 года меня направили на практику на Кушелевский хлебзавод. Военная учёба не прекращалась. на завод было дано предписание, и меня отпускали с работы на военную подготовку.

Осенью 1943 года нас, молодых работников завода, на грузовиках отвезли в Калининский район, недалеко от рынка. на площади стояла большая толпа народа. в центре я увидела свежесрубленный помост и виселицу. Вскоре привезли пленного немецкого генерала в чёрной одежде. Накинули петлю, но верёвка оборвалась, тело рухнуло на помост. со второй попытки повесили. Я увидела над помостом ноги повешенного. Все смотрели молча, толпа разошлась.

В июне 1943 года меня вызвали в райвоенкомат на ул. Чайковского. Беседовал со мной капитан: «Меня и вас забросят в Псковскую область…». Но врач сказала: она непригодна, близорукая. Оставили на работе в батальоне.

Осенью по Кирочной, тяжело ступая, угрюмо шли пленные немцы. Они были в плохой одежде и обуви. на проспекте Володарского — так перед войной назывался Литейный проспект — пленные разбирали груды кирпича от рухнувшей в 1941 году стены и парадной лестницы, затем они восстанавливали весь флигель.

С сентября 1941 года вопрос с жильём не был решён. Только в июле 43-го года нас поселили в квартиру 43 дома 15 на Литейном. 16 октября 1943 года в нашу квартиру попал артиллерийский снаряд. Соседа, Саулина Михаила Васильевича — начальника МПВО, и его дочь Нину — убило. Меня и маму ранило. у меня была рвота кровью — во время взрыва на голову упал кирпич от печки.

Участковый Ягунов Михаил Михайлович на руках перенёс меня в дворницкую. Я очнулась, увидела на полу оторванную голову соседа, открытые оловянные глаза и потеряла сознание. на носилках меня и маму доставили в госпиталь на ул. Пестеля, 14. Платье на мне разрезали.

В госпитале нас навещал папа, ко мне с работы приходила Дикина Татьяна Александровна, главный бухгалтер, принесла пирожок с капустой.

Перед выпиской дворник дала ватник, счетовод — сорочку и чешки, папа принёс фетровые боты, военврач, соседка по палате, дала юбку, чтобы дойти до дома. Конечно, все вещи я вернула в тот же день.

СПРАВКА

Выдана эта справка в том, что гр. Костина Ольга Федоровна находилась на стационарном лечении Лен. Нейрохирургического Института с 16 октября 1943 г. по „__" __ по 24 января 1944 г.

ДИАГНОЗ: Закрытый перелом левой ключицы. Ушиб поясничного отдела позвоночника

Выдана для представления

Ассистент:

Медделопроизводитель:

Лен. Нейрохирургический институт

24 янв. 1944 г.

№ 2401

СПРАВКА

Дана Костина Александра Ивановна в том, что он действительно находился на лечении в клинике Ленинградского нейрохирургического института

с 16 октября 1943 г. и/б № 260

по 6 декабря 1943 г.

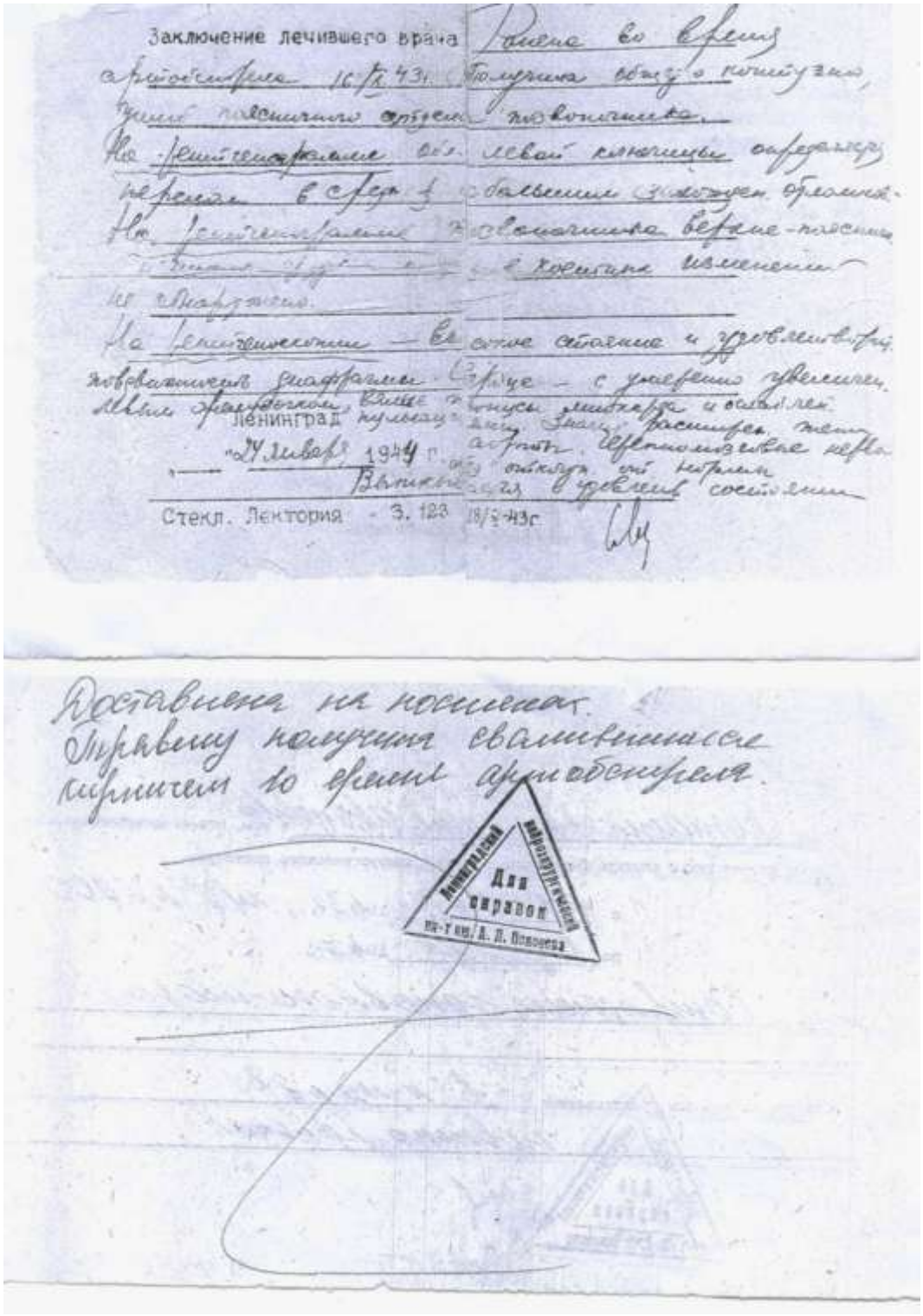
Диагноз Сотрясение головного мозга

Справка выдана для представления в н-ну № 87 невского района.

Зав. отд.

Леч. врач

Ленинградский нейрохирургический ин-т им. А. Н. Поленова. Для справок


Заключение лечившего врача
Ленинград
Стекл. Лектория - З. 123

После выписки из госпиталя нас временно переселили в квартиру 31 на 1-м этаже. Рядом жила дворник, и я слышала, как Михаил Михайлович, участковый, в четыре часа утра (!) приходил и стучал к ней в окно, будил, чтобы она успела расчистить улицы до того как город проснётся, чтобы никто не поскользнулся, — так относились люди к своей работе.

Я лежала в пустой комнате на кровати без матраса, без подушки, без одеяла. не осталась ничего: ни белья, ни посуды. Главное, исчезла икона Казанской Божией Матери. Но в это время уже шли сообщения о наступлении на Ленинградском фронте. Я лежала и молилась Богу. Какое чудо! Мы остались живы. Благодарила Бога.

С улицы раздавались радостные возгласы, был салют. Блокада кончилась! не будет бомбёжек, воя снарядов! и мы остались живы! Слава Богу!

Так начиналась жизнь. Меня выписали на работу. Военные занятия продолжались, жила в казарме. Наши войска наступали, все ждали конца войны и Победы, молились Богу об окончании войны, были уверены: мы победим!

Блокада и всё, что с ней связано, не может быть забыто.

Вечная память умершим в блокаду Ленинграда от голода, разрыва бомб и снарядов. Подвиг их бессмертен. Сейчас, спустя 65 лет, это поколение уходит. Трудности и лишения военного времени переживали все граждане нашей страны.

Хочется, чтобы молодые знали о блокаде, о войне, берегли мир.

Главное в жизни — мир и хлеб.

Хочу пожелать молодёжи наполненной, интересной жизни, любви, счастья, мирного неба!

Когда человеку трудно, он всегда ищет поддержки свыше, и Господь всегда помогает.

Храни вас всех Господь!

Сергей Степанович Кошелев

Александра Ивановна передала письма своего двоюродного брата. Мы приводим их дословно, сохраняя орфографию и пунктуацию. в книге памяти г. Вытегры, откуда он был призван, о нём есть запись:

«Вытегра, Красная, 22. Кошелев Сергей Степанович 1922 года рождения. Погиб 3 февраля 1944 года. Белоруссия, деревня Савичи».

10/ V-42 г.

Здравствуйте, дорогие родные тетя Леля, дядя Ваня, Шурочка! Как вы дорогие живете? Я пока жив-здоров, нахожусь в Московской обл., а зиму провел на Северном фронте в Карелии. От мамы письма получаю очень редко. Она писала, что наших в Ленинграде нет. Скучно, дорогие, нет никого своих. Маруся живет с мамой? а то бедная одна там осталась. Кошелевы и тетя Дуня эвакуировались. Здесь пока адреса нам не дают. Находимся пока в тылу. за истекший период пришлось встретить немало трудностей, но пока пережил все. Служил в Лыжном батальоне. Теперь похудел, переведен в стрелковый бат-н с наступлением тепла. Воевал с финнами, теперь придется с немцами. о многом бы надо написать, но не хочется и не все можно. Возможно буду в Ленинграде, то сообщу, а вы дорогие постарайтесь меня увидать, может быть кое-чем поможете мне, да и повидаться хочется. Пока все. Пишите маме, Маруси привет. Остаюсь любящ[ий] вас племянник

Серёжа Кошелев.

9/VII-1943 г.

Здравствуй, дорогая сестра Шура. Как ты живешь, как живет тетя Леля и дядя Ваня? Сегодня получил от тебя письмо, получила ли ты мое или Маруся написала тебе мой адрес, ты этого не пишешь, и вообще не пишешь, как вы живете, спокойно ли у вас, как с продуктами. за тебя Шура я очень рад, что ты работаешь, помогаешь тете Леле и я за твои успехи в военном деле. Несколько о себе: нахожусь на Центральном фронте. за последние дни подвинулись к самой передовой линии, но в бой еще не вступали, вот ждем приказа, а пока находимся в окопах – в обороне. Авиация действует та и наша, вот пишу, а кругом рвутся снаряды, в воздухе идет бой, но это еще не страшно. Вот примерно моя настоящая жизнь. Пишет ли тебе Маруся, как они там с мамой живут? От них я письма получаю. Все беспокоится обо мне мама, хотя я ей пишу, что все у меня хорошо и спокойно. Ты Шура напиши им письмо. Как здоровье тети Лели? Передай горячий боевой привет ей и дяде Ване. Пока все. Пиши по этому адресу: полевая почта 55213 с – Кошелеву. на этом кончаю, пиши.

Жду ответ.

Сережа.

Воспоминания о блокаде Инны Тимофеевны Балашовой (Маликовой)

Инне Маликовой 13 лет. 1943 год.

В субботу 21 июня 1941 года вся наша семья выехала на дачу в Стрельну. Женская половина семьи ехала трамваем № 28. Его кольцо было на Стремянной улице, где мы жили в доме № 16. Путь был знакомый и в то же время новый. Из года в год на протяжении семи лет мы совершали эту поездку до остановки с трогательным названием «Соломинка». Выйдя из трамвая, мы поднимались по дороге к небольшому посёлку, который привычно называли «немецкой колонией». Там жили и русские, но преимущественно переселенцы со времён Екатерины II — обрусевшие немцы, не знающие ни родного языка, ни своих далёких предков. об их происхождении напоминали только имена и фамилии. Большинство мужчин посёлка работало на близлежащих заводах, в основном на Кировском. Вечерами было принято собираться у дороги вблизи своих домов и встречать стадо, которое с мычанием и блеянием шло в сопровождении пастуха. Мы, детвора, любили этот час, самый многолюдный в будни. По выходным были танцы. Молодые парни составляли небольшой ансамбль народных инструментов. Мне очень нравилось звучание модной тогда мандолины. <…> Эти концерты с последующими танцами проходили обычно у дома, где размещалось правление колхоза, в котором бухгалтером по совместительству работал мой отец. Иногда собирались у дома Иксти, самого презентабельного и самого закрытого. <…> на другой стороне дороги на крутом берегу ручья возвышался ещё более примечательный, но менее таинственный дом, где и размещалось правление колхоза, и куда можно было зайти. Дом был двухэтажный, с открытой полукруглой верандой, с белыми колоннами, поддерживающими балкон второго этажа. Летом 1936 года там проходили съёмки фильма «Пётр I», вернее только одного эпизода, когда ночью карета увозила царевича Алексея заграницу. Мы, дети, не видели ночных съёмок, но зато всё лето могли наблюдать оживление, связанное с ними. Однажды мы встретили там нашего соседа по лестнице т. Леви. Вот тогда-то мы и узнали, что он работает на «Ленфильме». Единственной декорацией был домишко со слюдяными окнами. Слюда пропускала мало света, и в домике царил полумрак.

В хорошую погоду мы купались в мелком ручье, протекавшем под Ивановской горкой. не однажды я там «тонула». в те годы мы купались под присмотром мамы, поэтому всё заканчивалось благополучно. Запомнился случай, как я, опрокинувшись на неглубокое дно ручья, увидела просвечивающее сквозь мутноватую воду солнце и, оказавшись в надёжных руках матери, восторженно заявила: «А волны-то зелёные!» Став постарше, купались в прудах, чаще всего в Егоровском, недалеко от трамвайной линии. Вода всегда была взбаламучена мелюзгой, барахтавшейся у берега. Меня пруд привлекал жёлтыми кувшинками, которые нам

доставали старшие, умеющие плавать. Но самым ярким и радостным было купание в заливе, куда мы отправлялись всей семьей. Обычно это было по выходным, когда из города приезжали дедушка с бабушкой и Зоя, моя тётя. Мы знали, каким трамваем они ехали, и бегали их встречать. Бабушка всегда в светлом платье, в шляпке, дедушка в светлом костюме из коломянки и тоже в шляпе. Привозили из города какие-то сладости и кучу новостей. на залив отправлялись надолго, прихватив с собой бутерброды и питьё. Больше всего любили пляж в Стрельне. Путь был неспешный. Трамваем, потом дорогой в парк, дальше вдоль канала по тенистой аллее. Приближаясь к дамбе, сразу ощущали особый морской воздух с примесью запаха ила, водорослей. Вдоль дамбы множество рыбачьих лодок. Пляж слева от дамбы, дикий, заполненный простыми ленинградцами, приехавшими отдохнуть, покупаться, позагорать. Привозили с собой патефон. Звучала модная в то время музыка. Мы с мамой, не умеющие плавать, далеко в воду не заходили, плескались у берега. Мне очень нравилось ходить по твердому волнистому песку и наблюдать множество мальков, снующих в прозрачной воде. Папа с моим братом Гелей заходили дальше и плавали. Проголодавшись, мы с удовольствием уплетали бутерброды и другую снедь. Я особенно любила хлеб, пропитанный растаявшим на солнце маслом. Обратно возвращались так же степенно, не торопясь, представляя собой благополучное семейство из трех поколений. Дома ждал незатейливый обед: на одной керосинке много не приготовишь. После трапезы играли в лото, в карты. Так обычно проходили выходные и праздничные дни.

В колонии, куда мы ездили несколько лет подряд, все жили довольно тесно, и мы всегда довольствовались одной комнатой. Семья была большая, и в 41-м году мы решили снять дачу попросторнее.

Мой путь в Стрельну прошёл в радостном ожидании новых мест, новых подруг и долгих летних каникул. на новой даче, куда мы прибыли вечером, меня ждал сюрприз: в мансарде с 3-мя небольшими комнатами и 2-мя балконами мне отвели крошечную комнатушку, где я прекрасно разместилась со своими любимыми куклами. Заснула я в тот вечер совершенно счастливая. а на следующий день была объявлена война. Это слово не вызвало в моей душе страха и беспокойства, скорее любопытство. Война связывалась в моём представлении с фильмами из времён гражданской войны («Чапаев», «Щорс» и др.), и воспоминаниями о недавней советско-финляндской кампании, которая не внесла в мою детскую жизнь серьёзных изменений. Меня тревожил лишь один вопрос: не помешает ли война нашему спектаклю. Зимой я с участием двух подруг по дому написала пьесу по мотивам повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Я просто бредила этой книгой и увлекла всю дворовую компанию. Мы распределили роли, учили текст, шили костюмы, готовили реквизит. Кому-то из взрослых пришла в голову мысль разыграть этот спектакль в красном уголке после очередного собрания. Пьесу показали нашему депутату Московской, юристу по образованию, и получили её согласие на постановку. Выступления самодеятельности подобного масштаба

не отличались высокими художественными достоинствами, поэтому и сгодилась наша детская стряпня. Хотелось скорее поехать в город и узнать о судьбе спектакля. Взрослые отмахивались от моих вопросов, у них были другие заботы. Я не могла не видеть их тревогу и растерянность. Решался вопрос: сразу возвращаться в город или оставаться на даче. Так как был уже внесён аванс, то решили остаться. Работающие члены семьи должны были вернуться в город до следующих выходных.

Семья состояла из восьми человек. на 4-м этаже в двух комнатах коммунальной квартиры жили мои родители и я с братом. Он был старше меня на два года. Выше этажом жили мои дедушка с бабушкой, их сын Иван и дочь Зоя (моя мама была старшей дочерью). Дядя Ваня был мобилизован в первые дни войны. Его часть формировалась в Стрельне, и мы тут же проводили его на фронт, и до конца войны не имели о нём никаких известий. Встретились с ним спустя два года после окончания войны. Его часть попала в окружение, потом в плен. После расстрела (у него было прострелено лёгкое) его спасли, спрятали и выходили польские женщины. к концу войны он оказался в американской зоне для освобождённых военнопленных. Потом он вернулся на родину и два года проходил «проверку» в советском лагере. Это была участь всех, оказавшихся в плену у немцев. Что происходило с человеком, прошедшим такую проверку, видно по этим двум фотографиям.

Иван Константинович Филимонов в Американской зоне для освобождённых военнопленных. 1945 год.

Иван Константинович после возвращения на Родину и «проверок» в советских лагерях. 1947 год.

Весь июль мы оставались на даче. Нас с братом не коснулись заботы взрослых, но и на нашу детскую жизнь наложила свою печать война. во время налётов вражеской авиации мы наблюдали воздушные бои, перебегая с одного балкона на другой. во время одного из налётов был сбит немецкий самолёт, и мы бегали смотреть на место его падения. в те дни распространилась «шпиономания». Однажды прошёл слух, что в Константиновском парке появился подозрительного вида человек. Мы с братом, возомнив себя героями, бросились на поимку «шпиона». Брат бегал быстрее меня, по дороге я отстала и вернулась, а брат достиг

цели, но вернулся разочарованный: «шпиона» отпустили после проверки документов. Война того периода напоминала нам какую-то игру, и мы азартно вовлекались в неё.

В газетах появились карикатуры на Гитлера, Гимлера и других представителей Рейха. Геля быстро подхватил эту идею и вскоре все стены нашей мансарды были увешаны изображениями врага. Брат рисовал прекрасно, занимался несколько лет во Дворце пионеров у педагога Кордабовского Константина Александровича. Кое-что из его детских рисунков и акварелей удалось сохранить. Взрослые тоже не в полной мере осознавали ужас предстоящих военных тягот, сохраняя спокойствие и привычки мирной жизни. в выходные собирались вместе и продолжали прогулки в парке.

В начале августа решили вернуться в город. После пышной зелени парков, голубизны залива, каналов и прудов он поразил меня своей однокрасочностью. Это был цвет городской летней жары и войны. Всё было окрашено в охристые тона: форма военных и множество песка на улицах, которым заполняли ящики, закрывающие витрины магазинов. Другие ящики, поменьше, поднимали на чердаки домов для тушения «зажигалок». на улицах постоянно слышалась музыка военных оркестров, провожающих солдат на фронт. Чаще всего играли «Прощание славянки». и теперь всякий раз, когда исполняют этот марш, подкатывается к горлу комок. в нашем когда-то многолюдном и шумном дворе стало тихо. у ребят появились недетские заботы. Про спектакль никто не вспоминал. Многие эвакуировались. у нас этот вопрос отпал сразу. Мама не могла отпустить больного сына, нуждавшегося в её постоянной заботе.

Геля с 4-х лет страдал тяжелой формой диабета, и мама, овладев навыками медсестры, делала ему ежедневно несколько уколов. за девять лет болезни всё тело было исколото так, что каждый укол причинял нестерпимую боль. Ему была предписана строжайшая диета и приём пищи строго по часам. Если это приходилось на время уроков, то он доставал из портфеля еду и ел на глазах у всех. Он тяжело переживал свою зависимость от врачей, лекарств, особого режима питания. Свою физическую немощь он компенсировал развитием способностей, которыми его наградила природа. Он рисовал, лепил, вырезал из дерева, занимался спортом, был подвижным, ловким, общительным. Любознательности его не было предела. Но особой его страстью были животные. Он изучал их жизнь по книгам Брема, которые ему подарили на день рождения. Часто с отцом он посещал зоопарк. в нашей семье он был самой яркой личностью, обожаемой родными, друзьями и всеми, с кем сталкивала его жизнь. При этом ни тени заносчивости, прост и доброжелателен со всеми. Иногда до моего слуха доходили высказывания, что Геля «не жилец на этом свете», «Господь лучших забирает к себе», и я как-то с годами постепенно свыклась с этой мыслью.

Первые бомбёжки в сентябре положили конец нашей детской беспечности. Война уравнивала жизнь взрослых и детей. в неё вошёл страх. Он усилился, когда вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады. в магазинах стали исчезать продукты. с 17 июля была введена

карточная система, но работали коммерческие магазины, где можно было купить не выдаваемое по карточкам продовольствие по повышенным ценам. 12 сентября были снижены нормы, в октябре заметно чувствовалась нехватка продуктов, в ноябре начался настоящий голод. Это беспокоило больше всего. во время гражданской войны семья моей матери уехала из голодающего Петрограда в Ярославскую губернию, откуда были родом мамины родители. Опыт трудных прошлых лет подсказал им правильные действия в начале блокады. Необходимо было создать запас продуктов. Отец мой работал по совместительству бухгалтером в артели гужевого транспорта. Ему удалось достать немного овса, из которого иногда варили кисель. Осенью где-то раздобыли кочаны капусты и, заквасив целую бочку, поместили её в дровяной сарай, находившийся в маленьком дворе-колодце. Но пользоваться этим запасом долго не пришлось. Однажды ночью замки были сломаны, и все наши сокровища исчезли. Горевали, но возмущения не было. Многие уже голодали, и такого развития событий можно было ожидать. Благодаря вовремя сделанным запасам каких-то продуктов голод пришёл в нашу семью позднее, чем к другим ленинградцам. Труднее всего приходилось Геле. Невозможно было соблюдать предписанную диету. Он быстро худел, терял силы. Советская система воспитания учила нас, детей, быть сильными, смелыми, умелыми, как и подобает пионерам. Мы с братом были пионерами-отличниками, но по части смелости я ему сильно уступала. Первые бомбёжки вызвали у меня такой страх, что пришлось маме договориться с соседкой по дому, живущей в подвале, где было бомбоубежище, чтобы я ночевала у них. Ведь бомбили немцы в основном по ночам.

Первые бомбежки испугали не только меня. в каком-то паническом настроении решили спастись от ночных бомбёжек бегством из города на старую дачу в колонию. Забрав кое-какие вещи, двинулись по привычному пути на трамвае. Поднимаясь от остановки на горку, услышали свист снарядов, пролетающих над головами. Отец авторитетно заявил, что бояться нечего: это наши дальнобойные орудия бьют по врагу с Кронштадтских кораблей. Оставив вещи в доме, все вышли на улицу. Взрослые о чём-то совещались, глядя на небо, охваченное заревом пожара. Говорили, что горит Красное село. Из огня да в полымя! Видимо, мы сделали неудачную попытку спастись от врага с неба. на ночь всё же остались, а рано утром с первым трамваем двинулись в обратный путь. Трамвай, на котором мы ехали с долгими остановками, был последним. Через четыре часа Лигово было занято немцами. Мы потом часто вспоминали и наше легкомыслие, и везение. Это было 17 сентября. в этот же день немцы вошли в Пушкин.

От вражеских налётов пришлось спасаться в бомбоубежище. Одна бомбежка осталась в памяти навсегда. Это было 19 сентября 1941 года. Услышав по радио сигнал воздушной тревоги, я быстро оделась, сбежала по лестнице, пересекла двор и перед входом в бомбоубежище услышала свист падающей бомбы. Она упала где-то рядом, разрыв был оглушительный, а я всё бежала по пустому коридору куда-то вперёд. Подвал стал наполняться людьми, прошел слух, что бомба разорвалась в соседнем доме, а рядом с ним в конторе

дежурила моя мать. Земля сотрясалась от разрывов бомб, падающих неподалеку. Спустя много лет после войны я прочла воспоминания Ольги Берггольц об этом дне. Привожу этот отрывок дословно:

«Я помню, как 19 сентября 1941 года, в день неистовой бомбежки, которую помнят все ленинградцы, со Стремянной улицы в Дом радио пришла женщина, гражданка Московская, у которой только что под развалинами дома погибло двое детей. Она никогда не выступала по радио, но она пришла и сказала:

— Пустите меня к радио... я хочу говорить!

И она рассказала о том, что час назад случилось с её детьми... и нам запомнились не столько её слова, сколько её дыхание. Трудное дыхание человека, который всё время удерживает вопль и подавляет рыдание, дыхание, схваченное микрофоном и усиленное уличными рупорами. и весь Ленинград и бойцы на ближних подступах, на окраинах Ленинграда, слушали рассказ матери о том, как на Стремянной улице погибли у неё сын и дочка, и слушали её дыхание — дыхание самого горя, самого мужества, и запомнили всё это. Это помогало держаться»[*].

Этой женщиной была та самая депутат Московская, которая несколько месяцев назад давала разрешение на постановку нашего весёлого спектакля. Я часто встречала её на нашей улице перед войной. Это была невысокая блондинка с пышными волосами в светлом английском костюме. Я и потом встречала её, но уже совершенно седой.

Теперь я поднималась домой только поесть. на нашем 4-м этаже были самые высокие потолки и окна. Они были заклеены полосками газет крест-накрест, а с наступлением темноты плотно занавешивались. за этим строго следили. Небо меня пугало, и я спокойнее чувствовала себя в подвале, где гул самолётов, свист бомб и разрывы снарядов слышались не так отчетливо. Я с надеждой оглядывала массивные своды, поддерживающие перекрытия, верила, что их мощные лапы выдержат любую нагрузку и не дадут нам задохнуться в случае прямого попадания бомбы или снаряда. Геля спускался в бомбоубежище только во время дневных тревог, но без дела он не сидел. При нём был всегда альбом для набросков. Сидящие в неподвижных позах люди представляли благодатную натуру. Два наброска сохранились у меня до сих пор. Это бабуся, сидящая в неудобной позе на низком сиденье с напряжённо сжатыми пальцами рук, и наш товарищ по детским играм Олег. во всех его даже ранних работах отмечалось большое портретное сходство.

[*] Берггольц О. Ф. Дневные звёзды. // Дневные звёзды, Говорит Ленинград ; статьи. — Л. : Худож. лит., 1985. — 256 с.

Рисунки Гелия Маликова.

Геля принимал активное участие в борьбе с зажигалками. на чердаке, где он часто дежурил, тушили их на месте в ящиках с песком, а с крыши сбрасывали во двор, и там топили в открытом люке.

Часто к нам в бомбоубежище приходила пожилая незнакомая женщина с хорошенькой девочкой лет восьми. Девочка оказалась её внучкой, приехавшей погостить на лето откуда-то издалека. Застигнутая войной, она так и осталась в блокадном городе. Нина Михайловна оказалась переводчицей и очень хотела отвлечь внучку занятиями английским. Своенравная девочка поставила условием моё согласие присоединиться к ним. Я с удовольствием согласилась, мама не возражала. Весь октябрь и ноябрь я ходила в соседний дом заниматься английским. Я попадала в особый мир, далекий от ужасной действительности. у хозяйки было много прекрасно иллюстрированных дореволюционных книг. в этих картинках отражался манящий быт буржуазной культуры, отвергаемой советской идеологией. Но как сладостно было погружаться в него нам, детям, психика которых подвергалась опасному воздействию свалившихся на город бед. Нина Михайловна была умна, тактична, терпелива. Воспитание она получила в институте благородных девиц, где теперь, на ул. Восстания, располагался госпиталь. Я дала волю своей фантазии и стала сочинять сказку о нашей совместной жизни в каком-то райском уголке, где царили мир, дружба, красота. Там было много цветов, но скромных, привычных: колокольчиков, ромашек, незабудок. Мечтать о роскоши, дворцах было в то время почти кощунственно. Когда наступало время их трапезы, Нина Михайловна как-то незаметно давала понять, что мне пора уходить, и я покидала этот дом, в котором было что-то диккенсовское.

Через много лет я вспомнила об этой удивительной женщине, посмотрев в Театре Комедии пьесу о блокаде, где образ «случайной старухи» создала Е. В. Юнгер. Таких старух, хранительниц петербургской культуры, в начале войны было много. Потом судьба разметала их по свету, большинство оказалось уже на том.

В декабре, когда уже поползли слухи о случаях людоедства, меня, как самую младшую и ещё не очень истощённую, перестали выпускать из дома. Да и взрослые без большой надобности не ходили на улицу: лестница не освещалась, ступеньки были скользкими из-за разлитой воды, обледеневшими и представляли опасность для ослабевших людей. Но однажды в дверь позвонили, и я на пороге увидела свою маленькую подружку Нину. Она протянула мне небольшой свёрток: «Возьми, это пирожное», — и убежала. в свёртке оказался кусок белой булки, обильно намазанный сгущёнкой. к ним приехал какой-то родственник, военный, и привез продукты. и в этот счастливый момент они не забыли о другой, в общем-то, чужой им девочке, которая голодала, как они. Этот поступок красноречиво доказывал, что в тяжелейших условиях бытия люди могут сохранять лучшие человеческие качества.

Больше я их не встречала. Лет через пятьдесят я услышала по радио рассказ женщины о ленинградской блокаде. Какие-то подробности её рассказа дали мне понять, что это Нина. Я помчалась на радио, вызвала по местному телефону ведущего этой передачи. Им оказался Михаил Черняк, теперь актёр и режиссёр Молодёжного театра. к сожалению, он ничего не мог сказать о выступавшей женщине. Её рассказ был записан на пленку. Огорчённая, я пошла домой. Кто-то меня окликнул. Михаил бежал за мной по морозу, не успев одеться. Он передал мне телефон журналиста, который брал интервью. От него я получила домашний телефон Нины. с каким волнением я набирала номер, но... она меня не вспомнила, зато подробно рассказала, как их весной вывезли на Большую землю и о дальнейшей судьбе своей бабушки.

Я продолжала отсиживаться дома в нашей маленькой тёмной кухне в нише, где была сложена поленница дров. Я почему-то решила, что это самое безопасное место в квартире, и сидела там, погрузившись в свои невеселые думы. Я молчала и только временами тяжко вздыхала. Взрослые пытались шутками вывести меня из этого состояния. Особенно это удавалось отцу с его насмешливым умом. Ниже этажом жили две мои подруги, Полина и Аня. у Ани в комнате стояло пианино, и мне иногда разрешали прикоснуться к клавишам и подобрать одним пальцем какую-нибудь знакомую мелодию. Это вызывало трепет, восторг и зависть. Но мечтать о своем инструменте я не смела. Всё, что зарабатывал отец на нескольких работах, шло на лечение брата. Лечился он у лучших специалистов города. в маму Ани я была просто влюблена. Когда она шла по двору, стуча каблучками, нарядная, красивая, оставляя после себя аромат дорогих духов, я пожирала её глазами и думала, что когда стану взрослой, буду так же красить себе губы.

Как-то в декабре ко мне зашла Полина и среди разных новостей сообщила, что у мамы Ани, тети Нади, новый муж, офицер, что она сама ходит в военной форме и что для сохранения

красоты каждый день моет лицо молоком. Это известие ошеломило меня. Мой кумир и образец для подражания был низвергнут, а главное, рушилось моё наивное, детское, но устоявшееся представление о добре, зле, справедливости. Переживаниями мне было не с кем поделиться. у взрослых была одна забота: как спастись от голода, который грозил и нашей семье. Геля, напротив, был бодр и деятелен. со своим другом Лёнькой он заходил в разрушенные дома, и там, в развалинах, они что-то добывали. Лёнька знал, с каким интересом из года в год я листала у бабушки годовую подписку журнала «Нива». Однажды он нашел в развалинах такой же толстый журнал «Родина» за 1908 год и притащил его мне, прибавив к нему карамельку в пестром фантике. в то время такое внимание ценилось очень дорого.

Геля Маликов. Автопортрет, 1940 год.

Осенью 1941 года ученики младших классов могли не посещать школу. Геля учился в 5-м и ходил на все занятия. До сих пор я храню его ведомость за первую четверть. Зимой он уже настолько ослаб, что на путь в школу он затрачивал не 15 минут, как раньше, а больше часа. Мать каждый раз со страхом ждала его возвращения, но запретить не могла. Да и он бы не послушался.

В его поведении, казалось, не было здравого смысла. на что он тратил последние силёнки? Может, он хотел доказать себе и окружающим, что человек не должен падать духом ни при каких условиях? Он был примером для всех нас. Никто не позволял себе жаловаться, унывать, глядя на этого мужественного мальчика. Как-то поздней осенью нас посетили два брата из немецкой колонии. Они работали на Кировском заводе. и в тот злосчастный день, когда Лигово заняли фашисты, а мы спасались от них бегством, братья, уехав утром на работу, уже не смогли вернуться домой. Работа спасла их от плена, но разлучила с семьей. По их виду было ясно, что они голодали, как все. Накормить мы их не могли. Тогда Геля предложил угостить их лимонадом на сахарине, который отец где-то раздобыл только для него. Каким-то образом они узнали, что братьев Иксти из красивого дома немцы повесили. Они были коммунистами. Гости ушли, и больше мы их не видели.

После Нового года кто-то помог отцу устроиться на хлебозавод кочегаром. Это было большое везение. Из кочегарки он выйти не мог, и ему приносили хлеб с условием: сам ешь, но выносить за пределы завода хлеб нельзя, иначе пойдёшь под трибунал. на выходе с завода каждый подвергался тщательному осмотру. Но отец, зная, что дома его ждут голодные жена и дети, изменяя своей природной честности, умудрялся иногда пронести корки хлеба, пряча их в паху в специально изготовленных полотняных мешочках. Мы ждали появления этих корок, пахнувших его немытым телом. Каждый раз отец рисковал жизнью, но время, когда он

"кочегарил", было для нас спасительным. Его хлебный паёк по карточкам тоже доставался семье. Иногда удавалось достать столярный клей, из которого варили "студень". Помню, как однажды отец колдовал над своим кожаным ремнем: как-то его обрабатывал, а потом варил. Вкуса этого кушанья я не помню. Зато хорошо помню вкус сырого мяса. в начале зимы отец принёс кусок свежей конины. на семейном совете решили есть его сырым для сохранения витаминов. Мама мелко нарезала мясо, посыпала солью с перцем, давала нам с братом по маленьким кусочкам. Очень хотелось есть, и было очень вкусно!

Улицы не освещались, светомаскировка соблюдалась тщательно, за этим следили дежурные по дому. Одним из блокадных изобретений были брошки с фосфорическим свечением, которые ленинградцы прикрепляли к одежде, чтобы не натолкнуться друг на друга в кромешной темноте. у меня была такая брошка в виде рыбки.

А это из воспоминаний моей подруги. Как-то зимой она встретила во дворе Гелю. Он с палочкой, еле ноги передвигает.

— Ну что, Геля?

— Ну что, Полина?

Стояли друг против друга два старичка-подростка 11 и 13 лет на опухших ногах и ничего больше не могли сказать.

Другой бедой ленинградцев помимо голода были жестокие морозы, доходившие до -40°. Вода в квартиры не поступала. Вначале удавалось отогреть трубы в подвале, и воду брали в прачечной. Стоять в очереди за водой во дворе мне разрешали. а потом приходилось таскать воду из прорубей. Они были на Неве, Фонтанке, на Невском. Снабжение семьи водой обеспечивал отец. Они с Гелей впрягались в детские санки и привозили воду из разных источников. Для хозяйственных нужд использовали снег. Верхнюю одежду не снимали даже ночью. в большой комнате стояла металлическая кровать в стиле модерн необъятной ширины. на ней можно было лежать что вдоль, что поперек. Спали все вместе, вчетвером, Геля всегда рядом с мамой. Он не стеснялся проявления любви, нежности к матери. не то что я, бука, хоть и девочка. Но чувство семьи, единой, неделимой было свойственно всем. Это служило опорой и надеждой. Буржуйка давала тепло ненадолго. на ней кипятили воду, что-то варили. Ночью можно было довольствоваться только собственным теплом и дыханием родного человека рядом. Сохраняли это тепло кучей наброшенных сверху одеял. Спички экономили, их тоже выдавали по карточкам. Соседи часто наведывались друг к другу за «огоньком». Это стало привычным. Гелина наблюдательность и тут не осталась без применения. Чаще всех к нам заходил за огоньком наш сосед Леви, которого мы когда-то встретили на съёмках "Петра I". Это был одинокий еврей, всегда худой, теперь и вовсе отощавший. Геля тут же изобразил его спускающимся по лестнице, прикрывающим рукой горящую свечу. Сейчас бы это назвали дружеским шаржем. Это был блокадный юмор, юмор сквозь слезы понимания и сочувствия. Я долго хранила этот рисунок, но после множества переездов он затерялся.

Постепенно от всех невзгод я как-то отупела. Бомбёжки уже не вызывали панического страха, и я перестала спускаться в бомбоубежище. Как-то к вечеру я вышла во двор. Справа в углу на снегу лежал завернутый в белую простыню труп. Мне назвали имя покойника. Это был сосед с 5-го этажа, участник нашего несыгранного спектакля. к этому времени много людей умерло от голода. и к смерти товарища я отнеслась до странности спокойно.

Я вышла за ворота и стала наблюдать пожар на Поварском переулке, напротив нашего дома. Горел дом, в котором жили наши родственники, постоянные участники наших семейных праздников. Я смотрела на бушующее пламя, и ничто не дрогнуло в моей душе. Она перестала реагировать на события этой страшной зимы. Всё, что переживали ленинградцы в ту пору, было за пределами человеческого восприятия. Моя тетя, 19-летняя красавица Зоя, была мобилизована на уборку трупов. Их подбирали на улицах, у больниц и вывозили на машинах на городские кладбища, а молоденькие девчонки укладывали их штабелями в вырытые траншеи, не испытывая при этом ни страха, ни жалости. Все невзгоды стали привычными, ничто уже не удивляло.

8-го марта все вышли на уборку города. Зимой все нечистоты выливались во двор и превращались в глыбы мутного льда. Боялись эпидемии. в уборке принимали участие все, кто в состоянии был держать в руках лопату и другой инструмент. Отец, стоя на своих распухших цинготных ногах, работал ломом. а вечером дома рассказывал со своей неизменной насмешливой улыбкой, как мелкие льдинки, разлетаясь кругом, попадали в лицо, в рот. Но это никого не смущало. Люди радовались весеннему солнцу, долгожданному теплу, лицам соседей, выживших несмотря ни на что.

Страшную зиму и мы пережили, но к весне сильно отощали. Особенно плох был дедушка. От своего рабочего пайка он отрывал крохи жене и дочери. на работе за него похлопотали и устроили в стационар. Но это не помогло, и 16 мая он скончался. Он был весёлым, добрым человеком, любил всегда шутить. Последней его шуткой была просьба похоронить его в братской могиле, чтобы не тратиться на гроб и отдельные похороны: «Вместе нам будет веселей» — говорил мой умирающий дед.

В мае же после усиленных хлопот отцу удалось вывезти Гелю через Ладогу на Большую землю, но кровавый понос, которым страдали многие из эвакуированных, отнял у Гели последние силы. в Ульяновске его положили в больницу, где он через несколько дней скончался. об этих тяжелых днях напоминают мне дорожные письма Гели и письма отца после его смерти.

Летом 1942 года в Ленинграде осталась только женская половина нашей семьи. Зоя вступила в ряды МПВО, была на казарменном положении, но их батальон размещался недалеко от дома, на улице Марата. Мама работала на Васильевском острове в артели, которая шила солдатские сапоги. Этот труд обеспечивал ей рабочую карточку, т. е. наибольшую продуктовую норму. Других источников существования у нас не было, и мы продолжали

голодать. у нас оставались кое-какие вещи, которые можно было обменять на продукты. 5 июля 1942 года мне исполнилось 12 лет. Чем могла порадовать меня в этот день моя бедная мать? на Кузнечном рынке она обменяла новую скатерть на солдатский сухарь. Он был плотный, тёмный, от него можно было отламывать маленькие кусочки и долго сосать до ощущения сладости во рту.

В мае открылись школы и Дворец пионеров. не помню, чтобы нас чему-то учили. Но каждое утро мы собирались во дворе на линейку. Я как председатель отряда рапортовала старшей пионервожатой. в школе работала столовая, где по нашим детским карточкам отпускали обеды. в мою обязанность входило получать хлеб на весь класс и на подносе раздавать ребятам. Среди точно взвешенных кусков были горбушки и серединки. Блокадники хорошо знали, какую ценность представляли горбушки. Проходя с подносом между столами, я видела устремленные на меня молящие глаза голодных ребят и тихий шёпот: «Инна, мне, мне, горбушку!» Кого осчастливить, кого обидеть? Душа моя разрывалась. Видно, на солнышке она оттаяла и снова обрела способность сострадать. Тогда я впервые ощутила силу и бремя власти. Даже от меня, голодной девчонки, трусливо просидевшей всю зиму в углу кухни, что-то зависело. Некоторые ребята пытались мне угодить, приносили из дома какие-то картинки, старинные открытки и всякую ерунду, на которую падки девчоночьи сердца. Я принимала эти дары сознавая, что всё это за горбушку, которая завтра достанется счастливчику по моей воле, и выбор мой будет нелегким.

Летом жилось намного легче. не надо было думать о дровах. Прекрасным дополнением к скудному пайку были лебеда и крапива.

Весной открылись бани, на посещение их выдавались талоны, и мы смогли, наконец, смыть с себя накопившуюся за зиму грязь. в квартирах появилась вода, можно было помыться, постирать, восстановить человеческий облик. Я щеголяла в шелковых платьях, которые мама сшила мне перед войной. Беречь их не было смысла — я росла.

Можно было совершать и дальние прогулки. Однажды Зоя взяла меня с собой на Дворцовую площадь. у входа в Архив Военно-Морского Флота на вахте её дожидался знакомый моряк. Я осталась напротив, у входа в Малый Эрмитаж. Я впервые увидела Атлантов; восторгаясь мощной лепкой их тел, я не обратила внимания, были они уже тогда изуродованы осколками или нет, помню лишь этот жаркий летний день, залитую солнцем площадь и свой восторг.

Пришло известие о смерти Гели. Его принес наш дядя Миша, которому написал отец с просьбой подготовить маму к этой потере. Он ушёл, а мать всецело отдалась своему горю. Она лежала на нашей широкой кровати и не плакала, а тихонько выла, как раненый зверь. Меня смерть брата не удивила, как будто я всегда знала, что это произойдёт. Но тихий протяжный вой матери разрывал моё сердце. Я не находила в себе сил, тепла, душевности приласкать, утешить её. Я только изредка из своего угла тихо просила: «Мама, ну перестань». Как

бесконечно несчастна и одинока она была, не найдя у дочери слов утешения. Вскоре мы получили письмо от отца, в котором он описал весь их путь на Большую землю и кончину сына. Геля умер 11 июля, родился он 7 апреля в праздник Благовещения. Письмо отца растревожило мою душу больше, чем смерть брата. в нём отец открылся для меня с другой стороны, которой я не знала раньше. Всегда молчаливый, сдержанный, насмешливый, он производил впечатление человека суховатого — и вдруг такая боль, льющаяся из каждой строки письма, такое невыразимое чувство одиночества.

После смерти сына всю свою любовь, заботу, и, конечно, весь страх мать перенесла на меня. у нас была возможность уехать к отцу, он ждал нас. Но теперь всю ответственность за решения мать стала делить со мной. Что делать? Ехать или оставаться? «Как скажешь, так и будет», — заявила она. и я сказала, что никуда не поедем. Чем я руководствовалась при таком решении? Никакого жизненного опыта у меня ещё не было. Но я ощущала какую-то тесную нерасторжимую связь с этим городом, в котором прошло моё беззаботное счастливое детство, отнятое у меня врагом, врагом лично моим и моего города. Мать была религиозным человеком, вера внушала ей мысль, что дети находятся под особым покровительством Господа, и Он диктует им свою волю.

В сентябре меня перевели в школу на Кузнечном. Я поступила в 4-й класс, пропустив прошедший учебный год. Директором школы была Раиса Захаровна Хралова, женщина энергичная и очень строгая. Мы её боялись. в школе царил порядок и дисциплина… Половину учеников нашего класса составляли воспитанники детского дома на Стремянной… Они были одаренными детьми, занимались во Дворце пионеров в различных кружках ещё до войны. в описываемое мной время они пользовались большими привилегиями. во многом они отличались от нас, домашних. Всегда опрятны, хорошо одеты. Плиссированные юбки у девочек вызывали восхищение и тайную зависть. По сравнению с ними мы казались сиротами, а они — членами большой, дружной семьи. у них был свой особый мир со своими секретами, недоступными для нас. Многое нас сближало: страхи за невыученный урок, нерешённая дома задачка, шалость на переменах, взаимные симпатии. на сцене они преображались. с каким восторгом и удивлением следили мы за выступлениями знакомых ребят. Прекрасные для того времени костюмы придавали им особую праздничность. в основном это были народные танцы, но особенным успехом пользовалась знаменитая «Тачанка». Это был не просто танец, а утверждение жизни, то, в чём мы, дети блокады, так нуждались. Однажды я получила разрешение руководителя танцевального кружка Р. А. Варшавской присутствовать на уроке. в школе некоторые сердобольные учителя делали нам поблажки, учитывая особые условия войны. Здесь всё было иначе: никаких скидок. Роза Абрамовна была требовательна, строга. Ученики собраны, сосредоточены. Казалось, это был обычный урок: экзерсис у палки, потом разучивание танцевальных движений. Но меня, привыкшую видеть на улицах неуклюжую походку, согбенные плечи ленинградских дистрофиков, завораживали точность и грация

движений юных артистов. Урок и им давался нелегко. Кто-то уставал больше, это невозможно было скрыть от глаз педагога. Роза Абрамовна заботливо спрашивала о самочувствии, давала какие-то советы, но никто не жаловался, и урок не прерывался. Мужество, ответственность, любовь к искусству — вот что отличало этих ребят. После войны я много раз наслаждалась выступлениями лучших мастеров балета в спектаклях и на концертных площадках, но такой глубокой радости и благодарности, как к этим юным артистам я не испытывала больше никогда. Только голодный человек может ощутить сладость хлеба, так и израненная душа с особой силой откликается на всё прекрасное, что рождалось в те далекие годы усилиями детей и педагогов в старинном дворце на Невском.

Перед самой войной я несколько месяцев пела в хоре Дворца. Весной 1942 года я решила снова заняться пением и пошла на прослушивание. за роялем известный пианист Каменский и ещё какие-то люди. Я что-то спела, меня приняли, но прозвучавшие в мой адрес слова: «Голос глуховатого тембра» показались мне обидными, и заниматься я не пошла. Зимой 1942/43 года был объявлен дополнительный набор в кружок рисования, и одноклассницы уговаривали меня пойти вместе с ними. Здоровье моё уже было сильно подорвано, ходить на занятия не хотелось. Узнав, что во время перерыва всем участникам кружка дают по стакану соевого молока, я решила пойти, захватив свои рисунки. Меня приняли в старшую группу. Я начала заниматься, и стакан соевого молока исключал пропуск занятий. Постепенно я увлеклась — успехи, похвалы придавали силы, да и сама атмосфера, царившая во Дворце в те годы, воодушевляла, заставляла забывать о тяготах жизни.

В школе регулярно проводились осмотры не только на вшивость, но и на определение степени истощения, то есть на дистрофию. Я всегда была в числе «дистрофиков», за это постоянно получала талоны на «ДШП» (дополнительное школьное питание). Это было небольшое дополнение к обычному обеду — о калорийности нечего было и говорить. Щи из «хряпы», дрожжевой суп, биточки из отрубей или шротовая запеканка — вот ежедневное меню блокадных столовых. Эти обеды заполняли желудок, но никогда не насыщали. на школьное питание из наших детских карточек вырезали не все талоны, на оставшиеся мы с мамой отоваривались в магазинах. Вечерами мы ставили самовар и пили чай, вернее, кипяток. Им мы согревались и наполняли желудки, создавая на время подобие сытости. Однажды мать пришла с работы, развернула бумажный свёрток и стала что-то жевать. Это была земля с Бадаевских складов. во время пожара сахар растаял и пропитал землю. Люди исследовали это место и стали уносить сладковатую землю домой. Среди этих «счастливчиков» оказалась и моя мать. Я не стала даже пробовать эту смесь, но вид жующей землю матери ужаснул меня. Да, голод голоду рознь.

Большой проблемой было обеспечить тепло в доме. на мамину рабочую карточку иногда выдавали водку, которую мы обменивали у военных на дрова. Пилили их вдвоём, колола мама. Потом приносили их в квартиру, складывали на кухне в нишу. Но щипать лучину для растопки

и для самовара я научилась. Было время, когда мы жили в маленькой комнате бабушкиной квартиры. у бабушки был в это время голодный психоз, довольно распространённое заболевание в те годы. Уходя на работу, мама прятала топор мне под подушку, как говориться, от греха подальше. у меня страха не было, но мучительно было сознавать, что голод сделал с родным человеком, всегда очень ласковым и добрым, а теперь смотрящим на всех безумными глазами. на улицах города я часто встречала очень истощённых людей, по лицам которых невозможно было определить их возраст. Обречённых можно было узнать по глазам, глубоко запавшим, с каким-то особым, зловещим блеском. Такие лица не запечатлели кадры военной кинохроники, это запрещалось снимать. Они остались только в памяти свидетелей тех лет. Зимой 1942/43 года мы съехались с соседкой по квартире, заняв угловую небольшую комнату. в ней помещались две кровати и два небольших столика. на одной кровати спали мы с мамой, на другой тетя Наташа с сыном-школьником. Он был года на четыре младше меня, и я помогала ему делать уроки. Печку топили по очереди.

18 января 1943 года вошла мама и каким-то особенным голосом сообщила, что блокада прорвана, что на улице все люди обнимаются, плачут и поздравляют друг друга. Мать была спокойна, на бурное проявление чувств у неё не было сил. Она была очень красивой брюнеткой. До войны на неё оглядывались прохожие, как рассказывали мне знакомые. Сейчас передо мною стояла старуха с почерневшим от голода и горя лицом.

Был период, когда бабушку нельзя было оставить в квартире одну, и мы взяли её к себе. на нашей кровати мы спали уже втроём. Однажды ночью я проснулась от жалобного ропота бабуси. Я знала, что у неё где-то спрятан шоколад — НЗ (неприкосновенный запас), оставленный ей Зоей. Что-то произошло, пока я спала. Бабушка продолжала тихонько всхлипывать, а справа от меня я почувствовала запах шоколада, исходящий изо рта матери. Какой ужас охватил меня: моя мать — воровка? и ворует она у своей родной матери! Хотелось кричать, но я почему-то затаилась, чтоб не выдать, что была свидетельницей этой сцены. Робость ли это, жгучий стыд за мать или что иное — не знаю. Но спустя много лет, вспоминая, я не жалела о своём молчании. Имела ли я право осуждать тогда мать, которая вынуждена была сделать этот страшный выбор между единственным ребенком и старой матерью? Мама делилась со мной своим пайком, но чтобы выжить самой, а она была уверена, что без неё я пропаду, шла на грех, отщипывая крохи у своей матери. Вот такое было перераспределение жизненных ресурсов. Мама была религиозным человеком, ходила в церковь, прося Бога за дитя своё, ежедневно спасаемое Им и ею, но и замаливая свой грех.

Осенью или весной, не помню, мы с мамой в нашей большой комнате. Топим буржуйку. Дрова не успели просохнуть, горят плохо. Чтобы поддержать огонь, мама собирает какие-то щепки. и вдруг я вижу у неё в руках картину, написанную Гелей маслом на доске. Это «Африканский слон» — самая удачная его картина. Зачем она сняла её со стены? Сердце замерло. Молчу. Мама берёт топор и рубит на щепки то, что осталось от её дорогого

незабвенного сына. Спокойно расстаётся с вещественной памятью о нём, о его таланте, чтобы согреть оставшуюся в живых дочь. Правильно оценить её поступок я не смогла, но запомнила.

Иногда я слышу, что в блокаду у каждого был свой ангел-хранитель. Был и у нас такой. Это дядя Миша, наш родственник. Жил он от нас далеко, в Выборгском районе, работал начальником милиции. Жена и маленькая дочь эвакуировались в начале войны, жил он один. Виделись мы очень редко. Он сочувствовал нам с мамой и нашёл способ хоть как-то нам помочь. Его хороший знакомый работал на Литейном пр. на маленькой овощной базе. и мы получили возможность иногда посещать этого человека, который давал нам немного овощей. База была близко, и мы ходили пешком. Мама чаще посылала меня в наивной уверенности, что ребёнку дадут больше. Эти походы были редкими и не всегда удачными. Бывало, что никого не заставала на месте. Однажды я шла по Литейному в сильный мороз. Я его не замечала. Я молилась, как могла, чтобы вернуться домой не с пустыми руками. Вдруг кто-то из прохожих говорит мне: «Девочка, у тебя белое лицо, потри его варежкой!» Я спохватилась, потёрла, но лицо успела обморозить, о чём вспоминала долгие годы: когда я попадала с мороза в тёплое помещение, лицо распухало и становилось багровым.

Большинство детей в классе страдало от голода. Но среди нас были и те, кого голод не коснулся. Их можно было определить по внешнему виду: по одежде, округлости щёк, блеску глаз, цвету лица и его выражению. Моё детское представление о красоте изменилось в ту пору. Среди больных, худых, апатичных, с печальными глазами сытые, весёлые и живые лица вызывали удивление и восхищение. в столовой обедали все. Некоторые, когда дома ждала еда получше, не доедали столовский суп и предлагали доесть свою порцию голодающим. Ребята, кто не брезговал этими остатками, были известны всему классу. Среди них была и я. От унижения, стыда лицо покрывалось пятнами, но голод не тётка. Заведующей нашей школьной столовой была молодая высокая стройная красивая женщина. Отношение к ней было двойственное: с одной стороны, мы любовались ею, а с другой, испытывали враждебность к человеку, в распоряжении которого были продукты — самое ценное в то время. Где-то в глубине сознания таилось подозрение: не за счёт ли нашего детского питания поддерживается её природная красота? Однажды это вылилось в открытый бунт. не помню причины его, но мы, несколько человек, вызвали её и тут же в столовой стали горячо, сбивчиво упрекать в несправедливости. Я, всегда тихая и молчаливая, возмущалась вместе со всеми. Она молча, ничего не объясняя и не оправдываясь, слушала нас. и вдруг я увидела в её глазах такую жалость и сострадание к нам, маленьким заморышам. Стало стыдно за свою слабость и бесполезный протест. Растущий организм требовал полноценного питания, все мысли были сосредоточены на еде. От своих одноклассниц, не отягощённых подобными мыслями, я часто слышала упрёки: «Инка, ну что ты всё еду рисуешь!» Я, действительно, много рисовала и этим приобрела определённую популярность в классе, но от меня ждали другого, не изображения румяных булок. Характерная особенность того времени: из забытых закромов квартир,

сундуков, вытаскивались на свет какие-то предметы старины, чудом сохранившиеся журналы, книги. Всё это тащилось в школу, изучалось, прочитывалось. Особенной любовью пользовались книги Лидии Чарской, Желихавской. Мы с упоением по очереди читали их. Это была подпольная литература. Чтение её не поощрялось советской педагогикой, и наша добрейшая учительница Анна Матвеевна журила нас. Попадалось и другое чтение. Чем фантастичнее было содержание, тем большую привлекательность таило оно в себе. Оставаясь после уроков в школе, мы играли, воображая себя героями прочитанных книг, дополняя сюжет собственной фантазией. а я получала «заказы», то есть записки со словесным изображением какого-нибудь полюбившегося героя. и рисовала, рисовала… Часто это было и на уроках. и постепенно в 5-м классе из одной из первых учениц я скатилась на довольно низкую ступень.

В 4-м классе я жила ещё старыми запасами, а теперь при усвоении новых предметов я столкнулась с неожиданными трудностями. Во-первых, я потеряла интерес к учебе. После 2-го урока у меня начинала болеть голова, и я уже ничего не слышала из того, что говорили учителя. При выполнении домашнего задания приходилось учить всё заново. к своей неуспеваемости я относилась довольно беспечно, даже с какой-то лихостью, отказываясь отвечать, даже если что-нибудь знала. Больше всего моё поведение тревожило учителей, считавших меня способной ученицей. Помню, как учительница математики, остановившись возле моей парты, подняв руку с указующим перстом, патетически восклицала: «Маликова, не губите своё будущее!» Мне это казалось ужасно смешным, и я только хихикала. Но к концу года мне было уже не до смеха. Я вдруг поняла, что безнадежно отстала в учебе, и при всём желании мне не достигнуть прежнего положения в классе. Утвердившаяся в статусе троечницы, вечно голодная, с трудом одолевающая путь от дома до школы, из общительного живого ребёнка я превратилась в замкнутое понурое существо. Мой прежний авторитет как-то поддерживался умением рисовать, в чём я превосходила всех в классе.

Кажется, в 1943 году в городе проходила школьная художественная олимпиада. Меня настойчиво уговаривали принять участие в ней. Война — самое время выразить свой патриотизм. Я понимала это, но совершенно не знала, как изобразить самое сокровенное, что испытывали тогда мы, дети. Кто-то принес из дома репродукцию картины «Татьяна и Ольга на могиле Ленского». Я удачно скопировала этот литературный сюжет, но лавров за эту работу не удостоилась. Обидно не было.

В 1944 году нас принимали в комсомол. Меня как недостаточно успевающую в учёбе оставили в кандидатах. Моё отношение к самой передовой организации советской молодёжи было превосходное, и самолюбие моё было уязвлено. Мой кандидатский срок затянулся, и в комсомол я так и не вступила.

В мае 1943 года школьники города, начиная с 5-го класса, были мобилизованы на сельскохозяйственные работы в пригородные совхозы. Наша школа выехала в совхоз у станции Кузьмолово. Нам выдали трудовые книжки, где ежедневно отмечалось выполнение

нормы. Некоторые родители неохотно отпускали своих детей, кто-то вообще не поехал. Вначале мы занимались посадкой, затем прополкой. Скоро мы с помощью учительницы ботаники научились различать среди сорняков съедобные растения. Очень хотелось есть, а в столовой всё те же хряпа и шроты. в дальнейшем к подножному корму добавились ягоды. на холмах «Русской Швейцарии» мы собирали землянику, а потом и другую ягоду в лесу. Когда пошли грибы, мы их варили и сушили, создавая запас на зиму. Вдали от родных мы стали самостоятельными, жили дружно. на свежем воздухе и естественных витаминах мы окрепли и повеселели. к нам на время вернулось детство, мы готовы были иногда и поозорничать. Была организована самодеятельность, и мы выезжали с концертами на подшефный аэродром. Когда летчики нанесли нам ответный визит, то увидели на веранде нашего домика целый отряд кукол, привезённых нами из дома, и очень смеялись. в город вернулись в сентябре. в награду за труд каждый получил по корзине разных овощей. Это богатство надо было растянуть подольше. Отправляясь в школу, я получала от мамы на завтрак кусочек сырой брюквы или морковки. а в ноябре во Дворце пионеров в торжественной обстановке нам вручили медаль «За оборону Ленинграда». Отнеслись мы к этой награде чисто по-детски. в один день прикрепив медаль кто на платье, кто на новый ватник (нам выдали их по талонам), мы пошли в ближайшую фотографию. Запечатлели себя на фото, дома награды убрали и почти никогда не надевали их.

Наша Зоя получила медаль одной из первых. Напротив её казармы на углу Невского и Марата на крыше была сооружена будка, в которой девушки из её батальона непрерывно дежурили и оповещали об обнаружении в небе вражеских самолетов. Какую доблесть проявила она в одно из дежурств весной 1943 года, не помним ни я, ни она. Но её представили к награде, о ней написали в газете «Смена», после чего она стала получать письма с фронта от бойцов. Молодость, красота и природная жизнерадостность облегчали её судьбу. Я любила забегать после уроков к ней в казарму. Девушки ласково встречали меня, я отдыхала душой среди них, весёлых, молодых. Одна из них была постарше, красивая Кити, переводчица. Мы пытались с ней возобновить прерванные уроки английского. Кити познакомила Зою со своим братом Кириллом, воевавшим на Ленинградском фронте. Они полюбили друг друга. Однажды Зоя пригласила его к нам домой. в это время я возилась у печки с сырыми дровами, которые никак не хотели гореть. Кирилл помог мне, а заодно решил проверить мои знания по арифметике. Тогда, в 1943-м, я ещё могла ими блеснуть. Я была очарована красотой молодого военного, его умом и манерами. Их роман длился недолго. При подготовке к наступлению наших войск перед прорывом блокады машина, в которой сидел Кирилл, везла на передовую снаряды, и вражеский снаряд прямым попаданием разнес всё и всех. Плакали все. «Какой бы мы красивой были парой, мой милый, если б не было войны…»[2]

[2] Строки из песни «Мой милый, если б не было войны», стихи И. Шафрана, музыка М. Минкова.

В городе работала организация, вроде нынешнего СОБЕСа. Мама иногда наведывалась туда и однажды вернулась домой с роскошным подарком. Помню, что из еды была банка с американской тушёнкой, что-то ещё. Самым восхитительным было несколько предметов одежды для меня, и всё отличного качества.

<…>

Очень большую роль в нашей жизни играло радио, которое никогда не выключалось. Оно сообщало нам о воздушных тревогах и обстрелах, о нормах продовольствия, о поражениях и победах. Мы слушали выступления артистов, поэтов, бойцов и командиров. Кумиром ленинградской детворы была Мария Григорьевна Петрова с её неповторимым голосом, который она сохранила до самых преклонных лет. Она читала нам классику, прививая вкус к настоящей литературе. Спустя много лет она признавалась, что хотела сохранить нам детство, отнятое войной. в те дни, когда читала Петрова, мы торопились из школы домой к своим «чёрным тарелкам», чтобы не пропустить захватывающие ум и сердце рассказы, сказки в её исполнении. Иногда в школе давали билеты в театр. Особенной нашей любовью пользовался театр Музыкальной комедии. После разрушений, причиненных зданию театра, коллектив переехал в помещение Пушкинского театра. Спектакли часто прерывались тревогами. Мы покидали зрительный зал и укрывались в коридорах фойе. Представление затягивалось, возвращались домой поздно, но мне и тут везло: я жила в центре города, и дорога домой не была долгой. Оперетту Кальмана «Баядера» я смотрела зимой. в зале холодно, зрители в верхней одежде. Прелестная Баядера в беличьей шубке, накинутой поверх экзотического костюма. По ходу спектакля наступает момент, когда героиня начинает свой танец. Актриса сбрасывает шубку и танцует в костюме индийской танцовщицы. Моё место недалеко от сцены, зрение хорошее. и я вижу, как под прозрачной тканью кожа актрисы покрывается пупырышками и приобретает синеватый оттенок. Танец исполнен до конца. Актриса убегает за кулисы, где её ждет что-нибудь согревающее.

В августе 1943 года в Большом зале филармонии исполнялась Седьмая Ленинградская симфония Шостаковича. Билет на концерт могли получить не все желающие. Среди девушек-бойцов МПВО, удостоившихся приглашения на этот концерт, была и наша Зоя. Ей, любительнице эстрады, совсем не подготовленной к восприятию симфонической музыки, этот концерт не запомнился. Зато костюмчик из крепдешина, взятый напрокат у двоюродной сестры, в памяти остался. Нам, детям, гостеприимно распахивал двери Дворец пионеров. на праздничные концерты с участием самих детей приглашались и настоящие артисты, не уезжавшие из города. Их было немного, все они были хорошо известны и любимы. Они тоже голодали, выезжали с концертными бригадами на фронт, где их подкармливали. Мне запомнился певец Ефрем Флакс, обладавший красивым баритоном. Высокий, худой, с темными кругами под огромными глазами. Я с сочувствием смотрела на него: и ему голодно. После войны узнала, что на концерты он прилетал из Москвы.

Любили посещать кинотеатры. Это было доступно. Новые фильмы выходили редко, смотрели их по несколько раз. Вышел на экраны американский фильм «Багдадский вор», совершенно потрясший нас. Это было очень красивое, увлекательное зрелище со множеством приключений. Смотрели всем классом. Я рисовала полюбившихся героев, дарила рисунки подругам. Они были в восторге. Спустя десятки лет кто-то вернул мне один из сохранившихся рисунков, деликатно прибавив, что восхищаться-то было нечем. Я сама убедилась в этом. на рисунке был изображен приторно красивый принц в чалме с безжизненно повисшими руками без костей. Плоско, без знания анатомии, пропорций, совсем беспомощно. в чем был секрет моего успеха у подруг, не понимаю и сейчас. Одна из моих одноклассниц, филолог, директор школы, призналась мне, что мои рисунки помогали ей выживать тогда. Удивилась, но не верить ей не могла.

Летом 1944 года я получила путевку в оздоровительный лагерь в районе теперешней станции Девяткино. Лагерь работал в две смены: к тому времени школы перешли на раздельное обучение — первую предоставили девочкам, а мальчики отдыхали во вторую. Сердобольные пионервожатые похлопотали за меня перед начальником лагеря, и меня оставили на вторую смену в качестве художника. к тому временя я уже приобрела опыт оформителя школьных стенгазет. к вожатым-девушкам присоединились юноши — студенты университета и два выпускника хореографического училища Юрий Григорович и Юрий Малахов, впоследствии солист балета Малого оперного театра. Григорович запомнился мне строгим, сдержанным. Однажды в красном уголке одна из вожатых представила меня Юрию. Я только что повесила на стену свое «произведение». Будущий балетмейстер Большого театра взглянул на газету, на меня, пигалицу с косичками, и ничего не сказал — меня, привыкшую к похвалам, это задело. Перед окончанием летнего сезона был концерт на открытой эстраде. Вот когда наши Юры показали себя! Они лихо отплясывали какой-то национальный, кажется, украинский танец.

В сентябре две девочки из класса повезли меня в Академию Художеств, при которой был набор в художественную школу. Пока шли по длинным коридорам, везде находили следы войны, разрухи. Худощавый человек в военной гимнастерке посмотрел мои рисунки, сделал несколько замечаний, посетовал на то, что приём уже закончен. Сказал, что принимает меня с условием, что я исправлю за месяц тройки по каким-то предметам, так как условия приёма предполагают хорошую успеваемость. а пока я должна приезжать на занятия по рисунку и живописи. Девочки за меня радовались. Мама отнеслась к этому иначе. Она жила в постоянном страхе за моё здоровье и считала, что частые поездки на Васильевский остров окончательно подорвут его. Я послушалась её. По-другому воспринял это отец. в моём семейном архиве хранится письмо начальника штаба части, где служил отец, адресованное руководству Академии. Это было ходатайство о принятии меня в школу. Отец очень хотел, чтобы я продолжала линию художественного образования — то, что не удалось ему самому (в

молодости он хорошо рисовал), его талантливому сыну. ни моя мама, ни я не обладали необходимой долей тщеславия, которое помогает преодолевать жизненные препятствия и идти к намеченной цели. Я не оправдала надежд отца и моих школьных подруг. у меня была одна цель: выжить, дождаться мира. в самые беспросветные зимние вечера, когда даже коптилку не зажигали, экономя керосин, лежа под грудой одеял, я мечтала об очень простых вещах: дожить до такого времени, чтобы есть досыта хлеб и пить сладкий чай. Это осталось на всю жизнь. Ничего не знаю вкуснее ржаного хлеба.

Окончание войны каждый представлял по-своему. После всех испытаний, выпавших на долю ленинградцев, довоенная жизнь казалась такой прекрасной! в моей памяти запечатлелись какие-то моменты, к которым я постоянно возвращалась в своих мечтах, и без которых не могла представить будущий мир и поверить в него. Мне грезилось: первое — это поездка в трамвае, идущем в Стрельну, и появление справа полоски залива; второе — встреча с мальчиком-одноклассником, красота которого заставляла сбегаться на переменках всех девчонок от младших до старших классов; третье — найти неизвестный мне дворец на Петергофской дороге, который я видела однажды во время семейных прогулок перед самой войной и который я по памяти постоянно рисовала. Всё это у меня было отнято, и очень хотелось вернуть хоть на день, хоть на миг, чтобы жить дальше.

Были и мечты, не простиравшиеся так далеко в будущее. Зимой мечталось о лете, солнышке, зелени. Однажды в весенний день я шла в школу и на углу Марата и Кузнечного увидела травинку, пробившуюся между стеной и тротуарной плитой. Как я ей обрадовалась! Она была для меня тогда символом возрождающейся жизни, замиравшей в зимние холода.

Уже после прорыва блокады был период, когда от отца перестали приходить письма. и тут в нашем доме стал появляться человек в морской форме, наш дальний родственник, как представила мне его мама. Он был её давним поклонником. Приходил он не с пустыми руками, что радовало. Его визиты продолжались, и однажды мама сообщила, что дядя Саша сделал ей предложение переехать к нам жить. От отца писем нет, неизвестно жив ли он, а этот человек будет опорой в нашем бедственном положении. в заключение она сказала, что решение этого вопроса будет зависеть только от меня. Я сразу заявила о своём несогласии. Дядя Саша получил отказ и больше у нас не появлялся. а я ещё долго питала к матери глухое враждебное чувство за её возможное предательство. Много раз я вспоминала себя в те годы и пыталась объяснить причины своей принципиальности, непреклонности и жестокости. Длительный голод истощал тело, мозг, заставлял приспосабливаться к непривычным условиям жизни, экономить физические и душевные силы, концентрируя их только на самом главном, насущном. Сознание освобождалось от сомнений, парализующих волю. Всё сводилось к простой формуле: выжить, оставаясь человеком. Постепенно мой внутренний каркас обретал прочность. Это помогало выживать, но не позволяло потакать человеческим слабостям, жалея себя и других. в те годы я часто слышала фразу «война всё спишет», которой люди прикрывали

свои неблаговидные поступки. Для меня в ней заключалось что-то страшное, как людоедство. Я не позволила матери снять с себя груз забот хоть на время, но я спасла её от необходимости оправдываться перед отцом после его возвращения.

Всем было тяжело, но ничто не сравнится с судьбой ленинградских матерей, обречённых на ежедневную муку видеть своих детей, которые не жаловались, не плакали, не просили и всё понимали. Самым продолжительным и мучительным испытанием войны был голод. Можно привыкнуть к бомбёжкам, к обстрелам, но к голоду не привыкнуть никогда.

Последний обстрел города был в январе 1944 года. в школе во время обстрела нас водили в подвал. После одного из них я шла из школы домой. на Поварском меня остановила Нина Ивановна, наш управдом, и сообщила, что в нашу комнату попал снаряд. Всё это время она дежурила на улице, ожидая моего возвращения, чтобы предупредить и успокоить. Как люди тогда были добры и внимательны друг к другу! Я побежала в казарму к Зое. Она с двумя девушками обследовала комнату. Снаряд пробил стену под окном, вздыбил пол, разрушил часть стены ниже этажом, где жила моя подруга Полина с матерью. Их тоже не было дома. Мы переселились в маленькую комнату, пока не заделали дыру.

Город зимой и летом выглядел по-разному. Фантастическую картину представлял город зимой 1941/42 года. Кругом лежал неубранный снег. у нас на Стремянной мы пробирались по узкой тропинке между огромными сугробами. Недвижно стояли трамваи, троллейбусы, покрытые толстым слоем снега. Снег лежал на балконах, выступах, декоративных убранствах домов, на оборванных проводах в их причудливом сплетении. в солнечные морозные дни всё это сверкало, искрилось, создавало какую-то зловещую красоту, на фоне которой одиноко бредущие тёмные фигуры людей казались совсем бесплотными, призрачными.

В тёплое время года город восстанавливал свой обычный вид, за исключением провалов стен разрушенных зданий. Было чисто, да и сорить было нечем: каждая бумажка находила себе применение, а пищевых отходов просто не могло быть. в местах, где раньше сажали цветы, зеленели огороды. Обычно в этих местах стояли зенитки, служившие одновременно и охраной урожая.

Свою родную улицу я знала с самого детства, имела возможность наблюдать, как менялась она с течением времени. Помню телеги с впряжёнными ломовыми лошадьми, ежедневно проезжавшими по булыжной мостовой и доставлявшими дворникам дополнительную работу. Тротуары были вымощены крупными плитами. Недалеко от нашего дома стояла тумба, напоминавшая большую катушку, с расклеенными на ней театральными афишами. во двор часто заходил старьёвщик с неизменным криком: «Халат, халат!», которому за небольшую мзду можно было отдать ненужные вещи. Нищие под звуки шарманки пели свои жалобные песни, а в открытые форточки жильцы бросали им завернутую в бумагу мелочь. Дом № 12, разрушенный в сентябре 1941 года, был выстроен заново, все остальные дома сохранили свой первоначальный облик. Самым любимым мною был дом № 11, построенный в стиле

модерн архитекторами Васильевым и Бубырем. Облик этого дома будил воображение, заставлял без конца разглядывать все детали его убранства.

На углу Марата и Стремянной находилась Троицкая церковь, в которой, предположительно, меня крестили. Она была сооружена по проекту архитектора Н. Н. Никонова в конце XIX века на пожертвования. Фасады, облицованные желтым глазурованным кирпичом, украшенные изразцовыми иконами, выглядели очень нарядно. на противоположной стороне улицы красовался дом, построенный в те же годы с использованием того же декоративного материала. в нём размещалось общество по распространению религиозных знаний, о чём гласила надпись на фасаде здания. и дом, и церковь в войну не пострадали. Снесли церковь в 1966 году.

Как-то по радио я услышала рассказ о нашей церкви и священнике, служившем в ней до революции. Большевики арестовали его вместе с сыновьями, получившими светское образование. Всех троих приговорили к расстрелу. Это злодеяние было совершено на дамбе в Стрельне. Священник обратился с просьбой к командиру расстрелять первыми сыновей, чтобы он смог отслужить по ним заупокойную службу. Его просьбу исполнили, но вид священника, молящегося за сыновей, убитых на его глазах, так потряс солдат, что они отказались стрелять. Это сделал сам командир.

В 1990-е годы я приехала в Стрельну с маленьким внуком. Почти ничего не изменилось в ней с довоенного времени. Запущенный парк с пересохшими каналами, северный фасад дворца темнел арками гротов. Прогуливаясь по дамбе, я обнаружила там маленькую часовню. Вход был закрыт, над дверью — образ Николая Чудотворца. Раньше её там не было. Может, её появление связано с расстрелом на этом месте священника с детьми? Какая-то невидимая нить связала два дорогих моему сердцу памятных места — храм на Стремянной и дамбу у залива в Стрельне.

Во время блокады мама повесила у изголовья моей кровати маленький образок св. Параскевы. не знаю, как он у неё оказался. Икон в нашей квартире не было. Отец считал себя атеистом, хотя в юности писал иконы. Думаю, что крестили нас с братом без его согласия. Мама и её родители были религиозными людьми и не скрывали этого. в большой комнате, где часто собирались гости, висели две иконы в очень красивых окладах. Я всегда любовалась сиянием золочёных гроздьев винограда, особенно когда зажигались лампады, а люстра уже не горела. Видела, как усердно молилась перед иконами бабушка. Она же научила меня короткой молитве, которую я тихо шептала, сидя в бомбоубежище. Этим и ограничивалось моё религиозное воспитание. Глубоко внедрять его в сознание детей было в то время небезопасно. во время войны мама и бабушка посещали ближайшую к нам действующую церковь — Спасо-Преображенский собор на улице Пестеля, иногда брали и меня. Запомнилось мне моё первое причастие в Князь-Владимирском соборе, где находилась чудотворная Казанская икона Божией Матери, покровительница нашего города. Вероятно, по этой причине мать отвезла меня так

далеко. Религиозной литературы нигде не было. Мать, готовя меня к этому событию, учила на все вопросы священника ни исповеди отвечать: «Грешна, батюшка». Но батюшка только взглянул на меня и ничего не спросил.

По семейной традиции ко всем праздникам мы готовились, как могли. От своего хлебного пайка мы отрезали маленькие кусочки и хранили их на шкафу (подальше от соблазна). в нужный день доставали их, радуясь этому дополнению к столу и нашей выдержке. на пасху 1943 года мама испекла на олифе лепёшки из отрубей и украсила их изюминками. на праздник пригласили мою подругу из соседнего дома. Она тоже добавила что-то к общему чаепитию.

Тогда же в 1943 году мы стали навещать своих родственников на Поварском. Они уже справились с последствиями пожара, переехали в другой дом и вообще как-то устроились. Каждый раз мама приносила что-нибудь из дома, салфетку или вазочку, в надежде, что нас покормят. Голос мамы при этом становился каким-то заискивающим, просительным. за это унижение я не любила её в этот момент, также как и тех, кто принимал эти подношения.

Зимой 1942/43 года в нашем доме не было электричества. Уроки я готовила при свете коптилки, из-за чего иногда приходила в школу со следами копоти на лице. Походы в баню были редкими, дома из-за холода часто сидели в пальто, о тщательном мытье не могло быть и речи. в моих длинных и густых волосах завелись вши — это тоже бедствие войны. Мама при слабом свете коптилки с помощью частого гребешка пыталась избавить меня от этой напасти, но к нужному результату это не приводило. Невозможно это было скрыть от моих школьных подруг, которые с отвращением наблюдали, как эти мерзкие насекомые выползали на свет дневной. Я боялась этого больше всего. Как-то весной на перемене несколько девочек подошли ко мне и стали совать мне небольшой сверток. Они достали какое-то снадобье от насекомых и тихо, по-дружески стали объяснять мне, как этим пользоваться. Их участие, деликатность сломили мою гордыню, и я дала волю слезам. Я громко рыдала, склонившись над партой, а девочки смущенные, растроганные, успокаивали меня. Дома мама обрезала мне косы, провела дезинсекцию, и эта проблема была решена.

Появилось электричество, научились вместо мыла применять другие средства для стирки, жить стало полегче, но на душе остался осадок испытанного унижения, горькое сознание своего неудержимого падения с привычной высоты. Как трудно давалась мне роль гадкого утенка, когда ещё недавно, полтора года назад я порхала по жизни. Всё давалось без труда: учеба, игры, дружба, любовь и забота родных. Конечно, были и детские огорчения, но их нельзя было сравнить с теперешними бедами.

В самый тяжёлый период войны, когда радио сообщало о нашем отступлении, о сдаче городов, я пыталась своим детским умом понять и оценить своё положение, и неизменно приходила к выводу, что оно не самое худшее. Я могла погибнуть от голода, бомбы или снаряда, но это смерть среди своих. Страшнее этого оказаться в оккупации. Когда я слышала

о зверствах фашистов, о героизме наших людей, я спрашивала себя, смогла бы и я проявить такую же храбрость, стойкость, способна ли я на подвиг, и, честно говоря, не находила ответа.

Жизнь диктовала экономию во всём. Я постепенно научилась топить печку, не расходуя много дров. Мне нравилось сидеть у печки, наблюдать за игрой языков пламени, поправлять кочергой поленья, чтобы они не сгорали слишком быстро при хорошей тяге. Но были случаи, когда для сохранения тепла закрывали вьюшки дымохода раньше времени, ложились спать, а утром просыпались с головной болью. Угорали не раз.

В 1944 году стали возвращаться ленинградцы из эвакуации. в наш класс пришла новая девочка, поразившая всех своей красотой. Жила она на Поварском, недалеко от моего дома, и из школы мы возвращались вместе. Как-то незаметно мы подружились. Её родители работали на киностудии «Ленфильм», приходили домой поздно. на Лиане лежала обязанность готовить ужин и кормить младшего брата, в будущем талантливого кинооператора Юрия Векслера. Ужин был неизменный: жареная на постном масле картошка. Я часто заходила к подруге, мы вместе делали уроки, иногда я помогала чистить картошку, тогда и мне доставалось это лакомое блюдо. Узнав об этом, мама посоветовала мне не ходить в дом таких богатых людей. Да, для нас с матерью жареная картошка в 1944 году была признаком большого достатка. Самое большое, на что мы могли рассчитывать, это котлеты из отрубей, за которыми я ездила куда-то далеко. Мать опасалась, как бы в душу её избалованной в прошлом дочери не проникла зависть — этот постоянный спутник бедности. у нас это считалось большим грехом. Я, хоть и не испытывала этого чувства к подруге, мать послушалась и стала всё реже бывать у неё дома.

В 1945-м мы жили в ожидании скорой победы. Когда объявили по радио эту радостную весть, мы были в школе. Всеобщее ликование стёрло грань между учителями и учащимися. Победа была общей. Кто-то плакал. Помню себя на Дворцовой площади, заполненной народом, и речь Сталина, начинавшуюся словами: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!» Помню, каким волнением отозвалась моя душа на звуки его голоса.

По-настоящему конец войны я ощутила в какой-то простой будничный день. Кто-то позвонил, я открыла дверь и увидела немца, невысокого, худого. Он что-то просил, но я не задумываясь закрыла перед ним дверь. в то время пленных немцев использовали в строительстве, восстановлении разрушенных домов. Часто я встречала их и на нашей улице. Я не испытывала ни страха, ни жалости к этому уже побеждённому врагу. Я вернулась к своим делам, но эта встреча породила во мне какое-то беспокойство. Я вдруг усомнилась в своём праве на одну лишь ненависть, которую мы испытывали не только к Гитлеру, но и ко всем немцам. Вопреки укоренившейся идеологии, постоянной жажде отмщения за все наши беды, в этом жалком, голодном, уставшем немце не сразу, а по долгом размышлении я признала Человека, и душа моя, изуродованная войной, начала тоже «вочеловечиваться». Моя война закончилась именно в этот день.

Письма от отца приходили нерегулярно, война закончилась, наше беспокойство возрастало. и вот опять, как в случае с немцем, я вышла на звонок. Передо мной в сумраке лестницы стоял пожилой бородатый человек в солдатской шинели. Он молча смотрел на меня и губы его дрожали. Я бросилась к нему на шею с криком: «Папа!». и тут же испугалась своего голоса. Он был каким-то чужим, бабьим. в нём было всё: и боль, и жалоба, и радость.

Инна Маликова (15 лет) с папой после возвращения с фронта. 1945 год

Мне повезло. Я оказалась одной из трёх выживших в блокаду (статистика!). Остались живы отец, мать, бабушка и тётя. Возвратился любимый дядя, пройдя плен, чужой и отечественный. Мы продолжали жить в тех же комнатах. Сразу после войны местные «нострадамусы» предрекали нам, блокадникам, остаток жизни сначала десять, потом двадцать лет. Тогда и это казалось счастьем.

После войны нас, бывших школьников, жизнь разбросала: кто-то продолжал учёбу в вузах, а кто-то, кто остался сиротой, вынужден был зарабатывать на жизнь. Мы на долгие годы потеряли друг друга из вида, да и не стремились к встречам. Хотелось поскорее забыть это время, в котором мы тогда не усматривали ничего героического, а видели одну беду, одну беду. Только детдомовцы демонстрировали сплоченность и поддерживали постоянную связь между собой. Спустя лет тридцать они пригласили меня на свою очередную встречу. Все очень изменились, погрузнели, остепенились. После речей, тостов повеселели и буквально на глазах стали превращаться в прежних мальчишек и девчонок, весёлых, подвижных, озорных. на один вечер к нам вернулось наше военное детство, вернее, то, что было в нём хорошего. Среди нас находился кинорежиссер Игорь Усов, бывший детдомовец. Мы спросили его, почему до сих пор не создано ни одного достоверного фильма о блокаде. Он ответил, что ещё не пришло время говорить правду о войне, она слишком жестока. Блокадники ещё живы, надо щадить их чувства.

С тех пор прошло ещё тридцать лет, или даже больше. Теперь уж нет многих участников той встречи, а оставшимся говорить правду о блокаде уже не под силу. По моей просьбе две бывших ученицы нашей школы поделились со мной своими воспоминаниями. Они скупы, но я сочла необходимым привести их здесь.

Вера. «Январь 1942-го. Три дня в булочных не выдают хлеб. Люди стоят в очереди днём и ночью. на третий день я, прислонившись к стене, задремала, сжимая в руке мешочек — кисет с продовольственными карточками на трёх членов семьи и двух соседей. Сквозь сон слышу,

кто-то говорит: «Карточки, карточки», и трогает меня за плечо. Открываю глаза и вижу соседку по дому: страшная, худая в руке мой кисет с карточками. Я испугалась, подумала, что хочет отобрать их у меня, а сил сопротивляться нет. Она ушла, а я открываю свой кисет, а там целехоньки мои карточки. От сердца отлегло, зря подумала плохо о человеке. Сама дистрофик, а не соблазнилась на чужое добро, да что добро — жизнь в них заключалась, в этих бумажках». Вера рассказала ещё о том, как две её тёти, очень верующие женщины, носили освящать свой паёк на какой-то из церковных праздников, она точно не помнит, на какой, но по всей видимости, это была Пасха. Обе они часто говорили, что войну и блокаду Господь посылает как испытание.

Ксения дополняет рассказ Веры о самых трудных днях. в те же жестокие январские дни её мать каждое утро уходила из дома в надежде «выкупить» хлеб. Возвращалась поздно ни с чем. в один из таких дней Ксения сама пошла на поиски матери. в очереди увидела знакомое пальто. Подойдя ближе, она не узнала мать, так изменилась она за несколько дней без крошки во рту. Впервые за долгое время она увидела лицо матери при дневном свете. Обычно в затемнённых промёрзших комнатах при тусклом свете коптилки люди переставали замечать перемены в облике друг друга. Наконец хлебные талоны были отоварены мукой. Сварили из неё кашу, ели и не насыщались. Мать медработник, зная опасность переедания, оставшуюся кашу убрала до следующего дня. Легли спать, а ночью встали и доели остатки. Когда мать совсем ослабела, Ксана сажала её на детские санки и везла на работу, чтобы «отметиться», иначе лишишься рабочей карточки. в какой-то праздник школьники в сопровождении учителей отправились во Дворец Пионеров. Начался обстрел. Все разбежались в разные стороны. Ксана с другими ребятами спряталась в ближайшей парадной переулка, выходящего на Фонтанку. Когда обстрел кончился, пошли во Дворец. у моста на углу Невского стояли машины, бойцы МПВО разбирали убитых и раненых. Было много крови. Когда возвращались, всё было чисто убрано.

Нина А., родственница соседа бабушки. Она рассказала лично мне, как зимой 1941 года она шла по Литейному проспекту. Подходя к Мариинской больнице, увидела цветные пятна на фоне черно-белого ленинградского пейзажа. на каменном парапете ограды лежали мёртвые младенцы в голубых и розовых одеяльцах. не решились матери положить их прямо на снег рядом с другими покойниками, которых свозили на территорию больницы.

ПИСЬМА ГЕЛИЯ МАЛИКОВА

Здравствуйте, дорогие Мамочка, Бабусенька, Зоенька, Инночка и если встретите, дорогой дядя Миша, о ком речь будет немного позже. Самое главное совершилось: мы переехали Ладожское озеро. Но расскажу сначала всё по порядку.

Когда поезд тронулся, мы начали устраиваться в поезде. Было, конечно, немного тесновато, но это ничего. Так мы ехали часа полтора, и вдруг поезд остановился. Оказывается, дальше надо было отправляться на машинах, а они ещё не приехали, и мы стали ждать на большой поляне, около небольшого посёлка (дело было, конечно, за городом). Это было в тот же день. а до нас приехал ещё эшелон № 42 (наш № 44). Тогда он приехал 25 числа тоже в 1.30, на один день раньше нас, и ждал этих машин остаток дня, ночь и 26-е число, когда мы приехали, то есть целые сутки. Все они были очень голодны и получили кроме вокзального пайка только немного супа и 200 грамм хлеба на следующий день, когда мы приехали значит. Мы ждали, когда погрузят 42-й эшелон и прождали так до 2 часов ночи этого дня, когда их погрузили полностью, и это время мы ничего не ели. Это время мы провели так: вылезли из вагона, полежали на травке, получили кипяток (а пить как хотелось!!!). Потом брали воду из колодца, отдыхали в вагоне и на травке по очереди с папой. Потом папка ходил за травкой и набрал её довольно много и отдал её одной тётеньке, чтобы она сварила её и уже после мы ели «вкусный» суп. Нет, правда, мы были так голодны, что он показался нам очень вкусным. а сварила тётенька эти щи на костре. в этом посёлке был эвакопункт, и там мне сделали укол. а когда погрузили 42-й эшелон (это было во втором часу ночи, вот как долго мы ждали), мы поехали к Ладожскому озеру. и опять целую ночь всё-таки ждали в поезде. Только к вечеру 27-го числа мы прибыли к Ладожскому озеру. До этого времени мы не получали из еды ничего, кроме вокзального пайка. Всё это время немец нас не бомбил, только очень низко летали наши самолёты. Ну вот, мы вылезли из вагонов, построились на пристани у самого озера, потом сели в пароход, во внутрь его, и без всякой качки, без всякой бомбёжки в 1.10 переплыли его. Это было уже 9 часов 27-го числа. Потом нас посадили в машины и отвезли от озера километров на 20 вглубь в эвакопункт, в такой же посёлок. Там нас высадили и накормили: дали мне как ребёнку 1 килограмм хлеба, 200 грамм колбасы, 200 грамм манной каши и такого же супа на мясном отваре и 100 грамм шоколада. Но папа мне прибавил колбасы и мясо из супа отдал мне. Но всё это мы получили очень поздно, часа в 3 ночи, это уже 28 числа точнее считать, так как была большая очередь. Да, к обеду дали ещё 200 грамм хлеба кроме 1 кг. а вот 28-го числа должны ещё дать обед и 300 грамм хлеба, обед из супа на мясном отваре и каши манной. Так я пишу это письмо сейчас 28 числа, то я кончаю. Да, мама, благодари дядю Мишу от меня от всего сердца. Ведь мы ничего не ели до прибытия на эвакопункт, и я был так голоден, что совсем ослаб, и если б не дядин Мишин шоколад, который я понемногу откусывал, совсем бы ослаб. а он мне очень помог, я им подкрепился и не так был всё-таки голоден. Мама, как мне помог дядин Мишин шоколад!!!

Благодари, мама, его от меня от всего сердца. Его шоколад, поверь мне, очень помог.

В общем, мама, самое опасное место мы проехали, беспокоиться больше не о чем, и эвакуация проходит, я бы сказал, очень хорошо для этого времени.

Мама, очень преочень прошу о нас не беспокоиться. Ничего плохого нет, и кормят нас довольно хорошо. Я наедаюсь. Все трудности прошли, и до этого места, где мы остановились, эвакуация прошла на большой палец, не считая больших остановок поезда, когда мы ещё не переехали Ладожское озеро. а там мы останавливались в первую остановку часов на 10, а во вторую на пять примерно. а сейчас мы стоим в 20 км примерно от Ладожского. Скоро, наверное, отправимся дальше. Медпункт везде есть, и я делаю там уколы. Чувствую себя хорошо, сыт, всё время на свежем воздухе. Ещё раз прошу обо мне не беспокоиться.

Ну, пока до свидания, крепко целую Вас.

28.06.1942

Г. Маликов.

29.06.1942.

Здравствуйте, дорогие Маменька, Бабусенька, Зоенька и Инночка. Хочу написать вам ещё. Сейчас 29 число. Всё ещё стоим тут, за Ладожским озером в дер. Лаврово, примерно в 20 км от него. Нам пока не найти багаж, поэтому стоим тут. Но тут не только нам не найти багаж, а и другим людям не найти. Но расскажу, как мы живём. Деревня Лаврово — это большой посёлок с рекой, с санитарной частью. 28 числа мы встали рано утром, а ночевали под открытым небом на столе в саду. Утром я пошёл на укол, там меня очень любезно встретили и сделали укол. Там есть такие сёстры, которые понимают, что такое диабет. Потом папа пошёл искать багаж, пропадал целый день, и так и не нашёл. Я был в этот день очень голоден, так как без багажа карточки не регистрировали, а без регистрации обед не выдавали. у меня началась гипа, я пошёл в санчасть, там чуть не упал. Я им объяснил, что мне надо поесть. Там меня накормили супом манным с мясом и много гречневой каши с большим куском сливочного масла и хлеба. Наконец она у меня прошла. Я попросил у доктора справку о том, чтобы мне отпускали обед раньше времени, так как я болен диабетом и после укола мне надо есть. Справку дали, но зав. столовой не обратила даже на это внимание, и обед я получил только часов в 10 (28.06). а как я был голоден в тот день, я еле удержался на ногах. а когда случилась гипа, о которой раньше говорил, меня спасла одна сестра, тоже из Ленинграда, которая живёт совсем близко от нашей улицы, дав мне покушать. Как я её благодарил, а она отвечала, что каждый добрый человек должен помочь друг другу. 29.06, сегодня я встал очень голодным, еле стоял на ногах (буду писать не так подробно), сделал укол, а обед не должны мы так рано получать. Спросил справку, чтобы дали раньше покушать, велели ждать начальника санчасти (тётеньку). Наконец, я, голодный, дождался её. Я ей сказал, что после укола я должен питаться, а обед получаем мы очень поздно и его не хватает (суп, каша и хлеб немного). Начальник

санчасти оказалась хороший человек, она дала справку, и меня направили в специальный дом, где меня покормили в 2 часа супом, кашей и хлебом. Должны покормить ещё в 10 часов утра, но я попал туда только днём. Пойду ещё вечером. Должны дать ещё чая сладкого, хлеба с маслом. Вообще кормить должны так: в 10 утра чай сладкий с хлебом с маслом, в обед суп с мясом манный и кашу манную с хлебом. Потом полпятого и полвосьмого чай сладкий с хлебом и с маслом, наверное. Так как я только пообедал, то я точно не знаю, что будет в 4.30 и 7.30. Но нас покормят только в 7.30, так как хотят соединить эти часы вместе. а что дадут, я тебе напишу позже, так как сейчас нет ещё столько времени. Сейчас (это будет 4 часа 29.06) я думаю сходить на укол. Как я рад, что меня отправили в отдел детпитания. Я с обеда пришёл сыт по горло. Ну ладно, сейчас ещё день, поэтому я не могу писать, что дадут там вечером. Я тебе напишу, когда совсем покушаю. Ну, а сейчас я пойду на укол. Да, я нахожусь всё время на чистом воздухе, бываю у небольшой речки, которая протекает по деревне, хожу по травке, а пьём воду всё-таки из речки. Питаемся только 300 г хлеба, супом и кашей на 1 человека. Но я теперь записан в …[*неразборчиво*] поэтому я буду теперь сыт по горло. а на обмен, мама, здесь очень туго. Теперь бы только дождаться багажа, а там поедем дальше. Ну ладно, иду на укол. Привет дяде Мише.

Вечер 29.06.

Укол сделали. Как ласково там меня встречают! Дают мне горячий кипяток, а его же очень трудно достать. Пьём мы воду из реки. Наконец и 7.30 вечера. Иду в детприёмник. Там нам дали миску супа, потом спросили, кто хочет ещё. Я попросил, и мне дали вторую порцию. Потом дали полную миску каши гречневой. а хлеба положили на тарелку, бери сколько хочешь. Хотя не очень сколько хочешь, но если тебе не хватает, дадут ещё. Потом дали белый хлеб со сливочным маслом. Чай почему-то сегодня мы не получили. а кормить нас должны 4 раза. Только самое главное дело с багажом. Из-за него мы так долго и сидим в деревне (4-й день). Но ничего. Я всё время на воздухе, хожу в санчасть делать уколы, хожу в другой конец деревни обедать, брожу, отдыхаю, и теперь, когда я питаюсь в детприёмнике, сыт по горло. а эвакуированных сколько в посёлке!

30.06 — утро. Живы и здоровы.

Геля.

ПИСЬМА ТИМОФЕЯ МАЛИКОВА

Здравствуй, Михаил Фёдорович.

Меня постигло большое несчастье — умер Геля. Если это письмо застанет Марию, не говорите ей о смерти Гели; не следует расстраивать её в дорогу. Дорога была чрезвычайно

тяжёлой, вследствие переполнения поезда (вагоны товарные) и от Ярославля пароходы. у Гели, как у большинства пассажиров, от переедания расстроился желудок, и простой понос перешёл в кровавый — дизентерию. Как только у Гели установлена была дизентерия, я высадился с ним на ближайшей остановке — Ульяновск (бывший Симбирск на Волге) и поместил его немедленно в городскую больницу. Однако организм, ослабленный недоеданием и несоответствующей ему пищей в Ленинграде и окончательно подорванный в дороге, вымотавшей последние силы; дизентерией, не выдержал, и, несмотря на все принятые меры (бактериофия, соответствующая диета), Гелий умер на 4-й день приезда в Ульяновск 11 июля. Похороны были печальные — провожал на кладбище я один. за два дня до смерти Геля почти всё время был без сознания, не говорил и не узнавал меня, и только за час до смерти пришёл в сознание, звал маму, спрашивал меня и доктора: «Я не умру?» Очень не хотелось ему умирать.

Я очень благодарен за оказанное Вами содействие по эвакуации и за всё участие, которые Вы принимали в жизни нашей семьи. Жаль, что в последний момент выезда из Ленинграда не пришлось лично ещё раз поблагодарить Вас и пожать руку, но я надеюсь, что мы ещё встретимся.

Здравствуйте, дорогие Мария и Инна!

Только что получил одновременно две телеграммы, пересланные мне из Ульяновска. в Ульяновске срочная была получена 21 сентября и вторая 28 сентября, выслали их в район (310 км от Ульяновска) 29 сентября, получил сегодня 4 октября. Сегодня же я с попутчиками послал сдать на ж. д. станцию телеграмму тебе.

Гели нет. Я не хотел тебе сообщать об этом до твоего приезда сюда, но поскольку Михаил Фёдорович проговорился, мне уже скрывать нечего.

Геля умер на 3-й день по приезде в Ульяновск. Теперь тебе понятно, почему я оказался в Ульяновске, где раньше никогда не был. Я высадился для того, чтобы поместить Гелю в больницу, так как на пароходе был врач, но должного ухода, ясно, на пароходе невозможно обеспечить.

Как только у Гели обнаружился кровавый понос, я решил высадиться на ближайшей пристани, и этой пристанью оказался Ульяновск, перед Казанью (первая от Ульяновска пристань и большой город), у Гели хотя и был понос, но обыкновенный (не кровавый), которым страдали 90-95 % пассажиров. в последнюю ночь перед Ульяновском, когда у него обнаружился кровавый понос и поднялась температура, он стал быстро слабеть, да теперь это и понятно: организм ослабленный, вымотавший его понос в дороге, быстро слабел и не в состоянии был бороться с болезнью. в последние три дня он почти ничего не ел, хотя

в Ульяновске я достал на рынке (там всё можно купить) рис, яйца, творог, сметану, простоквашу, но ничего этого он уже не мог есть, и что можно (сухари, например, сахар и т. д.) прятал под подушку, надеясь поправиться и потом поесть. Последние сутки Гелий не говорил и не узнавал меня. Я попросил врача сделать ему инъекцию физиологического раствора, но ни физиологический раствор, ни бактериофаг, ни другие средства не помогли — в ночь с 10 на 11 июля его не стало. Он очень худым выехал из Ленинграда, дизентерия высушила его окончательно, и после смерти Гелий представлял из себя скелет, обтянутый кожей. Похоронил я его на городском кладбище, место выбрал заметное, под деревцем. Более подробно расскажу, если придётся свидеться. Я ждал вас в Ульяновске, около двух месяцев, не устраиваясь на работу и не выезжая, с тем, чтобы показать могилу Гели и сообща решить, где остаться, в Ульяновске или в район (в Колюзы) выехать. Но долее ожидать я не могу, и в начале сентября выехал в Клявлинский район Куйбышевской области (это почти на середине между Ульяновском и Уфою в 300 км с небольшим от Ульяновска).

Я не понимаю, почему ты с Инной до сих пор не выехала из Ленинграда. Ведь на вторую зиму мебели не хватит отапливать комнату. Или настолько улучшилось снабжение Ленинграда, что ты решилась остаться. Если же ты решила выехать, как сообщала в одной из телеграмм: «эвакуируюсь по получении подробного письма», то надо выезжать немедленно, так как условия осенне-зимнего переезда во много раз тяжелее летних условий. Уже начинаются дожди, дороги становятся грязными и переезд на лошадях не из приятных удовольствий.

Кроме того, меня беспокоит и другой вопрос: я оправился от цинги, приобретённой в Ленинграде, и в любое время меня могут призвать в РККА, а я хотел до этого устроить вас. Тех носильных вещей, которые я взял с собой. Хватило бы, чтобы обеспечить вас продуктами на полгода или более, а мне их всё равно здесь не у кого оставить.

Ты пишешь в телеграмме, что писем нет, но однако о смерти Гели ты узнала от Михаила Фёдоровича из письма, в котором я сообщал ему об этом. в письмах тебе я подробно описывал…

Колхоз «Дружба», Сходневского Усовета,
Клявлинского района, Куйбышевской области, 25 ноября 1942 г.
Дорогие Мария и Инна.

Вчера вечером получил одновременно (в одном пакете из Райзо) ваши три письма от 25.09, 27.10 и 07.11. с этими письмами все мои ожидания и надежды рухнули. До получения писем я ежеминутно, днём и ночью, не терял надежды и ждал — либо телеграммы о выезде, либо самих, учитывая, что иногда отправитель приезжает ранее, чем отправленная им

теблеграмма. Скрип проезжающей ночью телеги заставлял меня бросаться к окну, ожидая, не остановится ли у дома? не услышу ли знакомые голоса? Нет!

Проходили томительные дни и ночи, много передумал за это время, много всяких предположений приходило в голову, но надежды не терял, что не сегодня-завтра увижу своих дорогих и родных, ставших ещё дороже среди чужих и незнакомых мне людей. Я ждал вас около двух месяцев в Ульяновске, никуда не поступая на работу, надеясь вопрос этот разрешить и обсудить сообща, ждал и тосковал здесь, в Клявлино, порученная работа валится из рук: тоска и ожидание не дают сосредоточиться на работе, все мои мысли и желания там с вами, здесь же скоро будет пять месяцев, а я чувствую себя на положении пассажира, ожидающего при пересадке на станции, под открытым небом, поезда, чтобы следовать далее — к цели.

Теперь цель настолько удалилась, что не остаётся никакой надежды на будущее. До весны нечего вас ждать, а за зиму много воды уйдёт и в вашей, и в моей жизни. у тебя хоть есть с кем поделиться и горем, и радостью, я же одинок, и некому поведать своего горя, своей тоски.

Немного более месяца я жил в одном колхозе среди мордвы, месяц уже в другом, среди чувашей, татар и русских. у них свои интересы и заботы, которые нам, городским жителям, кажутся мелочными и подчас смешными, и наоборот, им непонятны мои переживания.

Ты спрашиваешь меня — не виновата ли ты, что отпустила Гелю из Ленинграда? и не раскаивался ли он сам в этом? Наоборот, он крепко надеялся, выехав из Ленинграда, что теперь он спасён, и эта надежда (я думаю) придавала его слабому организму силы, и тем самым он вселял в меня уверенность, что он спасён. Я теперь сам терзаюсь и раскаиваюсь, что не высадился с ним раньше — в Ярославле или Горьком, но до Казани он чувствовал себя бодрым, хотя и был понос, и, как я теперь думаю, эту бодрость и силы ему придавала твёрдая уверенность, что он спасён. и только по выезду из Казани он стал быстро слабеть, видимо, болезнь и слабость побороли уверенность, и тогда я твёрдо решил высадиться на ближайшей станции, которой оказался город Ульяновск.

В больнице в первый день он снова почувствовал себя лучше, радостно сообщил мне, что чувствует себя хорошо, попросил, чтобы его из общей палаты перевели в коридор, к окну, выходящему в сад, и собирался рисовать. Но на второй день силы быстро стали его покидать, стал жаловаться, что язык распух и ему тяжело говорить, с каждым часом стал говорить всё невнятнее и невнятнее, а на третий день уже совершенно нельзя понять, что он хочет сказать. Хотя и понимал, о чём он спрашивает: так, например, спрашиваю, не хочешь ли попить, глазами и едва заметным кивком головы отвечает утвердительно, но уже более одной-двух чайных ложек сладкой водички не мог принять. к концу третьего дня его не стало.

На рынке из продуктов можно было достать всё что угодно, но уже ничем нельзя было спасти. Всё, что я приносил из разрешённого ему (яйца, творог, сухари, рисовый отвар), он уже

не мог есть, и сухари, например, складывал под подушку!!! надеясь съесть это потом, значит сам он надежды поправиться не терял до самой последней минуты.

Ты раскаиваешься, что отпустила его из Ленинграда, я раскаиваюсь и терзаюсь, что не высадился с ним ранее Ульяновска, всё это теперь, когда его не стало, и потому, что мы (вообще — не только мы с тобой) «умные задним умом», или «если бы знать, где упасть — соломы бы постелил». Тяжело. Теперь, думается, надо бы поступить иначе (хотя, может быть, этот конец и неизбежен), но всё, что ты и я предпринимали, всё это для его спасения и лучших мер в то время…

«Был страх им неведом…»

Рассказ Ольги Николаевны Семиковой (урожденной Морозовой Ольги Викторовны) о своём отце — Викторе Фёдоровиче Морозове

«Был страх им неведом». Под таким заголовком в рубрике «Вечный огонь» в газете «Советская Россия» 11 сентября 1980 года был опубликован рассказ старшего научного сотрудника Волгоградского государственного музея обороны И. Логинова.

Эту статью первым из нашей семьи прочёл мой отец, Морозов Виктор Фёдорович, по привычке перелистывая утреннюю почту, а вечером я увидела его очень взволнованным.

Отец родился 1 января 1914 года в с. Сижне Сланцевского района Ленинградской области. в ноябре 1932 года он добровольцем ушёл в Красную армию. Службу начал в 101 артиллерийском полку красноармейцем в учебном дивизионе. в сентябре 1933 года его направили учиться во 2-ю Ленинградскую артиллерийскую школу (ЛАШ). Прошёл обучение по полному курсу академии и в октябре 1936 года был направлен в артиллерийский полк на Дальний Восток, где и служил до марта 1942 года. 12 июля 1942 года в должности командира дивизиона его направили на Западный фронт под Сталинград. Он прибыл туда 10 августа 1942 года. Те страшные бои под Сталинградом между Доном и Волгой закончились для него ранением, тяжёлой контузией и в результате — унизительным пленом.

Передавая мне в руки газету, дрогнувшим голосом он сказал: «Дожил! Немецкий генерал героем назвал, а свои…» в этой фразе было столько боли, что, только зная его жизненный путь, можно понять, что он испытал, когда прочёл в 1980 году правду об этих боях, в которых принял личное участие.

А в статье было следующее. Один из авторов статьи, И. Логинов, сотрудник Волгоградского музея обороны, натолкнулся на необычный материал о боях в двух степных балках Антоновой и Коренной вблизи Дона на левом берегу, в треугольнике между хуторами Вертячий, Котлубань, Малая Россошка.

И. Логинов пишет, что несколько лет назад стало известно, что в этих балках в 1942 году долгое время дрались в окружении наши бойцы. Было это уже после того как немцы форсировали Дон, захватили левобережье и вышли к Сталинграду. Нашёлся и свидетель. Свидетель неожиданный: бывший командир немецкого танкового корпуса, наступавшего в этих местах на Сталинград, генерал М. Латтман, впоследствии активный участник антигитлеровского движения офицеров вермахта. Латтман спустя много лет после войны посетил музей обороны в Волгограде. в беседе с научным сотрудником музея он сказал, что в августе 42-го слышал от офицеров своего штаба сообщение, которое потрясло его: какая-то

группа советских солдат, совершенно отрезанная от своих, отвергала все предложения сдаться и оказывала упорное сопротивление, скрываясь в глубоких балках. Но подробностей М. Латтман не знал.

Подробности оказались в мемуарах гитлеровского генерала Ф. Меллентина, изданных в ФРГ. Генерал Меллентин и после войны остался в числе тех офицеров вермахта, которых не заподозришь в симпатиях к нашей стране. Что же заставило даже его написать через много лет в книге «Танковые сражения 1939–45 годов» следующее: «…21 августа 1942 года 16-я танковая дивизия и 3-я моторизованная дивизия 14-го танкового корпуса наступали на Дону, стремясь выйти к Волге севернее Сталинграда. Однако в полосе 3-й моторизованной дивизии находилась одна высота и одна балка, где русские доставляли немало неприятностей немецким войскам в течение нескольких недель. Все наши попытки подавить сопротивление русских в балке оставались тщетными. Балку бомбили пикирующие бомбардировщики, обстреливала артиллерия. Мы посылали в атаку всё новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжёлыми потерями — настолько прочно русские зарылись в землю. Мы предположили, что у них примерно 400 человек… Русские были полностью отрезаны от внешнего мира. Балка мешала нам, словно бельмо на глазу, но нечего было и думать о том, чтобы заставить противника сдаться под угрозой голодной смерти. Мы были поражены. Почти четыре недели эти люди питались травой и листьями, утоляя жажду ничтожным количеством воды из вырытой ими в земле глубокой ямы. Однако они не только не умерли с голоду, но ещё и вели ожесточённые бои до самого конца…»

Автор статьи «Был страх им неведом» задаёт вопрос: «Кто были эти герои? Что кроется за неизвестной страницей войны? После долгих ещё не оконченных поисков документов в военном архиве Министерством обороны вырисовывается наиболее вероятная история, которой ещё предстоит занять своё место в летописи войны».

Отец ответил на призыв автора статьи откликнуться кого-нибудь из бойцов того страшного сражения в балке.

«В редакцию газеты «Советская Россия».

Высылаю для опубликования в вашей газете мой отклик на статью Дроботова В. и Логинова И., озаглавленную «Был страх им неведом», помещенную в газете от 11 сентября 1980 года.

В. Ф. Морозов, участник Великой Отечественной войны.

С большим вниманием и волнением прочитал я в газете «Советская Россия» статью, в которой рассказывается о мужестве воинов, защищавших подступы к Сталинграду.

Проявления мужества и отваги в описываемое в статье время на указанном в ней участке фронта были не единичными. в одной из балок и на одной из высот в районе хуторов Вертячий и Малые Россошки воевал находившийся под моим командованием

второй дивизион 1050 артполка 87 стрелковой дивизии 62 армии. Этот артполк, включавший в себя два артдивизиона — первый и второй, был сформирован весной 1942 года в г. Спасске в Приморском крае под командованием полковника Фролова. Состав полка, в основном — сибиряки и дальневосточники. в начале июля 1942 года второй артдивизион, включавший в себя три батареи
<по 476мм орудий в каждом...>, около 500 человек личного состава и около 500 лошадей (артиллерия была на конной тяге) погрузился в железнодорожные вагоны, и наш эшелон отбыл по направлению к Сталинграду. в конце июля мы выгрузились на одной из железнодорожных станций, не доезжая Сталинграда и прибыли на сборный пункт полка. Первого артдивизиона на сборном пункте не оказалось. Видимо, ему пришлось выгрузиться раньше нас, в пути. и это помешало ему вовремя прибыть на сборный пункт. От командира полка я получил приказ занять боевые порядки для поддержки одного из полков дивизии. Бои с немцами оказались очень тяжёлыми. Они продвигались к Сталинграду, и вскоре наш дивизион оказался в окружении немецких частей. Противник попытался нас уничтожить, предпринимая одну атаку за другой. Но он натолкнулся на сильнейший отпор с нашей стороны. в упорных ожесточённых боях мы понесли большие потери. в течение августа была разбита материальная часть, был выведен из строя конский состав, иссякло продовольствие, около 200 бойцов было убито и ранено. Выполняя приказ командования «Ни шагу назад», мы очутились в тылу у немцев. не отступили, а непрестанно маневрировали, нанося им удары и меняя боевые порядки, преимущественно в ночное время, когда авиация противника не могла следить за нашими передвижениями. Маневрируя, мы заняли высоту и балку в районе хуторов Вертячий и Малые Россошки, на высоте расположив остатки штаба полка и взвод управления дивизиона. Всего около 30 человек с личным оружием. в балке разместилось 250–300 человек, с легким оружием (винтовки, автоматы, ручные пулемёты), в том числе, около 50 человек раненых, которые не были обеспечены должной медицинской помощью и медикаментами. Боеприпасы для лёгкого оружия были на исходе. Питание людей шло за счёт НЗ *(неприкосновенного запаса)*, который иссякал. Связь между высотой и балкой осуществлялась при помощи связных, в основном в ночное время. Немцы непрерывно предпринимали атаки с целью выжить нас из этих мест, но наталкивались на наше упорное сопротивление. Мы были у них «бельмом в глазу», так как сковывали немецкие силы, рвавшиеся к Сталинграду. По соседству с нашей балкой, на расстоянии, примерно, километра от неё, находилась другая балка, в которой нашёл себе пристанище штаб крупного соединения немецкой армии. о том, что это штаб крупного соединения можно было судить хотя бы потому количеству и сечению кабеля, который отходил от этой балки и который мы систематически вырубали на значительном протяжении. Мы были очень неприятным соседом для этого штаба, и он неоднократно направлял свои

подразделения для нашего уничтожения. Но мы стойко держались и изрядно отравляли жизнь штабным фрицам. Поэтому не удивительно, что они нас запомнили на всю жизнь, о чём свидетельствуют их мемуары.

29 августа наша высота была атакована крупными силами пехоты и танков, и взята. Я был контужен, и дальнейшая судьба оставшихся в балке мне не известна. Очень хотелось бы, чтобы нашёлся кто-нибудь из воевавших в балке и продолжил мои воспоминания.

В.Ф. Морозов, участник Великой Отечественной войны»

Виктора Фёдоровича не стало через полгода после опубликования этой статьи. Его дочь, Ольга Николаевна Семикова (урождённая Ольга Викторовна Морозова) хранит то немногое, что осталось в память об отце: копию письма в газету, саму газету со статьёй, фотокарточку, пожелтевшее с годами удостоверение к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», открытку «С днём Победы!» – «Участнику Великой Отечественной войны Советского Союза!» и дневник-отчёт о каждом дне, прожитом в плену у немцев… Воспоминаниями о его трагической судьбе Ольга Николаевна поделилась с нами.

В этой истории много горечи, много того, о чём стараются не вспоминать в торжественные дни Победы. Мы долго думали, имеем ли право рассказывать историю семьи, в которой так много боли, любви и горя, и делаем это с разрешения Ольги Николаевны в память о Викторе Фёдоровиче Морозове.

Мама Ольги, Елена Семёновна, рано вышла замуж за Виктора Фёдоровича. Он был красив, подтянут, серьёзен, и они очень любили друг друга. Вскоре у семьи Морозовых появилась дочка. Но три любящих сердца разлучила война. Елена Семёновна с дочерью были эвакуированы на Урал. в 1944 году Елена Семёновна получила сначала повестку о том, что её муж погиб, а после пришла и вторая повестка — «Пропал без вести». Елена Семёновна решается ехать в Приморский край, чтобы ждать окончания войны и встретиться с мужем там, где война разлучила. Но остаться в части, рядом с неспокойной русско-японской границей было опасно, поэтому командир части буквально силком посадил Елену с дочкой на поезд. а следующей ночью весь гарнизон был уничтожен японцами (вырезали всех, в том числе и детей).

Багажный вагон с вещами пассажиров поезда, в котором возвращались Елена с маленькой Ольгой, обокрали (Ольга Николаевна вспоминает, как украли всё, даже фотографии, и в сундуке лежал только один детский чулок). Возвращаться было некуда и не к кому. в полном отчаянии, без крова и вещей, Елена Семёновна поступила на службу в военную часть п. Давлеканово (близ г. Уфы).

В 1945 году Елена Семёновна вышла замуж за Николая Васильевича Семикова, который давно помогал ей, поддерживал, ухаживал за ней. «Не дождалась мужа с войны». Кто может судить её? Кто знает, что было на сердце у молодой женщины, которая «не дождалась…»?

Виктор Фёдорович вернулся с войны после нескольких лет плена. Он дважды бежал, перенес много боли и страданий в плену. После побегов фашисты к нему относились особенно сурово: наказывали строжайшим карцером, травили собаками, и с клеймом «склонен к побегам» больше к работам не привлекали, а под этим предлогом содержали в тюрьмах до самой границы Германии. Но он выжил и вернулся.

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг."

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
Старший Лейтенант
Морозов
Виктор Федорович
УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 9 мая 1945 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ
„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг."
От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль вручена
16 февраля 1946 г.
должность, воинское звание и подпись лица,
М. П. Подполковник
вручившего медаль

Удостоверение к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Надо ли говорить, как относилась страна-победительница к своим солдатам, побывавшим в плену? Это было клеймо, перечёркивающее все заслуги. Негласно он считался врагом народа. Человек, оказавшийся в плену у немцев, не мог ни получить образование, ни устроиться на хорошую работу. Многие после немецкого плена оказывались в советских лагерях.

У человека, так преданно защищавшего Родину, готового отдать жизнь, но выполнить приказ «Ни шагу назад!», выжившего в плену, война отняла всё: семью, друзей, здоровье. Страна, за которую миллионы отдавали жизнь, отплатила презрением тем, кого даже враги называли героями.

Его часто вызывали на допросы, заставляли писать клевету на коллег, давать ложные показания, на него кричали и потом приказали написать отчёт о каждом дне, проведённом у немцев.

Он стремился выжить ради жены и дочки, но возвращение на Родину стало горем. Чтобы не испортить судьбу Ольги фамилией отца, бывшего в плену, не спросив её согласия, Ольге Николаевне изменили фамилию и отчество по отчиму. с Николаем Васильевичем у неё были очень хорошие отношения.

Сохранилось письмо, в котором Виктор Фёдорович отвечает Николаю Васильевичу, с горечью и болью между строк, что даёт согласие на удочерение Ольги, так как сам ничего не может дать своей семье, не имея ни работы, ни жилья, что не может разбивать семью, в которой недавно родился второй ребёнок.

Оба мужчины оказались очень достойными людьми, оба переживали и понимали друг друга. Николай тоже был готов уйти, чтобы «вернуть» семью Виктору — но у Виктора Фёдоровича не было возможности позаботиться о жене и дочке. Решили ничего не менять. По воспоминаниям близких, оба горько плакали. Елена Семёновна также горевала о своём первом супруге и пронесла эту сердечную боль до конца своих дней. Виктор Фёдорович оказывал поддержку семье Семиковых и всячески помогал дочери.

На заводе Виктор Фёдорович встретил свою вторую жену. Но детей у них не было, и любовь к первой семье не прошла. Он поддерживал отношения с дочерью, они часто общались.

Ольга Николаевна вспоминает своего отца со слезами на глазах… Мы бы хотели закончить рассказ о нём её словами:

Каким был Виктор Фёдорович? Он был мужественным; любил, надеялся, верил, не сдавался. Он был смелым — трижды бежал из плена. Он выжил и вернулся! Он был сильным человеком, пожертвовал семьёй ради других, не менее близких и родных… Он никогда не жаловался, хотя столько лет страдал, терпел нужду и презрение. Он был честным, терпеливым. Настоящий герой! Он и для нас стал героем. Важно ведь не только то, как человек проявил себя на поле войны, но и то каким он был после войны! а он был настоящим мужчиной, уважаемым хорошими людьми человеком! Мы очень хотим, чтобы о нём узнали. Ведь сейчас стёрлись понятия чести, патриотизма, мужества, силы, любви…
Давайте помнить Героев!

Светлые эпизоды блокады Ленинграда

Алексей Федорович Локтев

Алексей Фёдорович Локтев — научный сотрудник Института гематологии и трансфузиологии, прихожанин Никольского собора. Ребёнком он был в блокадном Ленинграде. Его воспоминания — это короткие рассказы о «верою живущих» ленинградцах в блокадном городе, о том, какие светлые чудеса являл Господь в это тяжёлое время. об этом же и рассказ М. И. Зелькович, который передал нам Алексей Фёдорович

Зинаида Дмитриевна Васильева

Одарённейший человек. До революции поступила в Троицкую общину сестёр милосердия Санкт-Петербурга, окончила с отличием курсы при общине и работала в ней до её закрытия.

Когда организовался Институт переливания крови в том же здании, где размещалась Троицкая община, она поступила туда на должность старшей сестры всего института. Позднее была секретарём главного врача. Это был человек редкого обаяния. Прекрасно знала русскую и зарубежную литературу, обладала художественным вкусом, писала прекрасные стихи, любила музыку, особенно вокальную. Лицо её светилось чистотой и светлостью, душа её хранила заветы Господни.

Именно от Зинаиды Дмитриевны я знаю дивный эпизод её блокадной жизни. Ей надо было пойти за водой к Неве. Жила она на углу Английского проспекта и улицы Декабристов, довольно близко к набережной Невы; здоровому человеку понадобилось бы не более семи минут ходьбы от этого дома до набережной, но истощенному человеку такой путь кажется далёким. не доходя до Невы она почувствовала, что силы её оставляют. в это мгновение из уличного репродуктора полился голос Надежды Андреевны Обуховой — голос, который так любила Зинаида Дмитриевна. Она почувствовала удивительную бодрость, набрала в бидончики воды, довольно быстро дошла до дома, согрелась кипяточком и тут же написала письмо Надежде Андреевне со словами благодарности за возвращение к жизни.

По-разному Господь даёт знать о своей заботе о нас. Зинаида Дмитриевна получила ответное письмо от Надежды Андреевны, и до кончины нашей великой певицы они вели постоянную переписку и радовались своему дружескому общению.

Любовь, дарованная нам Богом, всегда побеждает смерть.

Эсфирь Соломоновна Каган

Эсфирь Соломоновна была врачом донорского отдела Института переливания крови. Всю блокаду она провела в стенах института. у этого человека была удивительно чуткая душа, которая сразу отзывалась на любую беду другого. и вот случай, о котором хочется рассказать.

Среди друзей Эсфири Соломоновны была Генриетта Моисеевна, они жили недалеко друг от друга. Эсфирь Соломоновна — на 4-й Советской, а Генриетта Моисеевна — на улице Марата.

В один из декабрьских дней 1941 года Эсфирь Соломоновна почувствовала, что в доме Генриетты Моисеевны происходит что-то неладное. в тёмное вечернее время Эсфирь Соломоновна приходит к ней и узнаёт, что по ложному доносу только что арестован муж Генриетты Моисеевны, а сама Генриетта Моисеевна из-за сильного стресса не может найти хлебные карточки (позднее они так и не нашлись).

Эсфирь Соломоновна сразу предлагает свой выход из трудного положения и говорит: «У вас висит персидский ковёр. Говорят, есть люди, которые за дорогие вещи дают хлеб. Вам сейчас не до того, чтобы искать таких людей. Давайте, отвезем ковёр на санках ко мне, и я сама этим займусь».

Между тем на уме у Эсфири Соломоновны был совсем другой вариант выхода из положения. и состоял он вот в чём. Раненые бойцы, лежавшие в ленинградских госпиталях, нуждались в переливаниях крови. Заведующая донорским отделом института переливания крови обратилась к Жданову, главе парторганизации блокадного Ленинграда, с просьбой выделить дополнительный паёк для доноров, сдающих кровь в госпиталях. Жданов выделил повышенный паёк донорам. Эсфирь Соломоновна несколько раз сдавала свою кровь, получала паёк и приносила его Генриетте Моисеевне, а чтобы они с сыном не узнали, какой ценой достаётся им хлеб, Эсфирь Соломоновна и придумала «ковровый» вариант.

После войны Генриетта Моисеевна написала Эсфири Соломоновне письмо и вместе с ответным письмом получила извещение о посылке, в которой оказался тот самый персидский ковёр. Я видел его в Ташкенте в квартире Генриетты Моисеевны.

Друзья познаются в беде. Сами слова «друг» и «другой» одного корня. Если думаешь не о себе, а о другом, то тогда и будешь другом. в этом состоит христианское самоотречение.

В блокадные дни Эсфирь Соломоновна ходила под обстрелом на семинары по стихосложению в Педагогический институт имени Герцена. Их вёл профессор Мануйлов (это были вечерние, свободные от работы часы). Привожу здесь одно из многочисленных стихотворений Эсфири Соломоновны, посвящённых нашему городу:

В неизъяснимом, радостном волненье
По городу чудесному брожу
И каждый раз всё с новым восхищеньем
Я новую в нём прелесть нахожу.

Тех страшных дней свежо воспоминанье,
Когда сквозь голод, холод, мрак и тьму

Мы стойко пронесли свои страданья,
Но город свой не отдали врагу.

Прошли года суровых испытаний,
Стоит, как прежде, город на Неве
И после перенесенных страданий
Ещё милей, ещё дороже мне.

Вот почему всегда с таким волненьем
По своему я городу хожу
И каждый раз всё с большим наслажденьем
Особую в нём прелесть нахожу.

Да, город мой, без лести и обмана
Я говорю: люблю, люблю тебя,
Люблю Неву, твои дворцы, соборы
И строгое величье площадей,

Люблю твоих ансамблей в стройном хоре,
Мосты, решетки, Клодтовских коней,
Люблю Кваренги, Росси колоннады
И золотые шпили в небесах…

Мне дорог каждый камень Ленинграда,
Листочек каждый в парках и садах.

Варвара Ивановна Кучерова

Когда я поступил в аспирантуру Института гематологии и трансфузиологии, мне по моей специальности понадобилось знание французского языка. (В школе и институте я занимался немецким). Мой друг, Елизавета Христофоровна, преподававшая мне английский, посоветовала обратиться к большому знатоку европейских языков Варваре Ивановне Кучеровой.

Когда я пришёл в дом Варвары Ивановны во дворе Института железнодорожного транспорта, в начале Московского проспекта, то удивился обилию картин и этюдов. Оказалось, муж и свёкор Варвары Ивановны, учёные-химики, очень любили живопись и сами писали картины. Свёкор до революции заведовал кафедрой химии в Лесотехнической академии, а муж — кафедрой химии в Путейском институте, где и находилась их квартира.

Варвара Ивановна дворянского происхождения, до революции окончила Николаевский институт благородных девиц (сейчас — Педагогический университет им. Герцена).

Во время блокады Варвара Ивановна ходила за водой на Фонтанку. в один из таких походов к ней подошел молодой флотский офицер и неожиданно спросил, не преподаёт ли она иностранные языки. Она ответила утвердительно, и он обратился к ней с просьбой преподавать немецкий язык офицерскому составу военного корабля, находившегося за Калинкиным мостом.

Варвара Ивановна согласилась и под обстрелом ходила от своего дома по набережной Фонтанки до корабля. Она преподавала офицерам немецкий язык и по их просьбе знакомила с русским и зарубежным искусством, которое хорошо знала. и всё это в дни, когда в любую минуту осколок бомбы мог оборвать жизнь человека.

Офицеры делились с Варварой Ивановной своим пайком, а та приносила его домой, где жила и её сестра.

Как отрадно, что в военное время, в тяжелейшие дни, флотским офицерам был послан человек, который, к обоюдной радости близких по духу людей, принес им тишину мирного времени.

Мария Александровна и Николай Иванович Цухановы

По Божьей милости я познакомился с Николаем Ивановичем Цухановым — удивительно светлым человеком, прошедшим ГУЛАГ, штрафной батальон, и вышедшим оттуда в таком светлом состоянии, какое трудно описать словами. Он был прихожанином Преображенского собора, где исполнял обязанности председателя ревизионной комиссии. Его дед был Главным судьёй Российской империи и глубоко верующим человеком. Он всегда говорил: «Как трудно быть судьёй! Ведь Господь завещал: не судите, да не судимы будете». в своей практике он крайне редко выносил смертные приговоры.

Жили Николай Иванович и его жена Мария Александровна **на** улице Пестеля в доме под номером 13/15. Парадный вход был с улицы, а окна их комнаты выходили во двор, в конце которого располагался флигель. в один из блокадных дней дворовый флигель загорелся от зажигательной бомбы. Мария Александровна взяла из киота потемневшую икону Божьей Матери «Неопалимая купина» и троекратно перекрестила этой иконой горящее здание. Огонь стал уменьшаться, а потом и вовсе погас. Через несколько дней икона высветлилась.

Николай Иванович во время блокады был в действующей армии в составе штрафного батальона, куда он попал из Ухтинского лагеря. Он был арестован в 1922 году за активное участие в Троицкой общине Александро-Невской Лавры и вначале был заключён в Соловецкий лагерь, откуда был переведён в Ухтинский лагерь. Начальник этого лагеря, удивительный человек, узнав, что Николай Иванович до революции учился в Политехническом институте, предложил ему быть бухгалтером лагеря, а в помощь ему выделил всех заключённых священников. Перед Пасхой начальник лагеря предупредил Николая Ивановича, что уезжает на сутки и предоставляет свой дом в его распоряжение. Разумеется, священники отслужили там пасхальную заутреню и литургию. По Божьей милости было и такое. Слава Богу!

Александра Павловна
(свечница Троицкого собора Александро-Невской Лавры)

Господь подарил мне многолетнюю дружбу с этим смиреннейшим человеком, в жизни которого происходило много чудесного.

Александра Павловна беседовала со старцем Варнавой из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, о. Иоанном Крестьянкиным, но исключительное чудо произошло с ней во время ленинградской блокады. До изложения сути происшествия замечу, что Александра Павловна — человек правдивый и духовно трезвый, её свидетельству можно доверять.

Александре Павловне с двумя сыновьями предстояло эвакуироваться из блокадного Ленинграда одним из железнодорожных эшелонов. в положенное время она пришла на платформу. Народу было много, и когда подали состав, толпа хлынула к вагонам. Ей с вещами не удалось быстро пробраться к своему вагону, и когда она к нему подошла, впереди ещё были люди. Вдруг состав тронулся, хотя и медленно. Александра Павловна оцепенела: вот сейчас поезд уйдёт, и что ей делать дальше? в эту минуту она вдруг вспомнила совет, данный ей старцем Варнавой: «Если окажешься в бедственном состоянии, только воскликни: старец Варнава, помоги!». Она и воскликнула этими словами. Дальше она ничего не помнит, но когда очнулась, увидела, что стоит вместе с детьми и поклажей в тамбуре поезда, идущего в нужном ей направлении.

Дивны дела Твои, Господи!

Рассказ отца Гермогена

Этот рассказ я услышал от отца Гермогена в 70-е годы прошлого столетия, когда часто посещал Успенский Пюхтицкий женский монастырь, где он был тогда духовником.

Одна из духовных дочерей о. Гермогена жила в Ленинграде во время блокады и рассказала ему приведённый ниже случай.

Женщина сидела в расслаблении у себя в комнате. Услышав стук в дверь, она поднялась со стула, подошла к двери и впустила соседа по лестничной площадке. Тот обратился с просьбой дать ему что-нибудь поесть. Она ответила, что у неё ничего нет. Тогда он попросил её платье, висевшее на спинке стула: «Дай мне его ради Христа. Может быть, я выменяю его на кусочек хлеба». Она отдала ему платье. Через некоторое время женщина увидела через окно, что сосед несёт бутылку водки. Она очень огорчилась и от огорчения погрузилась в забытье. и видит она идущего к ней Господа, одетого в её платье. «Что же ты огорчаешься, — говорит Он ей. — Видишь, Я принял твой дар».

Федосья Васильевна Локтева

Это моя мама, и она рассказала мне совершенно пронзительный случай.

В блокадные дни мама шла по Невскому проспекту и увидела небольшую колонну пленных немцев. Они выглядели такими же истощёнными, как ленинградцы. Один из них особенно изнемогал от слабости. Питерская старушка, протиснувшись между конвоирами, протянула ему кусочек хлеба.

Воистину, сострадательная любовь побеждает зло.

Об этом случае рассказала в одной из телевизионных передач известная телеведущая «тётя Валя». Многие годы она вела детские передачи, а затем посвятила себя розыску людей, потерявших близких во время войны. Скольким людям она помогла встретиться с родными и близкими!

Несколько слов о маме. Всю блокаду она работала на фабрике головных уборов. Зимой рабочие шили шапки для бойцов, а летом – фуражки. в начале блокады те же рабочие рыли окопы, работали на лесоповале в той части Карельского перешейка, что была недалеко от города. Фабрика располагалась внутри Гостиного двора. Рабочие были на казарменном положении, и это спасло маме жизнь.

Однажды, подойдя к нашему дому, она увидела, что квартира разрушена снарядом. Отец мой работал на той же фабрике, что и мама. в первый же день войны он пришел в кавалерийский полк, поскольку в гражданскую войну был кавалеристом. Он погиб уже в сентябре 1941 года при бомбардировке Старого Петергофа, где квартировал его полк. Сестру эвакуировали в Ярославскую область, где жили её родственники, а меня 21 июня 1941 года вывезли на пригородном поезде на каникулы в поселок Будогощь, что в тридцати километрах от реки Волхов. Там проходил Волховский фронт, поэтому я знаю, что такое бомбежки и оккупация, что такое встреча с нашими бойцами после ухода немцев из Будогощи, как выглядят тяжёлое ранение и смерть, сколько стойкости у людей, и как мы любим Родину.

Слава Богу за всё!

Слава Богу за всё!

Слава Богу за скорбь и за радость!

Она подарила им жизнь

М. И. Зелькович

Говорят, что в дни лишений и испытаний человек становится жёстче и сосредотачивается на собственном выживании. Однако бывает, что изменение человека в этих условиях происходит как раз в обратную сторону — в сторону самоотречения. Именно это произошло с моей близкой родственницей во время блокады Ленинграда.

Моя тётя, сестра моей матери, во время блокады жила одна. Человек она была довольно независимый и жёсткий; мысль об усыновлении или удочерении детей никогда её не посещала. Жила она на углу улиц Маяковского и Некрасова. Между тем в другой части города, у Сенной площади, в незнакомой ей ленинградской семье происходили трагические, хотя и обычные для блокады события. в самую тяжёлую из блокадных зим, 29 января 1942 года, в этой семье умерла мать троих детей. Её старший сын находился на фронте, а пятнадцатилетняя девочка и десятилетний мальчик остались без матери. Вместе с отцом они повезли мать в морг больницы, где вынуждены были оставить и отца, которого больше уже не видели живым.

Когда осиротевшие дети вернулись домой, их встретила нетопленая комната с разбитыми окнами и замерзшей водой в тазу, где мать замочила белье. Когда девочка пошла отоваривать хлебные карточки, у неё их выманили обманом и украли. Практически дети были обречены на голодную смерть, и жить им оставалось от силы четыре дня.

Спустя два дня сотрудник покойного отца, не увидев того на работе, встревожился и решил навестить его. Придя к нему в дом, он узнал о случившемся. в тот же день он случайно для людей, но не случайно для Бога, встретил на улице свою знакомую, которой и была моя тётя. Описав драму этой семьи, он попросил у тети разрешения, чтобы дети пришли к ней в гости. Та согласилась.

До сегодняшнего дня остается загадкой, как двое обессиленных голодом детей преодолели пешком (ведь транспорт не ходил) приличное расстояние от Сенной площади до улицы Маяковского. Видно, ангелы помогали им, и они дошли. Тётя накормила детей жмыхом, который во время блокады считался большим лакомством. После первого визита были ещё многие. и в один из них наступила минута, когда дети встали перед тётей на колени, умоляя взять их навсегда.

Никто, кроме Господа, не знает, когда и почему сердце человека размягчается, и человек становится таким, каким он никогда не был, каким ни он сам, ни окружающие его не знали. Именно такой переворот произошел с моей тётей. Она взяла к себе детей, вызвала врача. Девочку понадобилось срочно госпитализировать в связи с истощением. Когда её подлечили и подкормили в больнице им. Раухфуса, тётя приняла решение эвакуироваться с детьми из блокадного города, чтобы спасти им жизнь. Надо отметить, что до встречи с детьми тётя категорически отказывалась куда-либо выезжать из Ленинграда.

Ей стало известно, что мальчик обладает редкими музыкальными способностями и уже пять лет учится музыке в школе при Ленинградской консерватории. Тётя решила во что бы то ни стало продолжить его музыкальное образование, что и было исполнено в эвакуации.

За ночь тётя собрала вещи, в том числе швейную машину, благодаря которой удалось в эвакуации зарабатывать на жизнь себе и детям. Весной 1942 года она выехала с детьми в Ташкент. Этот город она выбрала потому, что туда была эвакуирована Ленинградская консерватория.

В Ташкенте мальчик поступил в консерваторию, а девочка — на геологический факультет Ташкентского университета. Дети получили высшее образование. Мальчик стал выдающимся скрипачом. за плечами у него многочисленные гастроли по России и зарубежным странам в составе Заслуженного коллектива Ленинградской филармонии, где он прослужил несколько десятилетий. Сейчас он живет в Санкт-Петербурге и выступает в оркестре. Его старшая сестра живет в Канаде, она геолог. Там ей удалось не только поработать по специальности, но и найти золотую жилу во время одной из геологических экспедиций. Это событие освещалось там научной прессой. Сейчас она воспитывает внуков.

Надо ли упоминать о том, что я выросла рядом с приёмными детьми тёти, и они стали для меня самыми настоящими братом и сестрой. в дружбе и родстве с ними я и моя семья прожили и всю войну, и всю жизнь.

Тётя, воспитав детей и дав им образование, с удвоенной энергией принялась за воспитание внука, которому, по всеобщему мнению, отдала всю любовь, на какую только оказалась способна.

Рассказы Елены Фердинандовны Андерегг

Когда наша книга уже готовилась к печати, нам переедали два рассказа артистки театра и кино Елены Фердинандовны Андерегг (1920–2008), героини и автора сценария документального фильма «8 сентября. Начало блокадного ада».

Милиционер

Была новогодняя ночь. Шёл 1942 год. Я торопилась домой после окончания работы. Дома меня ждали голодная бабушка и две голодные соседки, жившие за стенкой. Совсем одинокие, старые и беспомощные. Они ждали меня за своей дверью. Каждый раз я приносила им два блюдца, чтобы они не ссорились, и клала туда по две ложки еды, которую мне давали на работе. Я работала киномехаником во дворце Кшесинской.

По дороге домой я должна была перейти Троицкий мост. Это было довольно трудно, поскольку мост покрывал толстый слой снега. Когда я перешла мост, у памятника Суворову меня окликнул милиционер: «Эй, девочка, что ты несёшь? Покажи!»

Я открыла сумку от противогаза, в которой несла две баночки с едой, и запах еды на морозном воздухе ударил в ноздри. Милиционер смотрел, не отрываясь, на баночки, и вдруг я увидела, что по его лицу текут слёзы. Он весь сморщился, поднял руки и закричал: «Ну, иди уж, иди скорей!» Потом отвернулся и пошёл прочь.

Я вдруг поняла, что он голоден. Сделала несколько шагов за ним, чтобы дать ему немного еды, но его уже нигде не было. Я стояла и плакала, мне было очень жаль этого молодого милиционера, но дома меня ждали бабушка и две одинокие старухи.

Кошки

Это было, когда уже кончилась война — в 1945 году. Я вышла во двор, пошла через чёрный ход — так быстрее. Я увидела странную картину. У помойки сидело несколько замученных кошек, перед ними была разложена еда, но они её не ели, а в центре на коленях стояла женщина с поднятыми вверх руками. Она обращалась попеременно то к Богу, то к кошкам. Она говорила:

— Господи, прости меня, грешную, я ведь убивица. Я их убивала, кормила своих детей, дети остались живы. А вот на мне какой грех. Прости меня, Господи, и вы меня простите!

Она поклонилась, не удержалась, и упала лицом и руками в еду. На какое-то время она потеряла сознание. Кошки стали смелее, начали есть. А когда съели, то стали облизывать её лицо, руки, голову. Одна забралась даже ей на спину и стала мурлыкать. Женщина очнулась и заплакала.

— Значит, вы меня простили! Господи, спасибо Тебе!

Князь-Владимирский собор

Иван Дмитриевич Ильин

Была ветреная погода, а лицо сёк мелкий и колючий снег. Я так замерз, что на обратном пути, прежде чем переходить Тучков мост, зашёл в Князь-Владимирский собор отдохнуть и погреться. Ну, погреться особо не удалось. Был воскресный день, но утренняя служба уже кончилась. В соборе было холодно и темновато от пасмурной погоды и замёрзших окон. На окнах намёрз толстый слой инея. Вблизи алтаря, перед иконами, ещё стояло человек тридцать молящихся людей. Но откуда-то всё же слабо несло тёплым воздухом. Очевидно, у священников где-то в алтаре топилась буржуйка.

У Казанской иконы Божией Матери горела лампадка и несколько свечей. Я присел на скамейку рядом с неподвижной старушкой, которая сидела напротив иконы с закрытыми глазами и опустив голову. В одной руке у старушки была свечка, а другая была сложена щепотью, для крестного знамения. Варежки старушки валялись у её ног. Я поднял варежки и положил их старушке на колени. При этом, нечаянно коснулся её совсем холодных рук. Мне показалось,

что несчастная старушка уснула уже навсегда. Рядом женщина в чёрном облачении собирала огарки свечей от Казанской иконы. Я спросил у неё, кому сказать про то, что на скамеечке рядом со мной давно сидит мёртвая старушка. «А вон пойди в дьяконовы двери. Там сейчас после службы отдыхает наш батюшка отец Николай. Ему и скажи, что тут бабушка преставилась, Богу душу отдала». Я ещё немного посидел рядом с мёртвой старушкой, а потом пошёл в алтарь через левую дьяконовую дверь. У Казанской иконы Божией Матери в полумраке, освещаемом только лампадками от икон и одной свечкой, стоял стол, а на столе попыхивал небольшой круглый самовар. Справа сидел священник в облачении, а слева диакон. Поверх облачения на плечах у них были накинуты военные ватники. Я перекрестился на иконы и попросил у священника благословения. Около самовара стояло блюдце, на котором лежали аккуратно отрезанная блокадная пайка хлеба и очень маленькая белая просвирка с вырезанным треугольничком.

— Садись, отрок, — сказал священник, налил мне кружку кипятка, добавил в него из заварного чайник какого-то травяного настоя и молча пододвинул ко мне блюдце с пайкой хлеба и просвиркой.

Я погрел пальцы об горячую кружку, а потом достал из кармана тетрадный листок в косую линейку, развернул и положил на пайку хлеба кусочек сахара. Откуда-то из дальнего правого угла слабо тянуло теплом. Очевидно, у священников там была буржуйка, но труб не было видно.

— Откуда сахар? – спросил меня священник

— С фронта, — ответил я и рассказал, что разношу пакетики с офицерскими НЗ их семьям.

Когда я рассказал о том, как лежат под открытой форточкой умершие от голода жена и дочка нашего комбата, то диакон записал на бумажке их имена, чтобы помянуть новопреставленных Марию и Татиану. Чтобы помянуть за здравие записал также меня, маму, брата Владимира и отчима Якова. Я сказал, что напротив Казанской иконы Божией Матери, наверное, уже давно сидит мёртвая старушка. Диакон обещал пойти проверить и прибрать. Мы прихлёбывали горячий кипяток с травяным настоем, а блюдечко с пайкой хлеба, просвиркой и кусочком сахара стояло посреди стола нетронутым.

— Возьми просвирку для мамы и брата, — сказал мне на прощанье священник. Я поблагодарил и завернул просвирку в тот же тетрадный листок в косую линейку.

Я перекрестился на иконы, и меня выпустили из алтаря через боковые двери, а блюдце с нетронутой пайкой хлеба и кусочком сахара так и осталось стоять на столе рядом с горячим самоваром.

Пока я был в храме, ветер стих, и переходить Тучков мост мне было уже не очень холодно, тем более после горячего травяного чая из церковного самовара.

Наш командир так и не узнал о смерти своей семьи, так как через три дня после того как меня отправили из части, он сам погиб от прямого попадания под минометным обстрелом. Пропала, конечно, и его планшетка с моим представлением к боевой медали «За отвагу».

«В тяжёлые времена нет полутонов…»
Фридель (Елизавета) Давидовна Литвин

Фрида Литвин, 1940 год

Мои родители родом из Белоруссии. Дед Борис Черчес, мамин отец, заготавливал и продавал лес. у него было шестеро детей. Когда пришла советская власть и началась коллективизация, он, умный человек, понял, что это всерьёз и надолго, и не дожидаясь, когда к нему придут, добровольно отдал в колхоз землю, скот, значительную часть дома под амбулаторию, оставив себе только две комнаты и кухню, благо к этому времени дети уже разъехались, и сам пошёл работать в колхоз бухгалтером. Бабушка пыталась возражать, но он сказал: «Это надолго». Такие действия и большой авторитет, которым он пользовался, по-видимому, и спасли его от репрессий.

У второго деда, папиного отца, Литвина Исайи была большая семья: шестнадцать детей от двух браков. Он был купцом первой гильдии, имел большой дом, а при советской власти отсидел какое-то время. Мой отец, Давид Исаевич Литвин, был старшим из детей от второго брака. Когда пришла советская власть, ему было лет 17, а его отцу — за 70, и забота о младших легла на плечи Давида. в 18 лет папу мобилизовали в отряд по борьбе с бандитизмом. Один раз он попал к бандитам, его продержали в банде несколько дней, но потом отпустили, предупредив, чтобы он прекратил работу в отряде. Но так как он не ушел из отряда, то спустя какое-то время их дом ночью подожгли. Выскочили в чём были. Потом старшие дети деда с помощью местных жителей построили новый, более скромный дом. а папа уехал в Ленинград и постепенно перевёз сюда всех братьев и сестёр. Когда мама вышла за него замуж, он был седой, он поседел в 18 лет.

Летом 1941 года мы с мамой должны были, как обычно, поехать отдыхать к бабушке в Белоруссию, но в связи с болезнью папы наш отъезд задержался, затем началась война, и в первые же дни папу призвали в войска ПВО (противовоздушной обороны), а потом он попал на Ленинградский фронт.

Мама сначала не торопилась эвакуироваться, а потом можно было отправить в эвакуацию только меня одну, но этого она не хотела делать, и мы остались в Ленинграде.

В начале ноября 41-го мама заболела скарлатиной, и чтобы она не заразила меня, её срочно забрали в больницу. Но оказалось, что первой заболела я, просто у неё признаки болезни проявились раньше. Мне было тогда шесть лет. и вот мама в больнице, папа в ПВО, а я дома. Начальство отнеслось к папе сочувственно, и его вечерами отпускали домой, а весь день

я была одна. Правда, у меня появился приятель, который помогал мне переживать одиночество. Это был маленький мышонок. Мы с ним разговаривали, и мне казалось, что он всё понимает.

Мы жили на Невском проспекте, в доме № 88. Газ отключили сразу, паровое отопление, естественно, не работало, электричества тоже не было, так что у нас даже стакан чая было не вскипятить. а папина сестра жила на Роменской улице, у неё было печное отопление и плита на кухне. Чтобы что-то сварить, папа под обстрелами шёл на Роменскую, варил кашу, закутывал и приносил мне, чтобы я поела. Температура этой каши не на много отличалась, я думаю, от температуры на улице. Все, что было теплого в доме, — было на моей постели.

А я «выдала» всё что можно: скарлатина перешла в воспаление лёгких (естественно, ведь было холодно), а потом в ангину. у моего папы был друг — детский врач. Он пришёл, осмотрел меня и сказал: «Она не будет жить, так что приготовься к тому, что ты потеряешь ребёнка». Кстати, это был второй раз, когда меня приговорили. в первый раз это случилось в трёхнедельном возрасте. Мама не знала, что у неё пропало молоко. Ребёнок (я) сначала кричал, потом перестал — ослаб. Врач, которого пригласили родители, сказал, что ребёнок не жилец. Но, к счастью, на одной лестничной площадке с маминой двоюродной сестрой жила заведующая женской консультацией, Анна Вениаминовна. Она осмотрела маму и говорит: «Ну, и что вы хотите? Какой у вас должен быть ребёнок, если ей нечего есть? у вас же нет молока». Вот так она меня спасла.

А в этот раз, во время блокады, я, действительно, была такая слабенькая, что сама не могла переворачиваться — папа меня переворачивал. Сил брать было неоткуда, но он старался весь паёк, который получал, отдавать мне. Поэтому когда мама вышла из больницы, папа свалился от дистрофии. Но поскольку он был на военной службе, его забрали в госпиталь, а оттуда отправили на Ленинградский фронт, на знаменитый Невский пятачок. Но он уцелел. Папа прошёл всю войну и вернулся уже после заключения мира с Японией, то есть после окончания Второй мировой войны.

в тяжелую зиму 1941–1942 года голодал не только Ленинград, голодал и фронт. Но потом, после прорыва блокады, стало немного легче, а после снятия блокады папа приехал в короткий отпуск и — это я помню хорошо — привёз консервы и большу-у-ю буханку хлеба. и тут маме впервые изменила её сила воли, она отреза́ла хлеб тонюсенькими ломтиками и ела, и не могла оторваться от хлеба. Папа забрал от неё хлеб, так как было очень опасно есть много после такого голода. Папа прошёл войну и вернулся живым… двое его братьев тоже вернулись живыми, один из них был шофёром на Ладоге, на знаменитой Дороге жизни. а мамин брат погиб.

Когда мама вышла из больницы, а папа попал в госпиталь, она первым делом поставила печку. за неё пришлось заплатить хлебом: он был тогда дороже денег. Но другого выхода у нас не было. Печник оказался действительно мастером «золотые руки». Железная буржуйка стояла посреди комнаты, от неё шла длинная труба, и печка здорово держала тепло. Если с вечера

протопишь, то всю ночь и даже утром она тёплая. и «ела» она мало топлива, что тоже было очень ценно. на дрова подбиралось всё, что могло гореть, а потом помогло то, что маму, как одну из молодых, направили работать в столярные мастерские, там сотрудникам давали отходы для печки. а до того она работала в мастерских по ремонту одежды для фронтовиков, эта мастерская была создана на базе швейной мастерской Кировского театра; была на лесозаготовке, оттуда она однажды приволокла такое бревно, что потом всю свою жизнь не могла понять, как ей удалось его притащить.

Когда я всё-таки оправилась от болезни, начался второй этап: появилась отёчность, я стала толстой. Мама боялась выпускать меня на улицу. Потому что… об этом не говорят, но людоедство было, и она боялась, что на меня могут обратить внимание эти «люди»… Потом постепенно отёчность спала.

Мы с мамой старались быть вместе, насколько возможно. в детский сад, потом в школу, на работу, конечно, ходили отдельно, а после школы я бежала к ней в строительную контору на Фонтанку и сидела там до окончания рабочего дня, и домой мы возвращались вместе. Первое время мы ходили в бомбоубежище. Кстати, там я и подхватила свою скарлатину. Когда я поправилась, мы уже никуда не ходили. Помню, что во время обстрела, если мы обе были дома, мы ложились с ней вместе на кровать, и она меня крепко-крепко прижимала к себе. с одной целью. Если что, так чтобы обе. Чтобы ребёнок не остался один. Это я хорошо запомнила, что если погибнуть, то обеим.

А бомбили частенько, потому что наш задний двор выходил на Мариинскую больницу — тогда больницу им. Куйбышева — там был госпиталь. Целились-то туда, а попадало и нам. Летали «зажигалки», но с ними можно было справиться. Конечно, стёкол в окнах не было, но дом остался цел.

Идя на работу, мама обычно переходила Невский проспект сразу напротив нашего дома и шла по нечетной стороне улицы, т. к. ей там надо сворачивать на набережную Фонтанки. а однажды она вышла, ступила с тротуара на дорогу, сделала шага два и, как она рассказывала, что-то заставило её вернуться обратно на нашу сторону улицы. и только она прошла несколько шагов, как на середину проспекта упал снаряд. Это был бы её снаряд, если бы она не вернулась. Тогда говорили, судьба. Сейчас, конечно, понятно, что Божий промысел. Да и вообще то, что мы выжили — это Божий промысел и мамин сильный характер, большая сила воли.

в чём это заключалось: мы получали паёк, который выкупался на несколько дней, она его распределяла строго на все дни и *ни-ко-гда* не залезала в другой день. Это было очень трудно: удержаться, чтобы не взять, видя голодные глаза ребенка. и я знала, что просить есть нельзя: что получил, тем и будь доволен, больше тебе не положено. Правда, у нас однажды украли карточки, но, но на наше счастье, это уже был конец месяца, последние несколько дней. Если б это случилось в начале или середине месяца, мы бы не выжили. и что ещё важно: я получала детскую, а мама рабочую карточки, мы были на высоком пайке.

Конечно, мы продали всё, что только можно было продать: часы, золотые вещи, кое-что из одежды, посуду, и патефонные пластинки тоже продавали. Когда маме иногда удавалось в общей массе продать и несколько еврейских пластинок, она очень радовалась.

Покупали это люди, которые были при продуктах. Мама в той же булочной, где отоваривала карточки, обменяла у продавщицы часы на хлеб, причём та умудрилась недодать то, что обещала. а когда стали появляться военные с фронта, можно было что-то продать им, и это был самый хороший вариант, потому что они платили сполна.

К сожалению, была категория людей, которая обогатилась. Очень ценные вещи шли за буханку хлеба. Много лет спустя после войны, в 70-е годы, я работала в профтехучилище. во время урока коснулись блокады, я стала рассказывать, какие были условия жизни, как трудились на заводах голодные сверстники моих учеников, выполняя и перевыполняя нормы, и вдруг один парень сказал: «Всё это ерунда, у меня дедушка был в Ленинграде во время блокады, он сказал, что голодали только те, кто не хотел работать, остальные не голодали». Я ответила: «Я не знаю, кем твой дедушка работал. Да, если он работал в продуктовом магазине, или в столовой, или получал спецпаек, то он не знал, что такое голод». Я была готова разреветься от боли и обиды, готова была ударить этого парня. Срывающимся голосом я извинилась и вышла из класса. Стоя в коридоре, я услышала, как ребята возмущались тем, что он сказал, буквально набросились на него. и поверили они всё-таки мне. Вот так дедушка вырастил внука, который считает, что всё тут было хорошо. Был и самый настоящий патриотизм, была и настоящая подлость. Бывало, что люди входили в квартиру к умершим и подчищали всё, что можно. и вместе с тем были отряды молодежи, голодной, еле держащийся на ногах, которые ходили по квартирам, чтобы выявить одиноких людей и помочь им.

В таких тяжёлых условиях нет серого цвета, нет полутонов, а есть резкое разделение на чёрное и белое. Люди были либо действительно очень добрыми, хорошими, готовыми пожертвовать всем, либо это были просто подлецы.

Мама рассказывала, что в 42-м году в Смольном устраивался какой-то банкет, и уборщицу с маминой работы пригласили туда на обслуживание. Все так радовались за неё, что она сама поест, а может, и с собой что-нибудь дадут. на следующий она пришла с глазами полными слёз: её даже не покормили, а ведь чего только не было на столах. Мы не понимали, как это могло быть. и вообще, какой банкет, когда люди голодали? Когда мы говорим о войне, то рассказываем не обо всём, но такое тоже было. Но было и так, что люди голодали, но сохраняли сортовые семена, думая о будущем — это была настоящая самоотверженность, настоящий подвиг.

За водой мама сначала ходила на Неву, а это очень далеко от нашего дома, удавалось довезти только треть того, что набирала. Брать воду из Фонтанки она не решалась: туда шли сбросы (хотя канализация не работала, но какие-то остатки могли быть). Поэтому, когда

началась зима, просто брали снег на заднем дворе, растапливали, грязь оседала. Мы пользовались этой водой, пили и не заболели.

Ужасной напастью были крысы. Большие, наглые, они спокойно гуляли по всем этажам и квартирам. Пока человек двигался, они не нападали. Но когда не было сил пошевельнуться, то уже всё… загрызали. Большое дело, что по квартирам ходили бригады из молодежи, смотрели, кто ещё жив. Кого-то удавалось спасти.

Летом было полегче, не надо было думать о дровах, можно было крапиву пособирать, чтобы что-то из неё приготовить. Землю под огороды дали только в 1944 году — раньше её и давать было негде, немцы стояли близко, в той же Ульянке. Какие тут огороды! Аэродром был в Сосновке, куда мы сейчас ходим гулять. Наш огород был в районе проспекта Ветеранов. Выезжали туда на целый день, с утра до вечера, и там я видела солнечное затмение: было как-то не по себе и в тоже время очень интересно.

Несмотря на такие тяжёлые годы, зиму 1942/43 года и весну 43-го я ходила в детский сад на углу Невского пр. и ул. Маяковского. Группа была небольшая, не больше десяти детей на весь садик. Насколько самоотверженно работали люди! Нашу воспитательницу звали Ниной, отчество я забыла. Как она с нами занималась! До сих пор помню спектакль, который она с нами ставила:

…Серый волк в густом лесу

Встретил рыжую лису.

— Лизавета, здравствуй!

— Как дела, зубастый?..

Я играла Лису, воспитательница из дома принесла чернобурку и сделала мне хвост. Много лет спустя я разыгрывала эту сценку со своей дочкой. в детском садике нас кормили. и я думаю, что те, кто кормил, от детей ничего не тащил. Это были настоящие люди. Мама очень не хотела в 1943 году отдавать меня в школу. за садик она была спокойна: детей мало, она знала, что всё хорошо. Правда, конечно, в основном мы проводили время в бомбоубежище, но тем не менее, там было хорошо, там кормили…

Но в 1943 году мне исполнилось 8 лет, я должна была идти в школу. Школ было мало, но наша работала. Это была школа № 216 на углу наб. Фонтанки и Пролетарского пер. (теперь, кажется, ул. Марии Ульяновой). в этом доме до революции размещался приют для сирот из военных семей. Здание очень красивое, с мраморными лестницами, зеркалами, просторными светлыми классами. Правда, в классах в 1943 году мы были очень мало, занимались в основном в бомбоубежище. Тетрадей, книг не было, писали на любой бумаге, на которой только можно было писать. с осени 1943 года, несмотря на то, что работали считанные школы, началось раздельное обучение, мальчики и девочки учились в разных школах. в нашей школе в 43-м году был один первый класс, в 44-м два вторых, и в 45-м три третьих класса. Уже в 1944 году люди стали возвращаться из эвакуации.

Позднее это здание отдали под первую в городе английскую школу, а нам построили новую школу №216 на Пролетарском переулке.

После смерти соседки в нашу квартиру переселили из разбомблённого дома журналиста Григория Закса с женой. Он был довольно известным журналистом, очень эрудированным человеком. Всё было ничего, но когда Иосиф Виссарионович выпустил книгу «Вопросы языкознания», он не удержался и написал статью, в которой по полочкам разложил эту работу Иосифа Виссарионовича, указав на плагиат: многое было взято у академика Марра. Он понимал, чем это грозит, но журналистская совесть не дала промолчать.

От ареста его, очевидно, спасло только то, что к этому времени он потерял обе ноги выше колена из-за обморожения в командировке на фронт. Но с работы его выгнали сразу, это естественно. Жили они очень тяжело, даже после войны. во время войны жена работала, он получал иждивенческие карточки, коллеги-журналисты тоже помогали товарищу. а после войны он так и не нашёл работу.

Я проводила с ним много времени, под его контролем делала уроки, потому что мама была на работе. Наши комнаты были когда-то смежными, между ними была плохо заделанная дверь, поэтому переговариваться можно было спокойно. Делаю уроки и кричу, если что не получается: «Дядя Гриша, не делится!». Он мне даже подписал свою фотографию: «На память Фридочке от дяди Гриши, который не делится».

У нас часто бывала мамина приятельница — её муж погиб на фронте и она осталась одна. Она вспоминала, как отмечали мой день рождения в конце февраля 1943 года. у мамы была небольшая кастрюлька, и она сварила в ней кашу на всех нас троих. Полную кастрюлю каши! (То, что в этой каше ничего не было, это само собой). Тётя Аня рассказывала, что она меня спросила: «Ты сыта?» — а я только плечами пожала и ничего не ответила. Что была за каша, я не помню. Наверное, это было что-то трудно определяемое, но то, что она уже была в таком количестве, это было нечто необыкновенное. Кастрюлька эта у меня до сих пор хранится.

Во время войны работал Городской дворец пионеров. Работали кружки, детская летняя площадка (дневной лагерь), на которой дети проводили весь день. с нами занимались, кормили завтраком, обедом и ужином, а вечером родители их забирали. Это было так здорово, что мы забывали про войну.

Когда после прорыва блокады в город стали поступать продукты, директор умудрился однажды угостить нас даже пирожными. не знаю, в чём после войны его обвинили, но он проходил по Ленинградскому делу и был расстрелян. Я знаю только, что все, кто в те тяжёлые годы работал с ним, очень тепло отзывался о нём. Я дважды была на летней площадке, да и всё моё детство прошло во Дворце пионеров.

После войны я много болела: туберкулез, потом было что-то странное с ногами, я месяца три пролежала, не могла ходить. Тогда мне поставили диагноз ревматизм,

а впоследствии врачи говорили, этого не могло быть, ревматизм отразился бы на сердце. Последствия той болезни у меня и потом проявлялись.

Группа зарубежных учёных — американцы, немцы, — занимаются изучением людей, которые пережили блокаду, были в лагерях. Как раз в то время, когда у нас возмущались, что блокадникам дают много льгот, они сделали заключение, что пережившие такие тяжёлые условия, — конечно, больные люди, а те изменения в организме, которые они получили, будут передаваться ещё три поколения. Значит, я чем-то наградила свою дочь и своих внучек. Но, что интересно, моя мама, прошедшая блокаду, прожила 96 лет. Многим из тех, кто прошёл лагеря, сейчас крепко за 90. в моём доме этажом ниже живёт женщина, которой уже 102 года. Она тоже блокадница. с ней очень приятно поговорить. Детей у неё нет, она одинокая. Две её племянницы — одна живёт в США, другая в Израиле, просят, чтобы она жила у них. Три года назад (ей было под сто лет) она летала в Штаты. Когда она оформляла визу, консул посмотрел паспорт, увидел возраст и спросил: «А вам не тяжело будет? Как вы перенесёте такую дорогу?» а она говорит: «Я блокадница, я всё перенесу» — «Так вы ещё и блокадница?» и он сделал скидку на половину стоимости визы.

Несмотря на эти тяжёлые годы, остаётся светлое воспоминание о людях того времени. Хороших людей во время блокады, и во время войны, и после неё было очень много. Люди с большой теплотой относились друг к другу. Это сейчас уходит. Уже в глубоко послевоенные годы в Ленинград приезжала немецкая делегация. Мы тогда в разговоре сказали им, что у них люди эгоистичные, закрытые, не помогают друг другу. а они ответили: «Подождите, начнёте жить лучше, у всех будут отдельные квартиры, и у вас уже не будет этой теплоты, которая есть сейчас, когда вы живёте в коммунальных квартирах». в общем, так оно и есть, сейчас разобщённости очень много. и сейчас даже получается, что у них уже больше теплоты друг к другу, чем у нас, о человеке больше заботятся. Может быть, и к нам это вернётся.

Однажды я услышала по радио рассказ. у одной старушки в деревне молодые девушки спросили: «Бабушка, ну как же так, вам уже так много лет, а вы такая жизнерадостная, бодрая, как вам это удаётся?» Она ответила: «А вот знаете, милые, я в своей жизни видела очень много всего, и хорошего, и плохого, но я всё хорошее откладываю у себя в сердце, а всё плохое отпускаю на воду». Эти слова запали мне в душу, и я старалась жить с ними, а потом, когда я воцерковилась, я поняла истинный смысл этих слов.

Воспоминания Марии Николаевны Фетинг
о войне и блокаде Ленинграда

Воскресенье 22 июня 1941 года было ярким и солнечным. Накануне ничто не предвещало начала войны, о которой объявил диктор по радио. в этот же день, услышав гул, выглянула в окно и увидела высоко в голубом небе два самолета, наш и фашистский!

До начала войны я работала секретарём в строительном управлении. Это был секретный объект — строительство метро. с началом войны всё строительство сворачивалось, сжигались чертежи, документы. Шахты строящегося метро были затоплены водой.

На производстве, где я работала, вскоре после начала войны нам объявили о срочных сборах и отъезде. Помню, сидим мы на работе в первые дни войны, а нам говорят: «Даём вам два часа на сборы, все должны выехать на строительство противотанковых рвов в восточном направлении». за два часа я не успевала съездить домой и переодеться, собрать вещи, поэтому поехала в чём была — в летнем платье (была жара) и туфлях на каблуках. Мы побежали на Невский, чтобы купить еды в дорогу, но в магазинах уже ничего не было. Нам достались только баранки.

Нас довезли на поезде до станции Батецкая, высадили и повели на место строительства рубежей. Тогда я ещё не понимала, что мне предстоит пройти 60 километров по лесу. Воды не было, когда мучила жажда, пили прямо из канав и болотистых лужиц.

По пути проходили мимо осиротевших деревень, которые опустели, потому что жители бросили свои дома и спрятались в лесах. Страшная картина: двери домов открыты, валяются детские игрушки, бродят животные.

Когда нас привели на место, то оказалось, что там не было никакого жилья. Ночевали под деревьями прямо на земле. в три смены копали лопатами противотанковые рвы.

Когда ночью вставали на смену, нас всех трясло от холода (я была в лёгком платье). Удивительно, но никто тогда не заболел.

Через какое-то время оказалось, что мы копали противотанковые траншеи не там, где нужно, и нам велели перейти на другое место. на новом месте стоял заброшенный сарай, и мы устроились в нём на ночлег. Ночью начался обстрел, нам сказали покинуть сарай и ползком прятаться в огородах, которые были вокруг. Трёх человек убило, многих ранило после первого же обстрела. Скоро стало нечего есть.

на этом месте мы пробыли две недели, затем нас перебросили в другое место, а через три недели повели обратной дорогой по лесу и в грузовых вагонах по узкоколейке повезли обратно в Ленинград. Проезжая мимо станции Батецкая, мы увидели, что её уже разбомбили.

В городе постоянно были бомбёжки, на глазах рушились дома, всё горело, падало, летели снаряды, гибли люди. Горели Бадаевские склады. 8 сентября 1941 года фашисты встали

кольцом вокруг Ленинграда, началась блокада. Самой страшной была зима 1941/42 года. Наступил голод.

Осенью 1941 года нас отправили в деревню Колбино Колтушского района, где я работала старшей табельщицей. в городе транспорта не было, в увольнение в Ленинград добиралась на попутках и пешком, чтобы повидать маленького сына. Хотя сама голодала, но старалась сэкономить от своего скудного пайка кусочек хлеба, немножко макарон, чтобы подкормить сына. Через весь город шла пешком. Пройти было трудно, так как тротуары и канавы были завалены огромными сугробами и мёрзлыми трупами людей. Мороз был –30 °С.

Этой же зимой нас перебросили в Токсово на оборонные работы. Кормили в столовой супом из гнилой пшеницы и селёдочных голов, давали маленький кусочек хлеба. Больше всего страдали эвакуированные: им совсем нечего было есть, так как у них не было карточек. Некоторые из них отрезали части у трупов людей, варили и ели. Эти люди быстро теряли человеческий облик, многие сходили с ума.

Моя сестра работала в детском саду, где находился мой сын. Однажды я получила от неё весточку о том, что она с дочкой эвакуируется, и я должна была срочно забрать своего шестилетнего сына. Меня отпустили с работы, хотя это было нарушением, но начальник был очень добрый человек.

Транспорт не ходил, и со станции Токсово в Ленинград я шла пешком по рельсам. Хорошо помню, как я встала рано утром, положила в заплечный мешок несколько макарошек, кусочек хлеба и пошла. Вокруг не было ни души, багровое зимнее солнце, тридцатиградусный мороз. Пути были все засыпаны снегом и трупами людей, которые шли в Ленинград — и замёрзли.

Теперь я понимаю, что Бог меня хранил и давал силы преодолевать огромные трудности. Первую остановку сделала, когда сошла с рельсов на Лесной проспект. Присела, развязала мешок, пососала кусочек хлеба и пошла дальше. По дороге я встретила женщину, которая падала от голода и просила помочь ей дойти до дома. Взяла её под руку и повела, но тащить её долго не смогла, так как сама выбилась из сил. Никто из прохожих не соглашался помочь, и мне пришлось оставить её. До сих пор мне тяжело вспоминать этот случай. Но иначе я сама не дошла бы до своего дома.

В этот вечер сестра уезжала, звала меня поехать с ней нелегально, но я наотрез отказалась. Она оставила мне свои валенки, которые мне очень помогли выжить в эту зиму.

Меня взяли на место сестры воспитателем в детском саду. До сих пор не могу забыть очень страшный пример человеческой слабости. Когда мой сын заболел, его положили в изолятор, в котором полагалось усиленное питание для больных детей. Когда я его навестила через несколько дней, я увидела, что он не стоит на ножках, очень ослаб. Я его спросила, что он кушал. Он ответил, что ему и другим детям в изоляторе доктор не разрешил давать еды. Я поняла, что всё это время больные дети в изоляторе ничего не ели, а их паёк съедала

медицинская сестра! Это было очень страшно, но я не стала говорить об этом, так как её могли уволить и она бы погибла.

Я забрала сына домой и стала выхаживать. в конце каждого месяца нам выдавали горсточку пшена. Я сварила ему кашку, и он встал на ножки, стал поправляться, хотя и был похож на маленького старичка. Старалась отдавать ему всё питательное (гущу от супа, кусочки хлеба). Стала сама пухнуть от голода, потом стала худая как щепка. Многие матери, которые приводили детей в детский сад, были похожи на старух. Несмотря на военное время, в детском саду соблюдался режим питания и отдыха.

Невзирая на голод и холод, воспитатели работали с детьми как в мирное время, проводили музыкальные занятия, учили детей петь, танцевать, устраивали праздничные концерты. Мы специально готовили детей для выступления в госпитале перед ранеными (он находился на проспекте Щорса рядом с детским садом).

Все матери оставляли детей в детском саду на сутки, и мы по ночам дежурили. До сих пор мне удивительно, как мы вдвоём с няней успевали во время ночной тревоги быстро поднять, одеть и отвести в бомбоубежище на соседнюю улицу 28–30 детей. за ночь иногда бывало две-три воздушных тревоги.

Мария Николаевна Фетинг с воспитанниками детского сада. 1945 год.

Чтобы укрепить детей, мы давали им настой из еловых иголок и рыбий жир.

Работники детского сада сами утепляли окна, двери, заготавливали дрова (ломали деревянные дома и возили доски на тележках). Летом 1942 года вывозили детей на дачу в Токсово.

Весной 1942 года вместе с жителями Ленинграда разбирали глыбы снега и льда, вывозили трупы. Многие женщины работали ломами и очищали улицы. Благодаря общим трудам жителей Ленинграда по очистке улиц, в городе не возникло ни одной эпидемии.

Летом 42-го года дали прибавку хлеба (хотя с деревом и соломой пополам), затем американцы стали присылать шоколад, тушёнку и другие продукты.

Запомнилось, как летом 42-го шла я по Кировскому (теперь Каменноостровскому) проспекту и увидела, что идёт трамвай. Я села в него и впервые за годы блокады поехала по городу. Было радостно. Я стояла и любовалась на великолепие памятников, дворцов, мостов моего любимого города в лучах заката и думала: «Такая красота, а людей совсем нет». Город был пуст — воистину музей под открытым небом. Меня всегда поддерживала любовь к красоте моего родного города. Может быть, ещё и поэтому я не уехала из него в дни блокады.

Летом 1942 года сотрудники детсада вывозили детей на дачу в Токсово. Сами утепляли, обивали двери, ремонтировали; чтобы заготовить дрова, ломали деревянные дома.

В январе 1942 года дом, в котором я жила, сгорел, и я осталась без своего имущества, в том, в чём была. Стала жить в детском саду на раскладушке. в 43-м году получила комнату на Петроградской стороне, много сил и времени тратила на то, чтобы добыть дрова. в доме было много крыс, окна — без стёкол, кромешная темнота. Было страшно.

Однажды при заготовке дров увидела пленного немца с чёрным от голода лицом, безумными глазами, в лохмотьях. Мне стало его очень жалко. Я поехала в город, выкупила вперед на день буханку хлеба по карточке и привезла ему. Когда я протянула ему хлеб, он прижал его к груди, а на лице его отразилось удивление и даже страх — он не мог поверить в свою удачу, спасение, в реальность этого щедрого и неожиданного дара. в этот момент я думала, что и наши военнопленные где-то также голодают. Может быть, мать или жена дома очень молились за этого человека, и Господь послал ему спасение от голодной смерти? не знаю, может быть, и так.

После прорыва блокады город стал очень быстро восстанавливаться, дома росли, как грибы, прямо на глазах. Трудно поверить, что всё это делали ослабленные голодом и болезнями женщины (мужчин почти не было), которые героически работали день и ночь. Благодаря энтузиазму ленинградцев очень быстро город был очищен и восстановлен в своём величии.

Воспоминание о Дне Победы наполняют душу невыразимой радостью и ликованием, несмотря на то, что прошло много лет. Радость была непередаваемая: незнакомые люди обнимались, целовались, дарили солдатам цветы, продукты. Вечером 9 мая 1945 года в городе прогремел салют Победы из 324 орудий, и все были счастливы, едины в радости и ликовании. и казалось, что так теперь будет в Ленинграде всегда…

Да, в годы блокады было очень тяжело и страшно, но Господь вёл меня, хранил, а в душе всегда была любовь и сострадание к людям. Возможно, именно это позволило не только выжить, но и остаться человеком. Думаю, что Бог вёл меня и сохранял, чтобы я смогла обрести веру и спасение в Православной церкви.

Я уверена, что сейчас в церкви очень много хорошей молодёжи, но важно, чтобы они никогда не забывали героические подвиги и страдания нашего поколения, сохранили уважение к тому, что нам пришлось пережить и как нам удалось остаться людьми.

Обращаюсь к молодым людям с духовным завещанием. Пусть в душе их теплится огонь любви к людям, уважение к страданиям и мучениям их предков, которые защищали Родину и родной город. Многие из них погибли, и молодые должны хранить память о погибших, заботиться о тех немногих участниках войны и блокады, которые остались.

Важно, чтобы каждый молодой человек открыл своё сердце для любви к людям, помнил о тех, кому плохо, кто страдает, и помогал им. Особенно это должно быть в общине православного храма — каждый должен чувствовать плечо рядом.

У вас, молодых, много сил. Откройте свои сердца для добрых дел и подражайте Богородице, поднимайте людей даже из «рова погибели».

УТЕШЕНИЕ

Наталья Сергеевна Жаркова (Валькова) о своих родителях

Алле. на День Победы

Она не знала девичьей поры,
Не наслаждалась песней соловьиной:
В шестнадцать лет она копала рвы
В единоборстве с холодом и глиной.

В январские бураны под Москвой,
Борясь со страхом из последней силы,
В семнадцать лет она с передовой
Ночами раненых из боя выносила.

А в восемнадцать лет на ней была палата
И страшные дежурства без конца,
И мысль, что вот она одна лишь виновата
В нежданной смерти каждого бойца.

Мы с нею встретились. Мы шли в строю едином.
Над нами свет и яркий блеск ракет.
И вдруг она без видимой причины
Заплакала. Впервые в двадцать лет.

И я держал ее за тоненькие руки,
Растерянный, не зная, что сказать,
И думал: «Милая! за страх, за боль разлуки
Смогу ли я тебе большое счастье дать?»

Сергей и Алла Вальковы

Это стихотворение мой папа, Сергей Иванович Вальков, посвятил моей маме, Вальковой Алле Александровне. Они встретились вскоре после окончания войны. в День Победы пошли гулять по улицам Ленинграда, и мама рассказала о том, что пришлось ей пережить. Так и появилось это стихотворение. Мне кажется, в этих строках многие женщины военной поры узнают свою судьбу.

Алла Валькова (слева) с матерью

Во время блокады бабушка моя работала в штабе военного округа, а мама оставалась дома: она не могла ходить в школу — от голода не было сил. Всё лежала, укрывшись одеялом, и уже не хотела есть. Детей эвакуировали через Ладожское озеро, но мама наотрез отказалась уехать из родного города и от своей семьи.

Когда бабушку послали на фронт медсестрой, она взяла дочь с собой. Обе потом вспоминали, как к эшелону из Ленинграда на всех станциях выбегали люди, отдавая последнюю еду голодным детям. и даже приносили в ведрах суп из голубей.

Фронтовой мишка

И началась для мамы взрослая военная жизнь. Но «кусочек» детства она взяла с собой — малюсенького плюшевого мишку. Он всю войну прошёл с ней, часто сидел в кармане гимнастерки, а сейчас продолжает жить в нашей семье. Всё, что пережила мама — в стихотворении. ни слова не прибавишь.

Алла Валькова среди раненых
(в центре 1-го ряда)

С папой они прожили вместе 33 года. Были людьми не церковными, хотя крещёными, и церковные традиции уважали. Меня крестили 1950 году, 60 лет назад, в Князь-Владимирском соборе. и я вернулась сюда 55 лет спустя.

Когда в 1981 году папа умирал, его брат, Кирилл Иванович Вальков, попросил прийти священника, протоиерея Иоанна Варламова (+19.08.08) из Александро-Невской Лавры, совершить таинство причастия. Вот тогда папа впервые исповедался. а после причастия отец Иоанн неожиданно обратился к маме, предлагая исповедаться и причаститься. Он понимал, что мама не читала канонов и не постилась, но заметил, как она истощена, ухаживая за тяжело больным мужем, и как будто предвидел, что через семь месяцев она отойдет ко Господу. и мама, обливаясь слезами, впервые за свою жизнь исповедалась. а потом причастилась.

Господь послал моим родителям в конце их жизненного пути утешение.

Воспоминания Ирины Владимировны Алексеевой (Бройд)

Ирина Владимировна на встрече ветеранов 30 января 2010 года

Детство Ирины Владимировны закончилось с началом войны. Она помнит, как ночью соседи будили друг друга и говорили о страшном горе для всей страны и всех народов…тогда ещё не знали, что эта война затянется на четыре года и унесёт жизни миллионов…

Мы жили на Васильевском острове, Малый проспект, д. 21, кв. 6. Папа, Бройд Владимир (Соломон) работал заведующим отделом. Мама, Татьяна Ивановна, не работала, по состоянию здоровья была дома, писала стихи, воспитывала двух дочерей. с нами жила бабушка (мамина мама). у папы был белый билет (он недавно сломал ногу, ещё сильно хромал), но через день после начала войны он добровольно ушёл на фронт и был писарем. Папа пропал без вести, погиб где-то под Ленинградом 9 августа 1941 года. Никаких вестей — где он похоронен, что с ним стало — мы так и не нашли. Он воевал всего неполных два месяца… Мама пошла работать в контролёром в ОТК (отдел технического контроля).

Помню, какой был страшный голод… Мама, и без того очень слабая, вскоре совсем перестала ходить. Я из школы приносила ей свой кусочек хлеба. Соседи уже сочувствовали мне, предвидя смерть мамы… а я вставала в 4 утра и ходила с подругой за травой на Смоленское кладбище (я хорошо знала, какая пригодна к еде). Ещё у нас были редкие часы, сделанные из кости обезьяны. Один мужчина, работавший на мясокомбинате, узнал о них и выменял на кусочек сухой бычьей крови. Эта кровь нас очень спасла: я каждый раз к свежей траве добавляла ложку крови, доводила до кипения, и этим бульоном питала маму. Она вскоре пошла на поправку. Так в свои 9 лет я стала совсем взрослой и самостоятельной. Мама не умерла.

Когда началась эвакуация, мы не сразу смогли уехать из города, так как у нас на руках умирала бабушка от голодного истощения. Старшая сестра была эвакуирована в Ташкент. Нас с мамой позже эвакуировали в Казань. Это было поздней осенью 1942 года, ещё не было льда, и мы плыли на барже.

Здоровье мамы сильно пошатнулось. Болели почки — во время голода приходилось есть студень из горчицы. Она год была на больничном. в Казани нам помогали соседи-татары.

Война закончилась. Ночью, как только узнали о конце войны, люди выходили на улицу и плакали от счастья, целовались и обнимались, даже не зная друг друга… было такое счастье — конец войны!

Мы вернулись в Ленинград. В нашу комнату уже заселили большую семью. Но по сохранившемуся эвакуационному удостоверению нас вселили обратно, а семье дали другую комнату.

Мы с мамой искали папу. Ждали и надеялись, что он вернётся. Мама так и не вышла больше замуж. Я стала сиротой в 17 лет.

Война забрала мою семью, моих родных…

Ирина Владимировна помнит наизусть очень много стихов и прекрасно их читает. На встрече ветеранов в Князь-Владимирском соборе она прочитала стихотворение Константина Симонова.

ДОМ ДРУЗЕЙ

Дом друзей, куда можно зайти безо всякого,
Где и с горя, и с радости ты ночевал,
Где всегда приютят и всегда одинаково,
Под шумок, чем найдут, угостят наповал.

Где тебе самому руку стиснут до хруста,
А подарок твой в угол засунут, как хлам;
Где бывает и густо, бывает и пусто,
Чего нет — того нет, а что есть — пополам.

Дом друзей, где удач твоих вовсе не ценят
И где счёт неудачам твоим не ведут;
Где, пока не изменишься сам, — не изменят,
Что бы ни было — бровью не поведут!

Где, пока не расскажешь, допросов не будет,
Но попросишь суда — прям, как штык, будет суд;
Где за дерзость — простят, а за трусость — засудят,
И того, чтобы нос задирал, не снесут!

Дом друзей! — в нем свои есть заботы, потери —
Он в войну и с вдовством, и с сиротством знаком,
Но в нём горю чужому открыты все двери,

А своё, молчаливое, — век под замком.

Сколько раз в твоей жизни при непогоде
Он тебя пригревал — этот дом, сколько раз
Он бывал на житейском большом переходе
Как энзэ — как неприкосновенный запас!

Дом друзей! Чем ему отплатить за щедроты?
Всей любовью своей или памятью, всей?
Или проще — чтоб не был в долгу у него ты,
Сделать собственный дом тоже домом друзей?

Я хотел посвятить это стихотворенье
Той семье, что сейчас у меня на устах,
Но боюсь — там рассердятся за посвященье,
А узнать себя — верно, узнают и так!
1954

Воспоминания Ларисы Васильевны Баркановой

…живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепелённые года…
А. Ахматова

Война… Прошло уже 65 лет со дня её окончания. Но до сих пор нет в нашей стране семьи, которую так или иначе не задела бы война.

Мне не было четырёх лет, когда она началась. Мои вспоминания скудны и отрывочны. Первые ощущения, что что-то случилось, потому что вокруг все стали говорить как-то тише. Потом пугающий вой сирены воздушной тревоги. Он снился мне почти двадцать лет.

Впервые страх я ощутила в сентябре 1941 года. Нас у родителей было восемь. Младшим сёстрам было одной два года, а другой 11 месяцев. Мама получала на них детское питание. за ним мы ходили в детскую больницу на Волковский проспект. в тот день с мамой была я. Мы уже возвращались и шли через Волковское кладбище, когда началось что-то страшное и непонятное. Воздушную тревогу не объявляли, но загремели разрывы. Это был первый артобстрел.

Я не помню, как ощущала и переносила голод, а после войны в семье не принято было говорить об этом. Ведь в братских могилах остались лежать отец, пять братьев и сестёр.

Их свидетельства о смерти я храню. Диагноз у всех один: дистрофия. Первым из жизни ушёл отец. Его 7 января 1942 года отпустили попрощаться с семьёй — он был на казарменном положении. Перед отправкой на фронт получил отпуск. Шёл с Петроградской стороны на Лиговский пр. не дошёл несколько метров до дома, упал. Его принесли мать с братом. Но помочь ему было нечем. в комнате было холодно, ничего горячего не было. к утру он умер.

А потом уходили из жизни один за другим браться и сёстры. к весне я тоже уже не ходила, кровоточили дёсны. Но в июне 1942 года часть завода, где работал старший брат (ему было 17 лет), эвакуировали в Подмосковье, в Раменское. Вместе с ним уехали мама, сестра и я.

В городе остались мамины сёстры. Одна из них погибла при обезвреживании бомбы 6 мая 1943 года, о чём свидетельствует письмо её командира.

Моё последнее воспоминание о блокаде — это переезд через Ладогу. Мы сидели на палубе. Над нами шёл воздушный бой. Мама закрывала меня своим телом. Мне было душно (я была закутана в зимнее одеяло) мама больно сжимала мою голову коленками. Бой я не видела, но запомнился радостный крик всех, кто был на палубе. а потом деревня Кобона, много-много бочек и горячий суп!

Господь продлил мою жизнь, на то Его святая воля. Упокой, Господи, души усопших раб Твоих!

Письмо командира отделения, в котором служила тётя Ларисы Васильевны.

18/VI-43 г.

г. Ленинград!

Здравствуйте, Ирина Дмитриевна. Письмо ваше получила 14/VI-43 г. Вы просите знать подробности о гибели вашей сестры, и как её одели? Погибла она не одна в этот злосчастный день, с ней погибло ещё 6 бойцов при работах на очаге поражения. Был как раз большой обстрел по городу, но вы знаете, что МПВО сформировано для охраны объектов р-на. и вот в этот день, дорогая Ирина Дмитриевна, она стала жертвой гитлеровского обстрела. Ей оторвало левую ногу и перебило обе руки. Правда жалко, что она умерла, но вот если бы она осталась жива, что было бы с ней? Одели её очень хорошо: в голубое моркизетовое платье, лежала в гробу как живая. Похоронили на Волковом кладбище в братскую могилу. Похороны были торжественные, высказывались, и на прощальной речи каждый поклялся ещё крепче мстить врагам за смерть погибших товарищей! Её сестре сообщила одна девушка с нашей роты, ибо Зина работала на 1-м ГЭСе с сестрой этой девушки, а теперь вместе живёт с ней за Волод[арским] мостом на огородах. Вот все подробности о гибели вашей сестры и о нашей подруге по службе. Ещё раз клянёмся, дорогая Ирина Дмитриевна, что будем врагам мстить и мстить, пока бьётся наше молодое сердце. на этом заканчиваю. Посылают вам привет девушки-сапёры.

Писала вашей сестры к-р отд.

Богданова В. В.

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

УНКВД по Лен. Обл.
Бюро АГС
Московского района
9 марта 1942 г.
г. Ленинград

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № 1515

Барканов
Геннадий Васильевич
умер (ла) 3 марта
тысяча девятьсот сорок второго года

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. 3 числа марта м-ца произведена соответствующая запись под №

Место смерти: город Л-д, край, сельсовет, область, район Мос.

Возраст и причина смерти 9 мес. дистрофия

9/III 1942 г.

Зав. Бюро ЗАГС — Делопроизводитель

Тип. Госфиниздата 6795

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

УНКВД по Лен. Обл.
Бюро АГС
Московского района
8 июня 1942 г.
г. Ленинград

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № 19805

Барканова
Людмила Васильевна
умер (ла) 3 апреля 1942
тысяча девятьсот сорок второй

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. 8 числа июня м-ца произведена соответствующая запись под №

Место смерти: город Л-д, сельсовет, область, район Московский

Возраст и причина смерти сердеч. слабость 2 г. 3 м.

8/III 1942 г.

Зав. Бюро ЗАГС — Делопроизводитель

Тип. Госфиниздата 6795

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

УНКВД по Лен. Обл.
Бюро АГС
Московского района
17 III 1942 г.
г. Ленинград

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти №

Барканов
Самуилъ Васильевич
умер (ла) 14 марта
тысяча девятьсот сорок второго

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. 17 числа III м-ца произведена соответствующая запись под №

Место смерти: город Л-д, сельсовет, край, область, район Моск.

Возраст и причина смерти 6 л. дистрофия III

Зав. Бюро ЗАГС — Делопроизводитель

Тип. Госфиниздата 6795

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

УНКВД по Лен. Обл.
Бюро АГС
Московского района
24 февраля 1942 г.
г. Ленинград

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти №

Барканов
Василий Васильевич
умер (ла) 6 февраля
тысяча девятьсот сорок второго года

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. 24 февраля м-ца произведена соответствующая запись под №

Место смерти: город Л-д, сельсовет, край, область, район Моск.

Возраст и причина смерти 14 мес. дистрофия III

24/III 1942 г.

Зав. Бюро ЗАГС — Делопроизводитель

Тип. Госфиниздата 6795

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

УНКВД по Лен. Обл.
Бюро АГС
Московского района
25 мая 1942 г.
г. Ленинград

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти №

Барканова
Светлана Васильевна
умер (ла) 11 мая 1942 г.
тысяча девятьсот сорок второго

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. 25 числа мая м-ца произведена соответствующая запись под №

Место смерти: город Л-д, сельсовет, область, район Московский

Возраст и причина смерти дистрофия II

25/III 1942 г.

Зав. Бюро ЗАГС — Делопроизводитель

Тип. Госфиниздата 6795

О Ленинграде, о блокаде и о себе
Елена Михайловна Шумилова (Коржикова)

Счастливое и безоблачное моё детство проходило в двух городах одинаково мне дорогих и любимых. Это Москва — город, где я родилась и где прошли мои ранние годы, город, который я считала Советским Союзом, и была уверена в этом. а другой город — это Ленинград, куда каждое лето меня возили к бабушке. Она жила в Красном Селе. Приезжали двоюродные сёстры Валя с мужем Николаем и Тамара, и тогда начиналась весёлая жизнь. Мы ходили купаться на озеро и в парк, где устраивались танцы, самодеятельные концерты и всякие игры. Жизнь была безоблачна и прекрасна.

Мне было года три или четыре, когда я начала заниматься немецким языком. в Москве существовали группы для маленьких детей, в которых обучали языкам детей от трёх до пяти лет. в группе, куда я ходила, были девочки и мальчики. Руководила группой пожилая женщина Галина Яковлевна. Она учила нас немецкому языку, лепке из пластилина и разным играм.

Лена Коржикова с папой до войны

Родители мои, Коржиков Михаил Тихонович и Рыкалина Агриппина Никитична, были образованными людьми. Папа был транспортником, мама окончила в Москве Энергетический институт имени Молотова (сейчас это, кажется, институт им. Баумана). Папа был начальником транспортного предприятия — судя по всему, немалым, потому что у него была личная служебная машина.

На зиму к нам в Москву приезжала бабушка. в основном она занималась мной и порядком в нашей 13-метровой комнате, которую я до сих пор помню: одно большое окно, выходящее на 1-ю Мещанскую (теперь это Проспект Мира), и номер дома — 5, и квартира — 10, и этаж — 4. у нас в квартире жил военный музыкант, виолончелист, и звали его Михаил Абрамович Калужский. Так вот, когда он играл, я сидела у себя в комнате, слушала, и не могла оторваться. Я через много лет снова встретилась с виолончелью: мой старший внук Андрей поступил в музыкальную школу в класс виолончели, пение которой я несу всю жизнь в сердце и в душе.

Но вернёмся на 1-ю Мещанскую. Комната маленькая, а народу много. Надо что-то делать. и родители занялись обменом в Ленинград. Видимо, это продолжалось долго. Но, наконец-то, вариант был найден, и началось оформление документов. Летом меня, как всегда, увезли в Ленинград к бабушке. Вскоре приехали родители. Приехали на похороны.

Когда я увидела мою бабулю, лежащую на столе, я испугалась и убежала. Села на ступеньки Летнего театра и долго плакала. Потом были поминки.

Мы стали жить в Ленинграде. Я пошла в группу при детском секторе ДК им. Кирова. Очень похоже на группу Галины Яковлевны, только дети постарше и занятия более серьёзные.

В ноябре 28-го числа 1940 года родилась моя младшая и единственная родная сестрёнка Вера, очень горластая и несговорчивая особа. Мало того, что она орала на всю квартиру, она ещё вытаскивала руки из пелёнки и царапала свои уши. Папа боялся с ней оставаться, не знал, как её успокоить. Когда мы с мамой возвращались, картина была ужасна: папа лежал на кровати с заткнутыми ушами, а рядом с ним Вера Михайловна с разодранными ушами, орущая диким голосом. и вот однажды с ней осталась я. Брать Веру на руки мне не разрешали, поглаживание по животу не помогло. Тогда я легла рядом с ней и сунула свой язык в её орущий ротик. Всё! Вопли прекратились, она зачмокала и заснула. Вот так! Очень простой и действенный выход. с этих пор я оставалась с Верой совершенно спокойно.

Наступило лето 1941 года, а с ним и страшная беда свалилась на нашу страну. Война!

Мы поехали в Красное село. Надо было забрать кое-какие вещи и собрать урожай. Весной папа ездил в Старую Руссу и купил поросёнка. Так что всё надо было собрать и привести в должное состояние для перевозки в Ленинград. а пока всё это готовилось к отправке, мы занимались своими делами: играли в войну. на огороде был выкопан окопчик (не просто так, а по приказу Красносельского начальства по обороне). Вот мы в этом окопчике и играли. и командир у нас был, и команды отдавались, и поручения выполнялись. Всё по-настоящему: руку под козырёк, и: «Есть, товарищ командир!»

А пока поручения и приказы исполнялись, один мечтательный боец в лице Леночки Коржиковой сидел в засаде и, глядя на небо, пытался увидеть Боженьку, который живёт на большом белом облаке. Почему же Его никогда не видно? Правда, когда гроза и гремит гром, значит, Илья пророк в колеснице катается. и почему он с неба не падает, и его только слышно, но не видно? Спросить было не у кого. Никто толком объяснить не мог. Так что вопросы эти надолго остались без ответа.

Наконец, всё готово и погружено в машину. Мы едем по шоссе в Ленинград. Движение перегруженное, и направление одно — в Ленинград! а в небе, на сколько хватает взгляда, висят большие серые «колбасы» — аэростаты заграждения. Висели они и в питерском небе.

Магазины опустели. Первыми почему-то исчезли соль, мыло и спички. Следующими были все крупы, масло, мясо и мука. Хлеб был, но за ним — длинные очереди. Началась эвакуация. к нам стали ходить уполномоченные. Они разъясняли положение в городе и, ссылаясь на двух маленьких детей, которые могут погибнуть от бомбёжки или от голода, убеждали маму уехать, пока не поздно. Они долго приходили и уговаривали маму уехать, пока не нарвались на папу. Обрадовались! Кинулись ему объяснять положение, чтобы он велел жене согласиться на отъезд. Но папа, выслушав их, сказал: «Никуда они не поедут. Вы не понимаете что ли?

Куда она там денется с двумя крохами? не поедут! Категорически! не ходите, не тратьте время!» Если суждено погибнуть, погибнем вместе. Так мы остались.

В парадных стены был расписаны призывами не пользоваться бензином и лигроином при растопке печей и зажигании коптилок. 8 сентября немцы заняли Красное Село. в этот же день вечером пришли дядя Георгий — муж маминой сестры — с сыном Геней. Они рассказали, что тётя Шура с Люсей остались ждать подводу и должны скоро приехать. Но они так и не приехали. не успели.

Война войной, а в школу я пошла. в 24-ю, на углу Среднего проспекта и 4-й линии. Учительница у нас была хорошая и говорила очень спокойным голосом. Учиться было интересно. Но немцы-то не были в этом заинтересованы. Они бомбили и обстреливали город и утром, и вечером. Вот в такую утреннюю бомбёжку я и попала. Я шла в школу, когда завыла сирена и засвистели летящие фугаски. Я успела только добежать до двери, как раздался страшный грохот. Картина была ужасная: развороченные стены, висящие в проёмах окон тела людей… Это было жутко видеть.

Немцы разделили город на квадраты и бомбили и обстреливали прицельно по этим самым квадратам.

Сначала было очень страшно, но человек — удивительное создание, привыкает ко всему. и мы привыкли. Привыкли закрывать окна шторами, привыкли к обстрелам и бомбёжкам. Научились бороться с зажигательными бомбами: в песок её мордой сунешь — и всё.

Менялся распорядок жизни в городе. После десяти вечера гражданскому населению без специального пропуска ходить было запрещено. Была даже служба патрульная, которая за этим следила. Транспорт (трамваи, автобусы и троллейбусы) уже не ходил, и потому на работу люди ходили пешком. Через весь город народ шёл на работу. Мороз —40°, сил никаких не осталось, но несмотря ни на какие морозы, намотав на себя всё тёплое, ленинградцы шли на работу. и выпускались танки, пушки, снаряды. Ленинградцы делали всё возможное и невозможнее, чтобы отстоять этот город Ленина, самый прекрасный город на земле. Я не преувеличиваю, это на самом деле так. и пусть не осуждают меня потомки, приверженцы названия «Петербург». Этот город основал Пётр I, не спорю. Но! Для блокадников и детей блокады, я убеждена, он навеки останется Ленинградом — городом-воином, городом-героем.

Зима 41/42 года была суровая. Морозы доходили до –40°. Птицы замерзали на лету. в квартирах мороза такого не было, но и тепла не было тоже. Папа принёс буржуйку (железная печка на четырёх ножках и с трубой). Топили мы её углём и деревянными шпульками — папа приносил с работы. Ну и, конечно, еду на ней варили. Так и жили. у нас в квартире из девяти комнат пять опустели. Соседи эвакуировались. Перестали работать водопровод и канализация, а позже отключили свет. в городе не осталось ни кошек, ни собак — всех съели. Люди, похожие на привидения, двигались по улицам, покачиваясь от слабости, падали и умирали. в нашем доме был пункт регистрации умерших и подвалы со льдом для мороженого. и вот

после регистрации покойников складывали туда, а потом вывозили на машинах на кладбище. Позы у мертвецов были самые разнообразные, кого в какой момент смерть застала. Особенно много было ремесленников — ребят из ПТУ. Кормили их плохо, и они, бедняги, промышляли как умели: где украдут, а то и отнимут (в основном — хлеб), и сразу съедают. Били их, конечно, за это, но пока их били, они старались хлеб съесть. Ведь эти мальчишки и девчонки работали на станках, точили снаряды. Так что все ленинградцы, и даже малыши помогали чем могли отстоять свой город.

У нас во дворе сугробы доходили до окон второго этажа, и между сугробами вились протоптанные дорожки. за водой мы ходили на Неву к Сфинксам. Там была прорубь, и из неё брали воду. Это был подвиг! Надо было спуститься к Неве по ступенькам, доползти до проруби, набрать воды и вернуться обратно. в этом и состоял подвиг! Постепенно лестница превратилась в гладкий ледяной скат, и по этому скату ползли женщины с полными вёдрами, цепляясь за всё, что попадалось под руки: за протянутую руку впереди ползущего, за всё, что помогло бы добраться до дороги.

Наступил 1942 год. во Дворце им. Кирова для детей был Новогодний праздник с подарками и с Аркадием Райкиным. Мы проводили в эвакуацию дядину жену с двумя детьми, проводили Геню, ушедшего с ремесленным училищем. Умер дядя Георгий — его отец. Меня положили с дистрофией в больницу им. Крупской. Эта больница и сейчас работает. Я хорошо помню палату: большая комната, два окна, четыре кровати, и у каждой тумбочка. Моя кровать у окна. Нас было четверо: две девочки и два мальчика. Мы, девочки, были покрепче, посамостоятельнее, а вот мальчишки — слабые, особенно один, он даже сидеть не мог. Через некоторое время он перестал есть, а потом его от нас перевели. Мама приходила ко мне не очень часто и приносила что-нибудь вкусное. Однажды она принесла книжку, называлась она «Ивасик Телесик», о маленьком мальчике, которого всё время хотела поймать Баба Яга.

Однажды нас эвакуировали. Просто был сильный обстрел, и мы спустились в бомбоубежище, а когда всё кончилось, нас вернули в палаты. Так мы и жили. Время шло своим чередом. Меня, наконец, выписали из больницы. Почему-то меня никто не встретил, и я сидела у соседей из другой квартиры. Но вот, наконец, я дома! Всё хорошо! Жизнь продолжается! Мне после больницы прописали усиленное питание. Два раза в день, утром и в обед, я ходила в столовую на Среднем проспекте (она и сейчас есть). Было всё очень вкусно — видно, повар старался, знал, кого кормит.

Пришла весна, а с ней новые заботы. Огороды! Все газоны на Большом проспекте были вскопаны и засеяны. Ленинградцы стали огородниками. на газонах выращивали овощи: морковь, свёклу, картошку, лук.

Это, конечно, было здорово! Но тут случилось событие, которое потрясло не только ленинградцев, но и немцев. Трамвай! 15 апреля 1942 года в городе пошёл трамвай! Он ехал

и звонил, а за ним бежали люди и кричали «Ура!», и просили вожатую: «Позвони! Позвони ещё!» и все плакали от радости.

Зато немцам было не до смеха. Они дошли до Кировского завода. Сидели у стен города и ждали нашей смерти. Они знали, что продуктов в городе нет, а значит, всё население, которое осталось, умрёт голодной смертью, а они войдут в пустой город без единого выстрела. не вошли! и никогда не войдут! Потому что «кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет». а Ленинград за всё время его существования ни разу не был завоёван.

В мае-июне мы уехали в Бернгардовку, в подсобное хозяйство фабрики «Красное Знамя». Там было очень хорошо. Нам дали две комнаты на первом этаже, маленькие, но уютные. Мама стала работать, а мы гуляли, ходили в лес — благо, он был рядом — собирали грибы, в основном для кукол, а поскольку огород тоже был рядом, мы ещё и за турнепсом бегали. Видимо, до подсобного хозяйства здесь была воинская часть, потому что когда мы только приехали, то услышали: «Зелёнкин, пройдите на укол». Да и в лесу, когда мы ходили за грибами, часто находили посуду: миски, ложки, сковородку.

Питались в основном крапивой и овощами от подсобного хозяйства. Уж не помню, откуда, но принесли нам консервированную колбасу в банках и сгущённое молоко тоже в банках, но в больших. Приближались холода. Мы начали понемножку топить печку. Папа совсем ослаб, и нам пришлось за ним ехать. Погода была очень плохая. Ветер пронизывающий, да ещё с дождём. и вот в такую тьму да по такой погоде мы от Финляндского вокзала до Петроградской шли пешком. Дошли с небольшими потерями: у меня шарфик с шеи ветром унесло. в диспетчерской нас отогрели, накормили и даже чаем напоили горячим. а утром, правда, на машине, поехали обратно в Бернгардовку. Что интересно, с папиным приездом у нас появились мыши. Ладно бы две, три — куда ни шло, но я никогда столько не видела. Они стелились ковром, причём было ощущение, что они приходят не за едой, а поиграть, порезвиться. Они носились по комнатам, по кроватям и даже по нам. Причём мышата интересовались только Вериным обществом — как в сказке или во сне. Но ведь было!

А папе становилось всё хуже. Он уже не вставал, а садился только с чьей-нибудь помощью. Мама по вечерам читала ему книжку про какой-то удар Врангеля. Так было и в ту ночь. Мама читала про Врангеля, а мы с Верой воевали с мышами, которые носились по нам и по кроватям как бешеные. в какой-то момент я вдруг осознала, что папы больше нет. и вот тут у меня всё внутри окаменело, а потом началась истерика. Я истошно орала, я не слышала и не понимала, что мне говорят. Прошло три дня, и мы попрощались с папой. Его увезли на кладбище в Мельничный Ручей. а мыши исчезли сразу после папиной смерти. После похорон мама пыталась плакать, но я ходила за ней неотступно и утешала её как умела.

Ну вот, до свидания, Бернгардовка! Мы уезжаем домой. Мама пошла работать на завод АГЭ — автогаражного электрооборудования. Веру определили в 241-е ясли, что на 8-й линии, а я пошла в школу.

Поскольку печку я сама не топила, то вечером приносила из жакта кипяток в бидоне и пила с хлебом. Самостоятельная стала! Мне казалось, что я всё могу и всё умею. Был такой случай — я чуть не сожгла нашу комнату. Зажгла коптилку, а она еле теплится. Тогда я не долго думая взяла бутылку с горючим и, не погасив фитиль, стала наливать. и вдруг всё вспыхнуло у меня в руках. Бутылка с горючим улетела под кровать. Я опомнилась, схватила бельё, которое лежало на кровати, и свалила его на бутылку. Затем открыла окна и ушла в жакт. Когда мама пришла с работы и увидела, что творится в комнате, она очень испугалась. Но когда нашла меня в жакте, успокоилась. Вот так всё кончилось — почти благополучно.

Однажды был такой случай. Я шла по 9-й линии, навстречу мне военный, командир. в руках у него пакет. Этот военный остановил меня, протянул пакет и сказал: «Возьми, это тебе. Я приехал к своим, а они умерли». Я принесла этот пакет домой. в нём оказались две буханки хлеба, концентраты горохового супа, консервы и две книги: Гоголь и Шекспир.

Люди продолжали умирать и от дизентерии (голодный понос), и от цинги, и просто от голода. По улице двигались тени. и не понять было, кто идёт: женщина или девушка, молодой человек или старик — все на одно лицо! От цинги нашли средство — хвоя. Её заваривали, настаивали и пили. Людей с поносом забирали в больницы и лечили. Потом придумали принимать пивные дрожжи, очень вкусные (мне так казалось). Их продавали в столовых или просто в открытом окне стаканами.

Агриппина Никитична, Вера, Лена. 1945 год

У меня появилась новая забота: забирать Веру из яслей. Я приходила в группу, слушала наставления, как и что с ней делать дома, и мы выходили в «поход». Во-первых, Вера быстро уставала, и надо было нести её на руках, а во-вторых — тревога воздушная. Это означало бег с препятствиями, то есть заход в убежище или, чаще всего, в подворотню. Но вот мы успешно явились домой и забрались на кровать отдохнуть. Вот и мама пришла с работы, значит, сейчас будем ужинать. Вера до трёх лет не росла и до края стола доставала лбом. Она, придя домой, всегда что-нибудь рассказывала: «Я крошки никогда со стола не собираю, у нас только Юра Семененков крошки собирает». Или стоит у стола в собачьей стойке: «Мама, я собачка, дай собачке кашки».

Папа всё время хотел иметь большую комнату. Мама об этом помнила и делала попытку осуществить папину мечту. Она поговорила с нашим управдомом, и та обещала подыскать. Кто ищет, тот всегда найдёт. и ведь нашла! Мы пошли смотреть. Громадная комната, три окна с мраморными подоконниками, но без единого стекла. Потолок высокий, но часть штукатурки

обвалилась, и под этой «дырой» громадная куча мусора. Мебель хорошая, и даже рояль и семь больших этажерок с книгами, книжный шкаф, диван, два кресла к нему, буль (шкаф) из карельской берёзы и ещё один громадный шкаф.

Как говорится, «спасибо, понравилось». и начали мы эту комнату осваивать, то есть делать авральную уборку. Навели марафет, вымыли пол, даже стёкла вставили. и я осталась там одна. Ходила по комнате, всё разглядывала. Интересно же! Короче, пока я интерес ко всему проявляла, свет погас. и я осталась посреди этого хаоса в полной тьме. Что делать?! не стоять же на месте. Облазила всё и нашла-таки на ощупь диван, легла и заснула. Проснулась от того, что дали свет. Жизнь пошла своим чередом.

Наступил 1943 год. Обстрелы и бомбёжки продолжались, но уже не так сильно. Наша артиллерия грохотала с такой силой, что было ощущение, что воздух лопается, причём лопается со звоном. Канонада продолжалась долго, а город замер в ожидании. Вот-вот свершится! Канонада грохотала, а ленинградцы думали, наконец-то разобьют проклятых. и вот по радио прозвучало: «После семидневных боёв войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда!»

Что тут началось! Люди плакали, целовались, обнимались и кричали: «Ура! Ленинград свободен! Мы победили! Ленинград победил!»

Да! Ленинград победил! Назло всем фашистам — Победа! Наша! Лениград — победитель! Непокорённый! Гордый и величавый наш любимый Ленинград за все 300 лет существования не был покорён никем и никогда.

Пролетят над землёй лихие года,

Пронесётся гроза штормовая,

Но не взят Ленинград был врагом никогда,

Блещет слава его боевая!

Милый, родной, ласковый мой Питер! с Победой! «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия!» Для меня этот город — живой Человек, я очень люблю его, и роднее Ленинграда нет для меня никого на Земле.

Воспоминания

Лидии Николаевны Дога

Воспоминания о днях блокады, проведенных в Ленинграде, у меня полностью стерлись из памяти. Мне было около четырёх лет, и я ничего не запомнила. Но остались яркие воспоминания о том, как мы с мамой и братом жили в эвакуации у бабушки в Тверской области, куда мы приехали в мае 1942 года.

В деревню, где жила бабушка, приехало очень много эвакуированных, много родственников из разных мест. Все жили дружно и часто собирались в избе у бабушки.

Все эвакуированные работали в колхозе. Их не хотели брать, так как они были очень истощённые, слабые. Но когда маму назначили звеньевой на лесозаготовках, и её назначили звеньевой, то её звено, состоявшее из эвакуированных, обогнало колхозниц. Работа была очень тяжёлая, мама уставала, нервничала, и нам с братом от неё доставалось.

У бабушки была корова, но молока нам, детям, доставалось мало, так как его меняли на мыло и одежду. Одежда была старая, в заплатках. Когда прохудились валеночки, бабушка сшила сапожки из своей шубы, но они быстро намокали в сырую погоду. Первый класс я закончила в деревне у бабушки.

Бабушка была верующей, всегда молилась дома (храм был закрыт), а я, маленькая девочка, вставала рядом на колени и подражала бабушке. Мне это очень нравилось. Ещё помню, как бабушка мыла меня в печке и при этом читала молитвы.

Маму как звеньевую оставили в колхозе до осени 1945 года. Но потом было очень трудно снова переехать в Ленинград (только по вызову). Когда мы вернулись, наша комната оказалась занята другими жильцами. Для того чтобы записаться к судье, люди стояли ночами. Мама добилась в суде, чтобы нас вселили. До переезда во временную комнату, которую нам выделил управдом, мы жили у маминой приятельницы, которая нас приютила. Места было мало, и мы с братом спали под столом. с горечью вспоминаю, что наша тётя (близкая родственница) жила в большой квартире, но не пригласила нас к себе. Видимо тот, кто сам пережил нужду и лишения, лучше чувствует чужую боль. Вообще, люди друг другу очень помогали, в коммунальной квартире, несмотря на скудный паёк, кормили чужих детей.

Во временной комнате было очень холодно, было выбито окно. в ней не было мебели — голые стены. Помню, что ели мы на подоконнике из одной миски, жили в нищете. После войны питание в городе было скудное (по каточкам), мама в 47 лет получила дистрофию.

Самые яркие детские воспоминания связаны у меня с крещением. в нашей деревне храм был закрыт, и бабушка сама крестила нас с братом. Но когда нескольких детей повезли крестить в храме в соседнюю деревню, то я сама очень просила бабушку, чтобы она меня повезла и крестила в храме. во время крещения меня раздели до гола, чтобы не замочить одежду.

Волосы были длинные, до пояса, и когда голову окунули в купель, с них лилась вода по всему полу. Помню, я сначала очень замерзла.

Но после крещения было очень радостное, блаженное состояние. Я бегала и от радости прыгала на одной ноге, повторяя: «А я крёщеная, а я крещёная!». Вера в Бога, молитва всегда помогали мне мужественно переносить тяжёлые испытания в моей жизни.

Воспоминания Анатолия Клавдиевича Лифорова

Когда война началась, мне было почти четыре года. Наша семья жила на ул. Карла Маркса в маленьком домике во дворе среди больших домов. Отец, Клавдий Михайлович Лифоров, работал токарем на заводе «Красная заря», мама, Прасковья Михайловна, — дворником.

Лифоров Толя. 4 года. 1941 год.

Нас у родителей было трое: я — старший, сестра Инна младше на год и три месяца, а самый младший — брат Валентин, он родился в 1940 году. Поначалу нас, детей, война не очень затрагивала, мы гуляли во дворе, и до осени жизнь протекала более или менее спокойно. в 41-м году мама ещё работала, а 42-й пошёл уже весь наперекосяк. с продовольствием стало очень плохо. Мы почувствовали голод в полной мере. Мама обычно целыми днями пропадала в поисках пищи, ездила на разбомблённые Бадаевские склады, привозила капусту с землёй пополам, варила её. на меня легла забота о младшем брате Валентине, он был совсем маленький, годовалый. Мама уйдёт, а я его качаю, качаю, качаю, стараюсь успокоить, а он всё время плачет. Оказывается, он плакал от голода. в 42-м по зиме он и умер, по-моему, в феврале. Я подумал, что он заснул, раз молчит, и обрадовался. а мама пришла, подошла к нему и говорит: «Всё, Валька скончался». Она на саночках его отвезла на Пискарёвское кладбище. Так мы остались с Инной вдвоём.

Когда город стали здорово бомбить, в нашем дворе вырыли большую траншею с накатом, с крышей, она начиналась в 15 метрах от нашего дома. Внутри был песок, освещения не было, и всюду стояли свечи.

Во время обстрелов после объявления тревоги мы сразу открывали дверь и бежали в траншею. а один раз кинулись к дверям, а их не открыть: заклинило взрывной волной, бомба совсем близко разорвалась. Как-то раз и в саму траншею попала бомба, около трети её разрушило и засыпало землей.

Сараи в нашем дворе во время войны сгорели. Бывало, из дверей выскакиваешь, а во дворе светло от «зажигалок» (зажигательных бомб). Они небольшие, 2,5–5 кг, но горят ярко. Как набросают их, светло почти как днем. Жители дежурили на чердаках, сбрасывали «зажигалки» с крыш, чтоб дома не загорелись.

Так мы жили до августа 1942 года, перебивались чем придётся. Ели лепёшки из лебеды, из ромашки, когда мама где-то немножко мучки раздобывала. в июле маме принесли повестку об обязательной эвакуации с детьми. в это время отец был в больнице, у него от голода

отказали ноги, он мог ходить только на костылях. Мама забрала его оттуда, когда пришла повестка. на маму легли все заботы: двое детей, отец хуже ребёнка, на костылях, да ещё узелок с вещами. в августе нас вывезли на грузовиках на Ладожское озеро. у меня осталось в памяти: причал, и в конце причала большая куча вещей: тряпки, узлы. Людям приходилось оставляли свои вещи, чтобы не перегружать катер. Немцы обстреливали Ладожское озеро почти постоянно. Катеру, который шёл перед нами, как раз не повезло: его разбомбили. Наш катерок шёл следом, кое-кого подобрал. Я помню, гитара мимо плыла, щепки...

На другой стороне Ладоги нас сажали на поезда. а поезда какие? Теплушки, то есть товарные вагоны с печками. Народу в вагоне было много, но и нам достался уголок. Ехали долго, недели две, потому что делали остановки во время бомбёжек.

Многие мучались поносом. Поезд делал остановку, мужчины шли на одну сторону, женщины — на другую. и однажды после такой остановки все вернулись, а бати нет. Мы доехали до Уфы, и в Уфе на следующие сутки он нашёлся. на вокзале его подобрал воинский эшелон, его там чаем отпоили. в Уфе мы опять воссоединились и дальше уже вчетвером ехали до Бугульмы. От Бугульмы ещё 50 км добирались на лошадях до деревни, в которую нас определили.

Обстановка в Татарии была спокойная, редко-редко когда самолёт увидишь. Если б не память о блокаде, то мы бы и не знали, что идёт война, настолько там было спокойно. Месяца через полтора после эвакуации отец стал ходить, ещё с костылями, но ходить. Ему пришла повестка, он съездил в военкомат и вернулся оттуда — собираться. и попал он сразу под Сталинград.

Ефрейтор Клавдий Михайлович Лифоров

Мама устроилась работать завскладом, стерегла хлеб, зерно. а ещё у неё была машинка для стрижки, она стригла мужиков, и ей приносили кто что: кто яиц, кто маслица. Так что в эвакуации мы не бедствовали. Почти три года мы там жили.

Зимой, бывало, мама мне коньки из деревяшки делала ножом — на всё женщины наши были гожи. Привяжет их к валенку, и я и по утоптанным тропинкам на этих деревянных коньках катался. Целых валенок я почему-то не носил, всегда зимой пятки красные. в Татарии я и в первый класс пошёл. Я татарский знал здорово — удивительная способность у детей усваивать язык.

Чтобы вернуться в Ленинград из эвакуации, нужен был вызов из города. Его сделала мамина сестра из Выборга. Мы приехали в октябре 45-го года. Вернулись, а домик наш разбит. Стены остались, но жить в нём было нельзя. у бабушки Анисьи была маленькая комнатка и чулан, мы в этом чуланчике и устроились.

Отец вернулся на месяц позже. Звонок в дверь. Выбежала открывать соседка Нина и кричит: «Дядя Кваша приехал!» Я помчался. Стоит на лестничной площадке отец — в солдатской форме, за спиной мешок солдатский. Он даже поправился, располнел. Хотя ростом он маленький был, но комплекции хорошей.

Прожили мы у Анисьи около года. Отец спал в коридоре на сундуке. Сразу после возвращения он пошёл на свой завод «Красная заря», опять работал токарем. с работы иной раз приходил поздно, потому что их гоняли разгружать оборудование — то, что из Германии приходило. и одновременно родители домик наш восстанавливали. Сделали квартирку и опять въехали туда. Мама снова работала дворником. Работать приходилось тяжело. Было много снега, и его убирали даже по ночам, хотя, казалось бы, ну что за магистраль — Нейшлотский переулок. и ночью убирают снег, и днём, и лёд колют сутками. в общем, мать надорвалась на этой работе. После войны жить было тяжело, заработки небольшие, в магазинах почти ничего не было, и еды было мало, и вещей не хватало.

Семья Лифоровых. на первом плане Клавдий Михайлович и Прасковья Михайловна, на втором плане – Инна и Анатолий. 1948 год.

В октябре я пошёл в школу, снова в первый класс в 107-ю школу на Выборгской улице. Школу я очень любил и практически и жил там, домой приходил часов в восемь, хотя учился в дневную смену. Инкина 98-я школа была рядом, на Нейшлотском.

С вещами тяжело было, с одеждой. Писали на газетах, на всём, что только можно было использовать для письма. а отец привёз очень много немецкой бумаги, блокноты, записные книжки. Я этим выделялся в школе. и ещё помню, что помимо бумаги он привёз мешок яблок, они были вот такие большие. Вроде, ничего особенного, а тогда, в 45-м году, в октябре, это было чудо.

Отец много рассказывал о войне. Он сразу в декабре 42-го года попал под Сталинград, в самое пекло. Его определили в роту стрелков. Для него всё прошло, слава Богу, удачно. а в 1943 году его послали на курсы механиков-водителей танков. Говорит, жили как на курорте в этой школе. Окончил её, сел на танк. на танке он, конечно, в разные ситуации попадал.

Клавдий Лифоров с товарищами на фоне студебеккера. в руках — мандолина, прошедшая с ним всю войну. Прага, 21 мая 1945 года.

Один раз, говорит, их самолеты прищучили в поле — и всё, некуда деться, встали. Обычно танкисты под танк лезут. у них в танке как раз был был помпотех (помощник командира танкового взвода по технике). Вот они все четверо под танк спрятались, а самолёты как стали поливать бомбами! и помпотеха ранило, внутренности ему почти вывернуло. До медсанбата его не довезти не успели. а отцу только осколок в переносицу попал, после этого он в медсанбате дней двадцать пролежал.

Потом догонял свою часть, и дали ему машину «студебеккер» – это американский грузовик. на этом «студебеккере» он и в Германию въехал. Однажды ночью ехали, отстали немножко. Надо догонять, а куда ехать, не знали. Ехали, ехали напрямик, и вдруг слышат — немецкая речь. Конечно, сразу развернулись и дали ходу. Приехали в какой-то городок или поселок, въехали прямо в сарай и переждали до утра, а утром рассвело, сориентировались.

На память милым детям от любящего вас отца. Смотрите и вспоминайте своего папу. Австрия, Замок. 29 июля 1945 года.

И на легковой машине ему пришлось возить командование части. Один раз, по неопытности, наверное, чуть не столкнулся со встречной машиной с каким-то командиром. Тот вылез, пистолетом размахивает: «Я тебя, собака, застрелю!» Но всё обошлось. От Сталинграда до Германии прошёл, получил два нетяжёлых ранения, вернулся благополучно.

Воспоминания Нины Викторовны Лифоровой (Ушаковой)

Я родилась в 1938 году на 26-й линии Васильевского острова. Моего отца звали Виктором Ушаковым. Его мать была белошвейкой, а отец (мой дед) водопроводчиком. Деда я не помню, а бабушка бывала у нас в гостях, она была очень строгой, и я боялась её.

В июне 1941 года моя мама, Ольга Ануфриевна Ануфриева, отправила меня в первый раз на дачу под Лугу с детским садом. Мне было 3,5 года. Когда началась война, она срочно поехала меня забирать. Матерей, поехавших за детьми, было человек десять. Но все поезда были заняты солдатами, отправлявшимся на фронт, пассажиров не брали, даже двери не открывали. Но в одном из составов, на счастье, оказалась добрая проводница, она сказала: «Я дверь открою, а вы меня толкайте и быстренько входите». Так мама доехала, забрала меня и привезла в Питер.

Отец воевал в финскую войну, а потом работал на Северном заводе, который строил самолёты-кукурзники. Завод вместе с сотрудниками эвакуировали в Нижний Тагил. Мама в это время была беременна. Надо было искать жильё, но нас никуда не хотели пускать. Только хозяин одного дома, увидев мамино положение, пустил нас на кухню. Там мы и жили. Помню, что окна были вровень с землёй, а сам дом — большой, деревянный.

Есть было нечего, но всем эвакуированным бесплатно давали похлёбку, она представляла собой жижу с мукой и макаронинками. Я ходила за ней с 3-литровым бидончиком.

21 января 1942 года у нас родилась Люба. Она родилась недоразвитой, у неё не разгибались руки и ноги. Мама с ней занималась: раскладывала пелёнку на горячей печи, чтобы согрелась, клала на неё Любку и переворачивала, массировала, выпрямляла. Кормила грудью.

Еды не хватало. Однажды мать собрала батьке мешок, и он пошёл в деревню менять вещи на еду: на картошку, на сахар. Он ушёл с утра, а к вечеру всё не возвращался. Мать уже начала слёзы лить. а я поворачиваюсь и говорю: «Мам, папа придёт. Смотри, вот он идёт!» — «Да это не он, это какая-то женщина». Но оказалось, что это он, просто с шарфом на голове, как женщины носят, потому что мороз был –40 °C. Он продал всё, что можно было, и принёс и сахару, и картошки, и даже горький шоколад.

Мама снова забеременела. Но пришла беда: у Любки не усваивалась пища. Врачи давали рекомендации, советовали кормить курицей. Чтобы обеспечить семью, батька устроился работать на хлебозавод и приносил горячий хлеб, спрятав куски на животе. Если бы его поймали, расстреляли бы. Но другого выхода он не видел. Мать носила продавать этот хлеб, чтобы купить то, чем врачи советовали кормить Любку. Мы выполняли все эти требования, а у ребёнка ничего не усваивалось, то есть она умирала голодная, хотя её кормили. а потом, когда уже думали, что она вот-вот умрёт, родители накормили её тем, что ели сами — каким-то супом из квашеной капусты, и после этого она двое суток спала беспробудно. и тогда они бросили этих врачей, эти рекомендованные продукты и стали кормить её тем, что ели сами.

Она выжила, выросла, но тощая была – ужас! Руки и ноги у неё — как спички. До пяти лет она вообще не разговаривала, только пальцем показывала, а я её прекрасно понимала и была «переводчиком».

Так мы жили, пока война не кончилась. а сразу после войны мы поехали в Москву. Поезд шёл семнадцать суток. в вагонах ехали целыми семьями, все возвращались по домам. в Москве нам дали комнату в большом общежитии, даже не комнату, а место в ней, причём нам досталось середина — места рядом со стенами были уже заняты. Помню, когда мы жили в Москве, папин брат был у нас проездом и привёз мандарины. Любка их никогда не видела, даже не знала, что это такое, и стала кидать их, как мячики.

Когда мы там жили, родилась Танечка. Но… она умерла в семь месяцев от воспаления лёгких. Я помню, отец пришёл, к стенке прислонился и начал плакать…

После этого родители решили вернуться в Питер. Мать в Москве устроилась работать в столовую, накопила продукты: несколько банок из-под американской тушёнки с крупами и мукой. на огороде у нас выросла отборная картошка — целых семнадцать мешков. Так что еды было много. с этим богатством мы поехали в Питер.

В Ленинграде у нас было много родственников, и мы со всеми нашими запасами поехали на Васильевский остров к родственникам отца, которые в блокаду оставались в Ленинграде. Когда съели всё, что мы привезли, нас выгнали.

Батька был электриком, он нашёл себе работу в общежитии при своём заводе. в нём дали комнату — сначала 12 м^2, а потом, когда папа стал обслуживать несколько домов, — 24 м^2. Мы с Любой спали на одной кровати, мама с папой — на другой, за ширмой. Так мы прожили до 1960 года. Когда начали строить «хрущёвки», через Смольный добились того, чтобы наш дом расселили и всем, у кого большие семьи, дали квартиры. Так нам дали отдельную квартиру на Пискарёвке.

Люба вышла замуж раньше меня — познакомилась с будущим мужем на танцах в ЦПКиО, родила двоих детей, сейчас у неё подрастает внучка. Потом и я вышла замуж. Мы прожили с мужем, Юрием Лифоровым, душа в душу 35 лет, у нас тоже двое детей.

После смерти мужа в 2003 году я пришла в церковь, прошла катехизацию в Князь-Владимирском соборе, с радостью стараюсь служить Богу.

Блокада. Эвакуация. Детдом.

Воспоминания Елены Аркадьевны Беловой (Холод)

Елена Аркадьевна Холод родилась в марте 1937 года. в 1939 году её отец, Аркадий Петрович Холод, был осуждён по 58-й («политической»)статье: «Я была совсем маленькая, но помню, как мы стояли у тюремного окна. Мама, Любовь Васильевна Стефановская, осталась одна с тремя детьми – старшим Алексеем, младшими Еленой и Натальей.

Любовь Васильевна была родом из семьи священника, служившего в г. Боровичи Новгородской области. у него была большая семья, которой при советской власти пришлось нелегко. Две дочери, сёстры Любови, Софья и Серафима не смогли получить образование, доучились только до 5-го класса, дальше — не разрешили: их преследовали как дочерей священника. Поэтому по благословению отца сёстры поехали в Ленинград.

В Ленинграде Любовь, София и Серафима пели в хоре Никольского собора, рядом с которым жили, в нём же Любовь Васильевна крестила своих дочерей Елену и Наталью (Наталья умерла в двухлетнем возрасте).

Когда началась война, Лене было четыре года, она ходила в детский сад. Любовь Васильевна работала, по-видимому, бухгалтером, забирать Лену из садика она могла только раз в неделю. Так прошла зима 1941/42 года. Но до следующей зимы Любовь Васильевна не дожила. Она умерла от дистрофии в ноябре 1942 года.

Елена Аркадьевна вспоминает:

«Однажды в садике меня отвели в сторонку и сказали: “Леночка, у тебя умерла мама”. Я помню, что у меня не было никаких эмоций, я не понимала, что это значит». Любовь Васильевна просила позаботиться о детях свою сестру Серафиму.

Алексею было тогда 17 лет, он пошёл служить в армию. Однажды ему поручили водить за верёвку аэростат. и то ли Лёня заснул, то ли рука устала — он ведь был изможден голодом — но аэростат он упустил. Это могло грозить расстрелом. Мальчик прибежал к Серафиме Васильевне, и они вместе пошли к командованию — умолять, чтобы его не расстреляли. Всё закончилось хорошо, его простили. Всю блокаду он служил в Ленинграде.

А маленькая Лена оказалась в детском доме, который эвакуировали под Пермь, в Кукеты. «Нас привезли в лютую-лютую зиму. в дороге кормили одной только чечевицей. в эвакуации было очень голодно. Весной нам показали, какую траву можно есть, а какую нельзя. в тёплое время дети ходили босиком, так как обуви не было. к работе привлекали даже маленьких. Мы на поле работали — собирали колоски. Я помню, что помогала мальчикам постарше пилить дрова: сидела на бревне, чтобы оно не ёрзало.

Из игрушек у нас была одна кукла и один мячик на группу в двадцать человек. Но я поступала хитро. Я любила шить и вышивать, и поэтому часто брала куклу, чтобы ей что-то сшить, а заодно играла с ней. Скакалок и никаких других игрушек для подвижных игр тоже

не было, и воспитатели рисовали для нас скачки, чтобы мы прыгали, двигались. Учителя, воспитатели относились к нам очень хорошо, по-доброму. не скажу, что была жёсткая дисциплина. Мы были послушными, делали всё, что нам говорили. Но я была очень больным ребёнком, с ног до головы вся была в болячках. Когда я пошла во второй класс, мой рост был 1 м 7 см. Всё время хотелось есть. Но воспоминания о детском доме остались только хорошие».

Тётя Серафима всю блокаду оставалась в Ленинграде. Её муж, Афанасий Васильевич Васильев, был управляющим домами на Кировском пр. Он сумел добиться того, что в двух домах, 22 Б и 22 в по Кировскому пр. блокадной зимой было паровое отопление. Это были единственные два дома с отоплением во всём Ленинграде! Чтобы это осуществить, жильцы должны были постоянно обеспечивать всю отопительную систему водой. Надо сказать, сам Афанасий Васильевич жил в доме 22 А, где отопления не было и нужно было заботиться о дровах. Он был честным и достойным человеком. Многие очень уважали и не раз поддерживали продуктами, спасая от голодной смерти.

Отец Елены прошёл и финскую, и Отечественную войну. Но так как он был осуждён по 58-й статье, в Ленинград его не пускали. Несколько раз он пытался приехать из Сибири, но его ссаживали с поезда. Он был очень порядочным человеком, старался помогать деньгами, писал письма. Но увидеть дочь он смог только после реабилитации в 1957 году.

В 1945 году, после победы Афанасий Васильевич и Серафима Васильевна забрали Лену к себе. Семья была верующая, и с 1945 года Елена стала прихожанкой Князь-Владимирского собора — и остаётся ею до сих пор.

Трудное время детства
Воспоминания Галины Казимировны Василевской

Родилась я в 1929 году в городе Ленинграде в семье простых рабочих. Мама выросла в деревне в Пензенской области. Она познакомилась с моим папой в Кронштадте, когда он там служил, а родом он был из Польши.

Деревня, где родилась мама, называлась Соломинка. в июне 1941 года мама отправила меня туда с родственницей и собиралась сама приехать попозже, в отпуск. Но через два дня после моего приезда началась война. Родители и старшая сестра остались в Ленинграде, а я — одна в деревне. Мне было тогда 12 лет. Жила я у дальней родственницы, и не могу сказать, что отношение ко мне было хорошее. на меня взвалили весь домашний труд. Утром я должна была натаскать воды: несколько раз по два ведра (а колодец был далеко), убрать в доме, убрать в хлеву и в курятнике. Огород тоже был на мне. Потом я шла в школу, а на обратном пути разносила почту. и снова вода, уборка, уход за скотиной. Для меня, городского ребёнка, это был непосильный труд.

Хлев был очень маленький, я половину уберу, потом прошу корову: «Голубка, подвинься!». Обниму её за шею, поплачу… Было очень одиноко. Тяжело вспоминать. Я вся покрылась фурункулами.

В тылу во время войны дети 14-16 лет были основной рабочей силой. Кто постарше и посильнее, зимой работал на лесозаготовках, летом — на торфоразработках. а в поле выходили в основном женщины, старики и дети. в тех местах прекрасная, плодородная земля, и урожай был хороший. Работали каждый день с раннего утра до вечера, а если ночью светила луна, то и ночью. Большие обозы с зерном отвозили на лошадях на ближайшую станцию под названием Соседка. Нас, детей, часто сажали сопровождающими.

Все очень уставали, но всё-таки в безлунные ночи молодёжь собиралась на улице или в чьей-нибудь избе, гармошка играла, пели, танцевали. и мы, маленькие, ходили смотреть.

Надо сказать, жизнь была очень быстро поставлена на военные рельсы. Например, в посёлке ещё с дореволюционных времён было ателье. Туда сразу завезли материалы и стали шить шинели. Мне там сшили из шинели зимнее пальто, поскольку одежды у меня почти никакой не было, а из того, что было, я выросла.

Катастрофически не хватало рабочих рук. Многие молодые девушки, как и парни, были на фронте, и на них, так же как и на мужчин, приходили с фронта похоронки. во время войны заводы с оборудованием и с необходимыми кадрами были эвакуированы в глубь России, им не хватало рабочих, и в колхозы присылали разнарядки для отправки рабочей силы.

Для сохранения поголовья коров стада из прифронтовых деревень пригоняли в тыл. в наш колхоз пригнали коров с Брянщины. Летом надо было запасти не только зерновые, но и корм для скота на всю зиму. Заготавливали сено, солому для подстилок и топлива. Сено складывали в огромные скирды. Если летом со стадом коров управлялся один пастух, а лошадей выгоняли в ночное, где они паслись и пили воду, то зимой надо было привезти воду, сено с поля, напоить, накормить и вычистить всех.

Была удивительная сплочённость: ни склок, ни драк, ни ругани. Я ни разу не слышала, чтобы кто-то ругался матом. Сейчас смотришь: и лень иногда у молодёжи появляется,

и работать не хотят. а тогда такого не было. Все чувствовали, ради чего трудились. Иначе было никак. Все, и взрослые, и дети работали очень много, валились с ног — лишь бы хоть немножко поспать. а в пять утра их расталкивали, раскачивали, и опять на работу. Было очень тяжело. Работали каждый день. Понятия «отпуск» просто не существовало. Зимой, конечно, становилось полегче, но работа была постоянно: на фермах, на лесозаготовках, в амбарах с зерном.

Вот так, сплочённостью, трудом, в том числе и детским, ковалась победа, вот так победили. Все друг другу помогали, делились кто чем мог. в этом была какая-то сила.

Работа оценивалась трудоднями. Денег не было вообще. Какое-то время я работала в конторе и как раз считала трудодни: за разные категории работы начислялось разное количество, и потом за них выдавали просо, рожь, пшено, торф. Леса в тех краях мало, поэтому топили не дровами, а торфом или навозом: всё шло в дело, никаких отходов. Бабушка старенькая, которая уже не может работать, насушит навоз, сложит в корзинку и позовёт кого-нибудь из мальчишек отнести.

Работала школа, мы успевали учиться. Очень было трудно. в какой-то момент я бросила школу, сил не было, работы много, фурункулёз по всему телу… Но ко мне домой пришла учительница, стала уговаривать вернуться. Я говорю: «Не могу, я уже столько пропустила». — «Ничего, ты приходи. Всё получится». Я пришла, и действительно, постепенно всё догнала, снова стала ходить в школу, а доучивалась уже в вечерней школе в Ленинграде.

Учителя были неплохие, среди них работали и эвакуированные. Помню, что учительница по географии была из Ленинграда. в моём классе было человек пятнадцать. Близких друзей у меня не было, немного общалась только с двумя девочками, жившими с бабушкой по соседству, но они почему-то не ходили в школу. Особенно трудно было из-за того, что все дети жили с родителями или родственниками, а я — одна. Мама с сестрой приехали ко мне только весной 1942 года.

До апреля 1942 года они оставались в Ленинграде. Есть было нечего. Варили клей, кожаные ремни. Мама рассказывала, как рабочие привязывали себя к станкам, чтобы не упасть. Ночевали прямо на работе. в декабре 1941-го года отец умер от голода. Мама с сестрой сами отвезли его на санках на Волковское кладбище. за могилу пришлось заплатить хлебом. Когда подъехали, смотрят — какие сугробы намело! а оказалось, это трупы сложены. Потом их похоронили в братских могилах.

В апреле маму и сестру вывезли из города по Дороге жизни. Когда ехали по Ладоге, видели, как машины проваливались под лёд. а для тех, кто вырвался из блокады, большой опасностью было переедание: с отвычки желудок не выдерживал, люди умирали.

Когда мне сказали, что на станцию приехали мама с сестрой, я пешком прошла километров восемь, чтобы их встретить. Они выглядели ужасно, не могли ходить. Нам дали лошадь, чтобы добраться до деревни. Там они немножко отошли — и остались живы.

В 1944 году, ещё война не кончилась, мы вернулись в Ленинград. Это было трудно. Нам не удалось вернуть квартиру, хотя её заняла хорошая подруга мамы. Жилплощадь возвращали только тем, кто пришёл с фронта.

Нам дали деревянный дом за городом в посёлке Советский Выборгского района. Конец войны и послевоенное время было трудным, продукты выдавали по карточкам. Нужно было

работать, поэтому доучиваться мне пришлось в вечерней школе. Сейчас школы в деревнях закрывают, а тогда школа действовала, хотя в классе могло быть и семь учеников, и два, и даже один. По возвращении из эвакуации я работала в отделе при целлюлозно-бумажном комбинате и училась в вечерней школе, а летом убирала урожай на подсобном хозяйстве. Мне не было 16 лет, а в трудовую книжку записали стаж работы только после 16-летия. Книжку из колхоза, подтверждающую стаж работы, я не сохранила, и поэтому не являюсь участником войны, в отличие от моих одногодок.

После школы я поступила в Институт советской торговли. Училась заочно на учётно-экономическом факультете и окончила его. Потом вышла замуж, переехала в Петербург. у нас родилась дочь Маргарита.

С 1977 года я работаю в Институте гематологии и трансфузиологии. Много лет его духовно окормляет священник из Князь-Владимирского собора протоиерей Виктор Иванов. в дореволюционные времена в здании Института располагалась Свято-Троицкая община сестёр милосердия, и на месте, где сейчас конференц-зал, была церковь.

Однажды вечером заместитель директора института Маргарита Николаевна Алексеева высказала мысль о воссоздании часовни. Я горячо поддержала эту идею, и мы получили согласие директора института, Евгения Алексеевича Селиванова, без которого ничего бы не было.

Так, Божьей милостью в Институте гематологии и трансфузиологии была освящена часовня в честь Святой Живоначальной Троицы. в ней служат сёстры милосердия. в конференц-зале, на месте которого когда-то был храм, несколько раз в год служится Божественная литургия при участии прихожан Князь-Владимирского собора.

Следующей нашей задачей было восстановить колокольню над зданием Института. в 2009 году были закончены работы, и теперь здание венчает колокольня с золотым крестом на куполе. Её прекрасно видно с Дегтярной улицы между 2-й и 3-й Советскими.

Это тоже далось нам большим трудом, в основном, усилиями Маргариты Николаевны. Слава Богу, всё получилось. Но раз Господь дал возможность работать, видимо надо сделать что-то ещё. Дел много…

Сталина Николаевна Юманова (Бондаренко) о своей семье

В 1941 году, когда началась война, мне было четыре года. у нас была большая семья: пятеро детей и родители. Жили мы в Ставропольском крае, в селе Летняя Ставка. у папы, Бондаренко Николая Андреевича, было освобождение от мобилизации в армию, так как он был ведущим специалистом в селе и единственным кормильцем в многодетной семье.

В ноябре 1941 году папу, по его просьбе, взяли в армию, а в феврале 42-го в нашей семье родилась еще одна девочка. в 1943 году папа ушёл в партизанские отряды, в бригаду Алексея (Белоруссия).

По осени 43-го пришли немцы с румынами и стояли в нашем селе. Кушать было нечего, так как они всё у нас отобрали. Нашей семье из семи человек помогали дружные соседи.

Однажды ночью я проснулась от шёпота взрослых и какого-то звука, доносившегося с улицы…Это вели колонну людей, которую расстреляли за селом во рву.

Помню голод весной, очень хотелось есть, но есть было нечего.

Когда прогнали немцев, мы ещё долго бегали прятаться в окопы, услышав звуки самолёта, думая, что это летят бомбардировщики нас бомбить, но это уже были наши самолёты.

О папе известно, что с 5 по 18 мая 1943 года он находился в бригаде, которая была окружена карательными отрядами немцев. Погиб он под Белоруссией в звании младшего лейтенанта. Место захоронения не известно.

В 1944 году мы переехали на Кавказ, и я пошла в школу. Одежда у нас с братом была одна на двоих (ботинки, шаровары, свитер). Брат ходил в первую смену, я ждала его, потом одевалась в его вещи и бежала во вторую смену в школу.

Мама, Бондаренко Елена Ивановна, оставшись вдовой, сама воспитала детей.

Бежим на фронт!
Феликс Сергеевич Махов

19 октября 1941 года немцы оказались недалеко от Москвы. не так близко, как под Ленинградом, но паники в столице было больше. Достаточно сказать, что на Калужском шоссе (где в 1945 пройдут колонны пленных немцев), напротив Академии наук несколько продуктовых магазинов были атакованы москвичами, и можно было видеть, как люди шли по улице, увешанные гирляндами сосисок. Говорят, что на следующий день милиция остановила грабежи магазинов и беспорядки. Я этого уже не видел, так как отец отправил нашу семью в эвакуацию: маму, троих детей и домработницу Мотю. Мне было тринадцать лет, брату Юрию — пять лет, а сестренке Светлане не было и года. Маме было тогда тридцать семь. Она была партийным работником.

Нас погрузили в специально оборудованные нарами товарные вагоны по 30–40 человек в каждом. Никакой паники при посадке не было. Отец оставался в Москве. Он уже был в военной форме с одной шпалой в петлице (это соответствовало званию капитана). Подробностей прощания не помню, но было ощущение, что мы уезжаем не надолго — так, по крайней мере, мне казалось. Несмотря на то, что немцы были уже под Москвой, нас, мальчишек, не покидала уверенность в скорой победе над Гитлером. Вера в Сталина и в могущество Красной Армии была беспредельной.

Самым страшным моментом за всю многодневную поездку на восток была бомбёжка нашего состава. Она началась под вечер 20 октября, когда мы были ещё недалеко от города. Помню только разрывы бомб справа и слева от состава и жуткую болтанку в вагоне, так как поезд развил максимальную скорость. Плакали маленькие дети, испуганы были женщины. Только мы, мальчишки ощущали себя участниками какого-то кинофильма про войну.

Всю ночь состав нёсся на восток, и народ разместился на нарах. Маленькие дети уснули, а пацаны долго не могли спать, переживая недавнюю бомбёжку.

Ехали мы долго, больше недели. на некоторых станциях вагоны отцепляли, и состав становился короче. Наконец, отцепили и наш вагон. Мы оказались на станции Саракташ в Башкирии, на границе с Оренбургской областью.

Нашей семье пришлось ехать на подводе 120 км до села Зилаир. Других «выковыренных» (так местные называли эвакуированных), с меньшим количеством детей, забирали жить в деревни по пути. Село Зилаир оказалось русскоязычным поселением. Я такой красоты больше не видел нигде. Оно располагалось на высоком плато, которое огибала река Сакмара. Когда-то это было очень богатое село, крестьяне в нём были зажиточными. не случайно после революции здесь было кулацкое восстание, во главе которого стояла женщина. Восстание было жестоко подавлено, но легенда о свободолюбивом селе долго сохранялась.

Нас приютила одна жительница Зилаира. Вначале она относилась к нам не очень доброжелательно, но потом подружилась с нами и чем могла, помогала. Зимой стало голодно, но, конечно, не так, как в Ленинграде. во всяком случае, хлеб был. Мама устроилась работать в райком партии, няня ухаживала за сестренкой, а я учился в школе. Иногда мы получали письма с фронта, а мама получила аттестат.

Папа был комиссаром батальона и участвовал в разгроме немцев под Москвой. Был ранен, лежал в госпитале и летом 1942 года получил отпуск по ранению и собирался к нам приехать. Когда я узнал об этом, то несколько дней встречал его у въезда в село. Но отец приехал неожиданно поздно вечером. Радости нашей не было границ. а я был счастлив вдвойне: отец мне привез с фронта маленький пятизарядный револьвер. у него была перламутровая рукоятка, а самое главное, к нему подходили патроны от «мелкашки» – надо было только немного подрезать свинцовую пульку. Все зилаирские пацаны завидовали мне смертельно. Это не могло закончиться добром. о немецком револьвере узнала милиция, и у меня оружие конфисковали.

После побывки отец снова уехал на фронт, а я стал вынашивать мысль о побеге. Видел себя сыном полка, в котором воевал папа. и вот в октябре 1942 года мы с моим приятелем Колей Алпаткиным, он был старше меня на год, решили бежать на фронт. Всё обдумали, написали записки своим мамам (друзья должны были передать их через сутки), припасли по буханке хлеба и рано утром рванули на фронт.

Я уже писал, что до станции было 120 км. на следующий день мы увидели райкомовскую машину «эмку», посланную за нами в погоню, но мы спрятались и видели, спустя несколько часов, как машина проехала обратно.

Так мы одолели первый этап. а дальше началось движение к Москве. на товарных поездах, иногда на платформах, накрытых брезентом (один раз там оказались трупы людей, погибших при катастрофе на какой-то шахте), иногда на товарняках с животными, иногда на пассажирских, по одному перегону, мы медленно продвигались к Москве. в Чкалове (нынешний Оренбург) прожили неделю. От голода спасались тем, что присоединялись к группам эвакуированных, которые кормились на станции. Один раз попали там в баню, в санпропускник и хотя бы ненадолго избавились от насекомых

К счастью, в конце 42-го года многие организации ехали на восток в новые места расположения. Это нас спасало: всегда можно было сочинить легенду и перехватить какую-нибудь еду. Своим мамам не писали: во-первых, не было денег, а во-вторых, боялись, что объявят нас в розыск, хотя разыскать нас на железной дороге было нелегко.

Конечно, наш побег был авантюрой, но, вспоминая сейчас, уверен, что главная причина была в патриотизме, в желании помочь нашим отцам разгромить Гитлера.

Сейчас уже смутно помню все детали нашего путешествия. Наверное, потому, что постоянной заботой было найти, что поесть, где поспать, а утром двинутся вперед. Помню, в Куйбышеве (Самаре) на площадке пустого мягкого вагона увидели Сталина с трубкой в зубах. Правда, оказалось, что это не Сталин, а Моисей Моисеевич Каганович, тогдашний министр авиационной промышленности. Он был очень похож на Сталина. в Куйбышеве мы с Колькой долго кантовались. Там было правительство, поэтому вокзал и пути охранялись, и нам не сразу удалось двинуться дальше.

Вот так перегонами мы и двигались к Москве. Уезжали из Зилаира осенью, а добрались до любимой столицы только в марте 43-го года. Постриженные под ноль, худые, измождённые, мы простились друг с другом и пошли «по домам» в разные стороны, не веря своим глазам: мы, наконец, в Москве. Но самое нежданное было через час. Когда я позвонил в свою квартиру, мне открыла дверь соседка и, остолбенев от удивления, сказала: «Феликс, ты живой?! а папа твой

дома!» Я распахнул дверь и увидел отца, сидящего за столом. Он тоже ничего не знал обо мне больше четырёх месяцев.

Весна 43-го. Отец уехал на фронт, меня с собой не взял. Я остался в Москве один. Приходилось ещё тушить зажигалки на крыше дома, но вскоре бомбёжки прекратились. а романтики всё ещё хотелось, и уже хотелось любви. а рядом — Даниловский рынок и Москворецкий Дом пионеров с театральной студией, где примой была Томка Левшина, моя любовь. Рынок тянул в одну «романтическую» сторону, Дом пионеров — в другую. Вот так и жил. Было голодно. Спасали концерты самодеятельности на заводах и в госпиталях, там подкармливали. Но рынок делал свое «дело»: я бросил учиться, остался на второй год в восьмом классе. Пришлось задуматься о жизни, и я пошёл учиться в 5-ю Артиллерийскую специальную школу (эти школы называли «Потешным войском Наркомпроса»). Воевать уже не довелось: пришла Победа. а я переехал в Ленинград, стал офицером-артиллеристом, потом военным переводчиком, потом психологом, работал с трудными подростками и даже одно время был директором детского дома.

Феликс Сергеевич родился в Москве, но много лет живёт в Санкт-Петербурге, и его стихи посвящены блокаде Ленинграда.

ДЕНЬ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Светлый день — День снятия блокады!
Счастлив измождённый стар и млад.
Город ожил! Отогнали гада!
И вздохнул свободно Ленинград.

Вздох донёсся до созвездья Леды.
Позади кошмары сотен страшных дней.
Он пришёл — наш Невский День Победы
Чудом уцелевших храмов и людей.

Не забыть нам Невскую Дубровку,
Ладогу, спасавшую детей,
И промерзшие картошку и морковку,
Чудом снятые с заснеженных полей.

Этот подвиг время не забудет:
Голод, артобстрелы и мороз.
Подвиг Ленинграда многотруден,
Славу вечную он городу принес.

Живым монументом нам прошлое стало.
Страницы блокады о нем говорят.
Поднимем, друзья, в день январский бокалы
За тех, кто фашистам не сдал Ленинград!

ГОЛУБИ

Валечке Яковлевой

Хромая женщина бросает щедро крошки,
И стая голубей слетается к ногам.
И вспоминает женщина о прошлом,
Как будто дарит счастье голубям.

Как хочется мечтой ей поделиться,
Мечтой, что пролетела стороной.
И благодарно окружают птицы
Усталость жизни женщины больной.

Легко порхая, вновь и вновь садятся,
Головками кивают в знак любви.
И хочется ей с силами собраться,
Чтоб оторваться с голубями от земли.

И приземлиться в тихом переулке,
Где в сорок третьем дом был разбомблён,
Где кто-то подарил кусочек мягкой булки,
Когда был Ленинград освобождён.

27 сентября 2005

От Херсона до Берлина
Воспоминания Антонины Дмитриевны Владимировой

Начало войны меня застало во время сдачи государственных экзаменов в фармацевтическом техникуме. Мы жили тогда в небольшом южном городе Херсоне, в котором возводил укрепления ещё Суворов. Мне было 17 лет.

Представление о войне у нашего поколения и у людей постарше, кто не был участником Первой Мировой, было очень наивное. Мы были страстными патриотами и считали, что наша Родина, Советский Союз, — самая могучая и непобедимая. Помню лозунг, произнесённый, по-моему, Ворошиловым: «Нам не нужны завоевания, но в случае нападения мы не отдадим ни пяди русской земли!» Поэтому слово «война» у меня не вызвало никакой тревоги. Думаю, у всех было такое чувство, что она закончится через два-три месяца. Поэтому после окончания техникума областное здравоохранение направило нас в областной центр город Николаев. Там я получила распределение в районный центр Еланец работать ассистентом провизора. в Еланце была школа-десятилетка, аптека, военкомат. Аптеку, куда я приехала работать, возглавлял удивительный человек — Анна Поликарповна Арделян, жизнерадостная, ещё молодая, лет тридцати пяти — тридцати семи. Муж её, Михаил Николаевич, был заведующим учебной частью десятилетки. Он был из обрусевших армян. (На Украине со времён ещё дореволюционных, когда был геноцид армянского народа, было большое село переселенцев из Армении, и почти у всех в селе была фамилия Арделян).

Детей у них не было. в то время я была похожа на девчонку: 17 лет, небольшого роста, с косичками — и они меня сразу начали опекать, как это делают добрые русские люди.

Чувства тревоги, что где-то идёт война, у меня абсолютно не было, потому что я была вся в ужасной тоске по дому — это было моё первое расставание с мамой, с домом, и мне было так одиноко, я так о ней плакала, что война меня волновала мало. Но недели через три уже гремел гром войны, стали слышны взрывы, и по ночам даже было видно зарево. в один из этих дней я впервые пережила страшную бомбёжку. Я увидела кровь и раненых, которых несли в аптеку, где Анна Поликарповна с удивительной ловкостью, энергией перевязывала их, и только командовала мне:

— Тонечка, дай мне кофеин! Дай мне бинты!

И я носилась по аптеке, бледная от волнения. Это было страшно — видеть кровь впервые в жизни. а они всё ещё бомбили, обстреливали деревню. в общем, через несколько дней встал вопрос об эвакуации. Анна Поликаропвна с Михаилом Николаевичем обязательно должны были уехать. Военкомат им выделил подводу и двух лошадей — для них и для учителя математики с женой и грудным ребёнком. Естественно, меня они не могли оставить одну в чужом месте, где я никого не знала.

И Анна Поликарповна с Михаилом Николаевичем, не раздумывая, взяли меня с собой.

Надо сказать, моя мама, когда провожала меня в область, видимо, тоже думала, что война кончится через два-три месяца, потому что в мой небольшой чемодан были положены исключительно летние вещи, ни тёплого платочка, ни тёплой кофточки. Все тёплые вещи мне дала Анна Поликарповна.

И вот на этой подводе люди, понимавшие, что уже, по-видимому, никогда сюда не вернутся, везли всё, что будет необходимо в дальнейшей жизни. Это был довольно громоздкий груз, если бы ещё и мы все сели, то лошадям было бы тяжело. Потому, когда мы выехали в этот долгий-долгий путь по направлению к Днепру, первой нашей водной преграде, мы с Михаилом Николаевичем в основном шли пешком за подводой. Такие подводы я называла кибитками, потому что они были похожи на цыганские — с крышами из фанеры, как у цыган.

Михаил Николаевич был удивительным, интересным, интеллигентным, образованным человеком, он прекрасно знал историю Украины. Обо всех местах, которые мы проходили, он мне рассказывал. о каких-то событиях дореволюционных, связанных с Гражданской войной… Однажды мы проходили через деревню Пятихатка, и он мне рассказал, что это родина Махно — я о нём тогда ничего не знала. После войны Михаил Николаевич написал книгу об этих местах, но она так и не была издана.

Недели через две-три, проходя по почти пустым деревням, пустым дорогам, мы видели нескошенный хлеб, а на токах, где молотят хлеб, — горы молотого зерна. Всё это было брошено, всё это было уже никому не нужно… на въезде в деревню нас встретила женщина — одна, трое её сыновей ушли на фронт. Она нас пригласила в дом, спросила, откуда мы, куда едем. Ей, видимо, было страшно одной, я даже не видела других жителей в этой деревне. Она позвала нас в сад. у неё был хороший дом, хорошая семья. Весь сад был усеян спелой сливой, её никто не собирал. Почему-то эта картина осталась у меня в памяти: на земле лежат сливы, яблоки, и никто не собирает, никому не нужно.

Не помню, сколько мы ехали через эти горящие хлеба, немолотое зерно. Михаил Николаевич спрашивал, как ехать и где находится переправа. Но когда, наконец, мы достигли берега Днепра, это было в районе Никополя, то увидели ужасную картину. По понтонному мосту (то есть доскам, лежащим на плотах) шли наши отступающие войска, а на берегу рядом с мостом стояли десятки подвод, и эти подводы никто не пропускал на мост. Они стояли абсолютно без надежды когда-нибудь перебраться на ту сторону — войска отступали, и как долго они могли отступать, неизвестно.

Михаил Николаевич с математиком начали думать, как переправить через Днепр четырёх людей — троих взрослых и ребёнка, двух лошадей и подводу. Недаром о русских людях говорят, что они изобретательны и умеют найти выход из критической ситуации.

Они вошли в избу на высоком берегу над Днепром, в которой жил старик, и он им говорит: «Вон там, на берегу лежит каюк (лодка по-украински), она рассохлась, я давно ею не пользуюсь. у меня есть смола. Хотите, займитесь ею, засмолите на ночь, может быть, к завтрашнему дню на ней можно будет как-то переправиться через Днепр».

Но ведь на одной лодке ни лошадей, ни все наши вещи не перевезёшь…

Ночью мужчины растопили смолу, покрыли ею дно лодки. на следующий день, когда её поставили на воду, она держалась, но давала течь в нескольких местах.

На эту лодку сложили чемоданы и даже сундук. Михаил Николаевич сел сзади на руле, математик греб, а я сидела посередине, и у меня была какая-то консервная банка. Днепр в этом месте был широким, на воде было волнение — я только успевала этой банкой выхлёстывать воду из лодки. Мы переплыли один раз, сложили вещи на белоснежном чистом песке и поплыли обратно.

Для следующего «рейса» пришлось разобрать подводу — это ведь надо было уметь (откуда эти умения у Михаила Николаевича?). Колёса они положили на дно, а короб подводы поставили на лодку; дышло, управа, прочие детали тоже поместились. Сделали ещё один рейс. Остались только мы сами и лошади.

Живых людей военные пропускали по мосту. Если вы идёте с узелком — пожалуйста, проходите. а у нас-то две лошади. Ситуация безнадёжная. на что мы надеялись, на что мы рассчитывали, когда подошли к мосту?

И вот, Михаил Николаевич держит за узды двух лошадей. в начале моста стоят солдаты, никого не пропускают. Он подводит лошадей, Анна Поликарповна, человек активный, стоит рядом с ним, и они пытаются объяснить солдатам, что мы уже перебрались, вещи перевезли, а лошади — тоже живые, пусть не люди, но живые, их надо пропустить. а они не пропускают. Я стояла сзади лошадей, и в руках у меня был прутик — может быть, я специально взяла, может, нет, не помню — и я стала лошадей по крупу хлестать. Может быть, я подумала, что уже разрешили идти. и лошади ступили на этот мост, а солдаты их не остановили. и мы сами тоже пошли за лошадьми.

Переправлялись на лодке мы недалеко от моста, пришли туда, где лежала наша разобранная подвода и вещи. и такие радостные, такие счастливые, как будто мы ушли от немцев на тысячи километров. Собрали подводу, сложили вещи, водрузились сами и двинулись в Донецк (тогда он назывался Сталино) — там был центр распределения эвакуированных.

Но когда мы отъехали от Днепра, встретили людей, которые сказали, что немцы переправились выше по Днепру и уже наступают. Так что радость была недолгой.

Мы приехали в Донецк уже вечером и первым делом пошли в военкомат. Во-первых, потому что Михаил Николаевич и математик — военнообязанные, во-вторых, потому что у нас были лошади и средство передвижения. Вернувшись из военкомата, мужчины сказали, что у нас отбирают лошадей и подводу, а мы погружаемся на поезд. Весь поезд состоял не из крытых вагонов, а из открытых платформ. Все сидели на своих вещах, каждый со своими объединялся: родственники, дети, старухи, молодые, юные.

Мы выехали ночью. Огней нигде нет, и наш состав медленно-медленно движется в абсолютной темноте. к утру мы приехали к станции Лихая. Эта станция была связана с главной магистралью Ростов-на-Дону — Москва. Нас, видимо, решили в Ростовской области распределить по колхозам. Сначала хотели отправить за Волгу, в Сталинград, а потом, наверное, пересмотрели и сказали: ни в какой Сталинград не поедете, а доедете до Миллерово и поедете работать по колхозам.

Но на этой станции произошло ещё одно интересное событие. Состав прибыл утром. Было поспокойнее — подальше от фронта, хотя около станции было очень много эвакуированных. и Анна Поликарповна мне говорит: «Смотри, люди где-то в чайники набирают воду, спроси и пойди принеси воды».

За мной увязался мальчик, которому было лет семь-восемь. Мне сказали, что рядом с одним из заброшенных домов есть колодец. Мы нашли этот колодец, а вокруг него было поле ромашек. Это была такая красота! Какая война, какой там состав! Я увидела эти цветы, и начала рвать, потом мы набрали воду, сидели, болтали ногами. Приходим к тому месту, где стоял состав — а состава нет. Мальчик сразу в рёв. Я думаю: «Я же взрослая, я не могу плакать». Я вылила воду на рельсы, и мы с ним пошли искать правды: куда делся, куда поехал наш состав. Я не помню, испугалась я или нет. Может быть, не очень, но за него волновалась — там же родители с ума сходят. у меня было три рубля, мы зашли на рынок, купили варёную кукурузу. в это время туда забрёл какой-то самолёт и стал бомбить. Когда мы спросили, куда нам идти, где узнать направление, в котором отправился наш состав и где он будет останавливаться, нас направили в эвакопункт.

Я захожу вместе с этим мальчиком в комнату — там сидит человек, и он говорит нам, что поезд доедет до Миллерово, а там будет расформировываться, вы не волнуйтесь, вечером пойдёт рабочий поезд, довезёт вас до Миллерово.

А я сморю на него, и почему-то не верю. Бывает такое, когда смотришь на человека и сразу понимаешь, можно ему верить или нет. Почему вдруг у меня к нему такое недоверие? Кто-то посоветовал пойти в милицию. Мы постучали, входим. у окна за столом сидит человек, разговаривает по телефону:

— Девочка такая с белыми косичками? и мальчик поменьше? а вот они стоят передо мной! Ну не волнуйтесь, мы их отправим рабочим поездом.

Это Михаил Николаевич звонил с какой-то станции в эту Лихую. с тех пор он меня поддразнивал Нина Лихая. Мы доехали, навстречу нам прибежали Анна Поликарповна и мама этого мальчика.

Вскоре приехали подводы, и мы уехали в деревню, где был хороший колхоз, большое стадо овец, лошади, люди хорошие. Это было в августе. Хлеб уже скосили, но ещё не молотили. и там в первый раз в жизни я, городская девчонка, участвовала в молотьбе хлеба. Это надо было видеть. с одной стороны из молотилки с одной стороны сыплется зерно — большие коробы килограммов на пятьдесят, а с другой стороны идёт солома, и колхозницы, молодые, крепкие, вилами эту слому складывают в скирды, чтобы следующее двигалось. и при этом стоит страшная пыль. Когда я постояла у этой сломы, лёгкие забились пылью, и к вечеру температура была 39 ° от переусердия…

В деревне мы прожили месяца три, за это время я научилась ездить на лошади, успела подружиться с мальчишками, и мы с ними возили хлеб на станцию на быках.

В октябре пришёл приказ, чтобы колхоз собирал стадо и уходил за Волгу. в этой деревне жил молодой болгарин с женой. и незадолго до эвакуации болгарин заболел и умер, а его молодая жена осталась в деревне, решила не уходить…

Эвакуированные, как и большинство жителей деревни, не хотели оставаться у немцев. Нам выделили подводу с фанерной крышей и двух быков. Жители деревни шли очень неспешно, не хотели уходить далеко от дома. Днём пройдут километров десять, а ночью останавливаются. Михаил Николаевич сказал, что мы так далеко не уедем, и мы двинулись одни. Но волы шли медленно. Помню, что 7 ноября 1941 года утром мы проснулись, покрытые снегом…

Через Дон мы перебрались спокойно и приехали в станицу Зимники, это ниже по Дону от станицы Вёшинской, родины Шолохова. Это был довольно большой районный центр. Анна Поликарповна, взяв меня, пришла в аптеку, спросить о работе. Заведовала аптекой жена секретаря райкома. Она предложила мне быть ассистенткой. Я отказывалась, но Анна Поликарповна посоветовала мне остаться, а сама с Михаилом Николаевичем отправилась дальше, в деревню Орлиновку.

Мы расстались, но связь не теряли, переписывались. в 1943-м году Михаила Николаевич, несмотря на пожилой возраст, мобилизовали, и он работал в штабе. После войны они жили в Москве, и я часто бывала у них в гостях.

Заведующая аптекой в Зимниках была хорошим человеком, она взяла меня к себе домой. Они жили довольно благополучно, а у меня, наверное, был такой вид, что они меня пожалели. Я помогала по дому, работала в аптеке. в этой станице я пережила большую радость, когда услышала о победе в битве под Москвой. Это было такое счастье! Казалось, теперь всё будет по-новому, всё будет хорошо.

Летом 42-го года немцы пошли в наступление на юге, рвались к Кавказу. Они, видимо, шли по направлению к Ростову-на-Дону, и стали бомбить наш районный центр, многие стали уезжать оттуда. Заведующая аптекой уехала в эвакуации, аптеку разбомбило. Секретарь райкома партии стал организовывать ополчение из тех, кто остался в Зимниках. Ополчение во главе с ним уехали в соседнюю деревню, а я осталась на улице в растерянности. Я пешком пошла в ту деревню, где находилось ополчение, пришла к секретарю райкома партии и разревелась, сказала, что не представляю, что мне делать.

— Ну что ты ревёшь! Иди в аптеку, собери там всё необходимое для аптечки, и будет у нас в ополчении медицинский уголок.

Я сходила в аптеку, взяла бинты, йод, аспирин и всё, что было необходимо, и перебралась в деревню. Я остановилась в избе у казачки, которая жила вдвоём с внучкой — сыновья ушли на фронт. Красивая, высокая, стройная старуха, седая, с голубыми яркими глазами и чёрными бровями. Она отнеслась ко мне как к дочке, с её внучкой мы очень подружились. у них был огород, и так как ополчение ничего не делало, мы с ней сидели на огороде, выбивали подсолнухи, кукурузу выбирали. Она меня кормила и ни о чём не спрашивала.

Там было удивительное молочное блюдо — каймак: в горшочек собирают сливки с молока, а потом ставят в печку, и он запекается чудной корочкой. на стол ставили сковородку с картошкой, и её ели с этим каймаком.

Наступления немцев не было, ополчение вернулось в Зимники, я устроила медицинский уголок в здании школы.

И вдруг меня вызвают в военкомат и спрашивают:

«Вы хотите в армию?» — «Конечно, хочу», — отвечаю я. «Добровольно?» — «Добровольно». — «Хотите быть зенитчицей?» — «Чего не могу, того не могу: у меня близорукость, я не смогу стрелять». — «А разведчицей хотите быть?» — «А я смогу?» — «Вас научат. Согласны?» — «Согласна». — «Тогда собирайтесь, и вечером приходите — будет машина».

Машина, забиравшая меня, проезжала мимо деревни, где жила казачка, и мне разрешили с ней попрощаться. Я зашла к ней, сказала, что ухожу в армию… Она начала голосить: «Бедная ты моя одинокая! Крошечка ты моя маленькая! Куда же это ты едешь, и некому тебя проводить! Да где же твоя мама!..» Так меня проводили в армию.

Мы приехали в деревню, где стояла рота разведчиков, которые ходили в ближние районы. Ходили они ночью, в штатском, а лица мазали сажей, чтобы не светиться в темноте.

Потом мы должны были поехать в разведшколу. Вместе со мной из Зимников приехала женщина по имени Татьяна, она была постарше, лет под тридцать, и она меня опекала, была мне как мама.

В разведшколе нас научили морзянке, мы изучали небольшую радиостанцию «Север». Они готовили пары разведчиков: резидента, который ходил по территории и собирал сведения, и радиста, который окапывался в лесу, устраивал радиостанцию и передавал сведения резидента. Приближалась зима 42-го года, когда началась Сталинградская битва. Но пока мы учились, битва под Сталинградом кончилась, и вернулись многие разведчики. Необходимость в нас, только что обученных, желторотых, отпала, и нас отправили в запасной полк, куда могли обратиться те, кому нужны были радисты.

В этом полку шла спокойная жизнь. После тяжёлых боёв людей не отпускали домой, и они приезжали в запасной полк сделать передышку. Там была хорошая самодеятельность. Я пела, и меня тоже пригласили участвовать в самодеятельности.

От тех лет осталось яркое-яркое впечатление. с фронта пришёл эшелон с людьми, уставшими после боёв. и вот, огромный зал, наполненный солдатами, которые через всё уже прошли. и я, такая пигалица с косичками, выхожу на огромную сцену и пою для них песню.

Я уходил тогда в поход,
В далёкие края.
Рукой махнула у ворот
Моя любимая…

Второй стрелковый храбрый взвод
Теперь моя семья
Привет, поклон тебе он шлёт
Моя любимая

В кармане маленьком моём
Есть карточка твоя,
Так значит мы всегда вдвоём,
Моя любимая.*

Мне нравилась эта песня, и я её так спела, что зал — в жизни такого не видела — весь взорвался аплодисментами. Они ведь так остро всё помнили — своих детей, своих оставленных любимых, и так на них пахнýло яркими воспоминаниями о том, что они оставили, это был такой удар в сердце. Была такая овация!

* «Моя любимая», стихи Евгения Долматовского.

После Сталинградской битвы армия наша наступала с такой скоростью, что мой запасной полк не успевал за ней, и к лету так отстал, что есть стало нечего. Мы в деревнях меняли на еду оставшиеся довоенные кофточки, за них нам давали молоко, картошку, а в пайке был только кусочек хлеба. а ещё мы делали суп, назывался он за́тирка. на стол насыпаестя мука, потом туда капается вода, и катаются шарики, они опускаются в подсоленную воду. Очень вкусный был суп. и в этой деревне весной мы копали огороды у хозяйки, у которой мы стояли. Земля была тёплая, в лесу огромные берёзы…

Это был Первый Белорусский фронт… в деревню приехали представители 301-й дивизии 16-й воздушной армии с желанием заполучить радистов. Меня взяли в 34-й краснознамённый полк пикирующих бомбардировщиков. Ребята его называли Пэ-2, их разработчиком был В. М. Петляков, и это были лучшие бомбардировщики в те годы. Хотя они были далеко не совершенны, поскольку в боях не всегда гарантировали спасение экипажу, если самолёт подбили зенитки. Сверху был стеклянный колпак, и для того чтобы из него выбраться с парашютом, его надо было сдвинуть. Впереди штурман и лётчик, а сзади — стрелок. Чаще всего этот колпак не открывался. и ребята эти самолёты называли гробами.

Меня привезли в 34-й краснознамённый полк в роту радистов. Непосредственно в боевых действиях я не участвовала, т. к. радист должен сидеть на аэродроме и держать связь с самолётами, ушедшими на задание: как они отбомбили, безопасность, как они возвращаются, есть ли потери. Начала я войну ефрейтором, а закончила — старшим сержантом.

Это была уже другая, настоящая фронтовая жизнь. Наш полк участвовал в битве за Прохоровку в районе Курской дуги, г. Елец. Это была великая битва. Многие наши ребята погибли. Говорят, что это было самое великое танковое сражение, но лётчиков тоже очень много погибло.

Пикирующие бомбардировщики всегда базировались в прифронтовой полосе. Всё время немцы бомбили аэродромы, как бы ни маскировали, ни устраивали подставные аэродромы… в районе Гомеля мы стояли очень близко к фронту, и в лесу накопилось много техники: готовилось наступление. у немцев разведка очень хорошо работала, и ночью враг начал обстреливать лес. а в этом лесу стояла наша радиостанция. в эту ночь я не дежурила, дежурила другая девочка. а мы, пять или шесть человек спали под брезентовым тентом: двое ребят-метеонаблюдателей, в полуметре от них мы с Татьяной, укрытые шинелью, дальше — ещё две девочки. и ночью рядом с нашими головами взорвались три снаряда. Мы проснулись оттого, что на брезент сверху что-то сыплется. Но между навесом и нашим настилом было открытое место, и по нему веером прошлись осколки. Я маленькая, я за Татьяну спряталась. Наша шинель — в клочья осколками. а ребята лежали выше. Их убило, один лежал спиной, а другому снесло голову…

Когда хоронили этих двух мальчиков, командир батальона сказал: «Ну, девочки, вы родились в рубашке!»

Я не знала, что в далёком 1923 году мамочка тайно от мужа-коммуниста меня крестила. Если я осталась жива, то только потому, что меня берёг мой ангел-хранитель, и я уверена в том, что Господь меня любит и сейчас. Он меня спасал ещё много-много раз, когда накрывало в окопах, когда бомбили рядом, и после войны.

В Польше, в городе Познани немцы заняли очень сильную, мощную крепость. Под землёй у них были такие склады продуктов, одежды! Ребята бомбили эту крепость — бомбы не достигали цели. Войска уже продвинулись к Германии, а Познань взять не могли. Осада длилась месяц. Но кто-то придумал, как лишить крепость доступа к воде, и только после этого, 23 февраля 1945 года, немцы сдались. Потом в эту крепость ходили как в музей лётчики, которые бомбили её и не могли пробить.

Самые большие потери наш полк понёс при поддержке Одерской операции в январе 1945 года. Перед тем как подойти к Берлину, наши войска форсировали Одер. Какая-то часть переправилась, захватила небольшой плацдарм. Чтобы там удержаться и переправить остальные войска, наши войска бомбили немецкую передовую, и многих сбили, много ребят погибло. на самолёте моего будущего мужа убили радиста.

Почти каждый боевой вылет сопровождался потерями. Но вечером, несмотря ни на что, устраивались танцы. Танцевали под военные фронтовые песни. «Однажды вечером, вечером, вечером…» — лётчики любили эту песню из «Небесного тихохода». Или вальс «В этом зале пустом мы танцуем вдвоём…» Кто-то пел, на скрипке играл Борис, лётчик, он всегда брал в полёт скрипку. Потом он сгорел в самолёте.

Так странно, как это всё уживалось рядом! Ребята знали, что завтра могут не вернуться с задания, но при этом жили такой полной жизнью! не было ни мрачности, ни мелочности, наоборот, была жизнерадостность. Непостижимо, удивительно, какая жизненная сила есть в человеке. со своим будущим мужем — старшим лейтенантом Алексеем Григорьевичем Владимировым, я познакомились тоже на танцах, в 43-м году, когда он вернулся из госпиталя. а в госпиталь он попал после того как выпрыгнул из самолёта с парашютом. Парашюты обстреляли, и он повредил позвоночник. к счастью, это было на нашей территории, его доставили в госпиталь, он восстановился, смог ходить. Вместе с ним лежал стрелок по имени Сева, который позвал его к своему отцу в гости — это было недалеко от того места, где был госпиталь, под Москвой. у меня есть фотография, где они втроём: Сева, его отец и Лёша. Потом Лёша с Севой вместе летали. Сева погиб под Курском. Отец видел его во время войны, а с войны он не вернулся. за операцию под Гомелем, в которой Лёшин экипаж разбомбил мост, по которому отступали немцы, он получил орден Боевого Красного Знамени.

Весной мы переехали в Малый Кенигсберг, в Германию, на немецкий благоустроенный аэродром. Оттуда уже летали бомбить Берлин. Там был такой случай. Был страшный ливень, и капитан хотел послать мою подругу с каким-то донесением, а у неё были рваные сапоги. и я ему сказала довольно дерзко: у вас сапоги новые, хорошие, вот вы и идите, а она промокнет и простудится. Он на меня посмотрел и сказал: «На гауптвахту». а гауптвахты женской как таковой не было, посадили меня в какой-то подвал — а аэродром был благоустроенный, казармы — трёхэтажные шикарные дома, в которых жили лётчики и командный состав. в подвале было окошечко на уровне земли. Я помню, Лёша пришёл, посмотрел в это окошечко: «Ну, и как ты тут?» — «Да не знаю… сижу» — «Сейчас пойду к Кузнецову, всё ему объясню!» — «Да ты-то чего!» — «Вылезай в это окошко, пойдём, погуляем, а потом вернёшься обратно», — конечно, меня никто не сторожил.

О том, что кончилась война, мы, радисты узнали в первую минуту, ещё 8 мая. Что тут началось! Все вышли на улицу, начали палить! Что это было!

Потом полк перелетел в город Финов недалеко от Берлина на постоянное базирование. Там началась демобилизация некадровых военных, полк расформировали, но лётчики продолжали учебные полёты.

Чтобы узаконить наши отношения, Лёша написал заявление командиру полка Новикову: «Прошу записать в личное дело как жену Пронину Антонину Дмитриевну» — регистрации брака как таковой не было. Но когда мы демобилизовались, эта запись дала нам право получить комнату в небольшом одноэтажном доме.

И через какое-то время тем, кто так узаконил свои отношения, командир полка сказал: «Ну ладно, хватит! Давайте, собирайтесь, поедем в Берлин регистрироваться».

Мы погрузились на машины, приехали в Берлин в администрацию Советских оккупационных войск Германии. Огромный зал, полностью набитый людьми, — пары из каждого полка. Народу было много, мы ждали долго. Все молодые, полные надежды на счастье, радующиеся тому, что выжили. Шутили, кто-то пел, кто-то танцевал. в комнату входили по две пары, садились на стулья, не было вопросов, как в загсе, спрашивали только, откуда, из какой дивизии, из какого полка. Бланком был обыкновенный белый лист с заголовком «Свидетельство о браке», напечатанным в типографии.

Мы с Лёшей заходим, нас записывают, а потом спрашивают меня: «А какую фамилию вы берёте?» — «Как какую? Мужа, конечно!» — Так что я с гордостью ношу эту фамилию — Владимирова.

Когда мы вернулись в полк, там не было зала, чтобы устроить общий стол, поэтому открыли дверь из одной комнаты в другую, и поставили длинный-длинный стол на две комнаты. Вот такая свадьба. Все были в гимнастёрках, в сапогах: ни у кого ничего другого не было.

Лёша хотел получить инженерное образование. Он съездил в Берлин, сдал экзамены, и мы должны были поехать в Россию учиться. Летом ему был положен отпуск, и мы поехали в Россию. Я уехала в Херсон первой, чтобы побыть с мамочкой подольше. в это время я уже была беременна. Когда мы возвращались оттуда, Лёша меня сажал в поезд через окно: было не сесть, вся Россия двинулась в дорогу: ездили, искали родных…

Казалось, что будет счастье без конца и без края. Любовь, семья, дети… Но ребёнок умер во время родов. Лёша утешал меня как мог. Было очень трудно, но постепенно я успокоилась.

А 3 июня 1947 года во время учебно-бомбардировочных полётов произошла авиакатастрофа. Весь экипаж, в котором Алексей был штурманом, погиб. Их похоронили в городском парке города Эберсвальде, рядом с городом Финовом. не знаю, как я это пережила. Это был ужас, крах, конец жизни. на этом кончилась моя война.

Я уехала из Германии в Ленинград, к родителям мужа, прожила там зиму. Потом переехала к маме в Херсон. Там я окончила десятилетку (наш фармацевтический техникум не давал полного среднего образования), а в 1953 году поступила на биологический факультет Ленинградского Государственного Университета, окончила его с красным дипломом, защитила кандидатскую диссертацию. Всю жизнь, до самой пенсии я проработала в НИИ Гематологии и переливания крови.

В 2001 году я прошла оглашение в Князь-Владимирском соборе, у нас замечательная группа, мы постоянно собираемся, общаемся, читаем Евангелие.

Благодарю Тебя, Господи, за все благодеяния и за любовь, за то, что Ты сохранил меня на фронтах Великой Отечественной и послал мне ангела-хранителя в минуты смертельной опасности. Спасибо Тебе, Господи, за счастье веровать, любить Тебя и прославлять Пресвятое Имя Твоё. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Всероссийский помянник

В целях сохранения исторической памяти и молитвенного поминовения, желая сделать более доступными сведения о наших соотечественниках, способствовавших умножению славы и поддержанию чести России, в Князь-Владимирском соборе в 2008 году создан

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПОМЯННИК.

На данный момент внесены сведения: Блокадники Ленинграда – 900 000 человек; Ленинградский мартиролог – около 50 000 чел.; жертвы репрессий («Мемориал») – 2,5 миллиона; погибшие в Великой Отечественной войне – 1 400 000 чел.; воинов, погибших во время войны в Афганистане – 14, 5 тыс. чел.; Героев России, Советского Союза, а также Героев Социалистического труда — 10 000 чел.; списки погибших подводников – 4300 чел; жителей Петроградского р-на, погибших во время Великой Отечественной войны, а также Героев Советского Союза и Соц. Труда, проживавших в Петроградском районе – более 1 100 чел.; кавалеры ордена св. Александра Невского – около 1600 чел.; кавалеры орденов Российской Империи, Советского Союза и современной России; имена жертв катастроф и аварий и т. д. Всего более 4,8 млн. человек. Сбор сведений продолжается.

Проект получил благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Высокопреосвященнейшего Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира.

Адрес: 197198, Санкт-Петербург, ул. Блохина, д. 26, Князь-Владимирский собор

Т. 233-68-65;т/ф. 498-03-04

e-mail: kvsk@mail.ru

Содержание

Предисловие

Введение

Князь-Владимирский собор в годы войны

В страхе и трепете. Протоиерей Владимир Сорокин

«Я помню…» Е. Л. Веселова о блокаде Ленинграда

Воспоминания о блокаде Ленинграда А. И. Узиковой

Воспоминания о блокаде И. Т. Балашовой

«Был страх им неведом…» Рассказ О. Н. Семиковой о своём отце

Светлые эпизоды блокады Ленинграда. А. Ф. Локтев,

Она сохранила им жизнь. М. И. Зелькович.

Рассказы Е. Ф. Андерегг.

Князь-Владимирский Собор. И. Д. Ильин

«В тяжёлые времена нет полутонов…» Ф. Д. Литвин

Воспоминания М. Н. Фетинг о войне и блокаде Ленинграда

Утешение. Н. С. Жаркова (Валькова) о своих родителях

Воспоминания И. В. Алексеевой

Воспоминания Л. В. Баркановой

О Ленинграде, о блокаде и о себе. Е. М. Шумилова

Воспоминания Л. Н.Дога

Воспоминания А. К. Лифорова

Воспоминания Н. В. Лифоровой

Воспоминания Е. А. Беловой

Трудное время детства. Воспоминания Г. К. Василевской

Юманова (Бондаренко) С. Н. о своей семье

Бежим на фронт! Ф. С. Махов

От Херсона до Берлина. Воспоминания А. Д. Владимировой

Всероссийский помянник